

АРХИВ
ИСТОРИИ ТРУДА В РОССИИ,

ВЫПУСКАЕМЫЙ

Ученой Комиссией по исследованию истории труда в России.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ПЕТРОГРАД—1922.
Издание Культ-Отдела Петрогубпрофсовета.

СОДЕРЖАНИЕ ЧЕТВЕРТОЙ КНИГИ

„Архива истории труда в России“.

Часть первая.

Часть вторая.

Часть третья.

АРХИВ

ИСТОРИИ ТРУДА В РОССИИ,

ВЫПУСКАЕМЫЙ

Ученой Комиссией по исследованию истории труда в России.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ПЕТРОГРАД — 1922.

Петроград. Р. Ц. № 873. Тир. 5000.

Типография Культ.-Просв. Отдела Петроградского Совета Союзов.

Попытка регламентировать труд в нашей кустарной промышленности

(в 40-х годах 19 века).

I.

В Западной Европе мы находим в 17—18 стол. регламентацию кустарной промышленности. В Италии, Франции, Австрии, Пруссии, Саксонии, Вюртемберге и прочих германских государствах,—везде и повсюду устанавливаются известные правила, которыми нормируются отношения между работодателями и рабочими, между торговцами или компаниями торговцев, дающими заказы кустарям, и кустарями, работающими у себя на дому на скупщиков-торговцев.

Некоторые исследователи этой эпохи утверждают, что цель издания этих статутов состояла, поскольку речь идет об установлении прав и обязанностей предпринимателей и рабочих, в устранении социальных несправедливостей. На самом деле, однако, при более внимательном рассмотрении кустарных регламентов не трудно заметить, что они составлены исключительно в выгодах скупщиков-капиталистов и не имеют в виду интересов кустарей, чем они резко отличаются от фабричного законодательства последующей эпохи. Конечно, мы встречаем иногда и меры, выгодные для кустарей в виде принуждения торговцев давать им работу, ибо безработица и голод среди рабочих приводили к волнениям, следовательно, были нежелательны для государства, да и вообще всякое увольнение рабочих означало сокращение производства и тем самым противоречило политике этой эпохи, всеми силами старавшейся насаждать промышленность.

Однако мероприятия этого рода составляли все же исключение и по общему правилу в кустарные регламенты вообще не входили, в них не содержались. Для того, чтобы дать представление о характере регламентации труда в кустарной промышленности Западной Европы 17—18 ст., приведем некоторые постановления из области шелковой промышленности Лиона и шерстяного производства г. Кальва, в Вюртемберге. Как мы увидим ниже, и у нас была сделана попытка ввести однородные постановления.

В Лионе в 1667 г. члены шелкоткацкого цеха были разбиты на две группы—на торговцев шелковыми материями и на мастеров-производителей, изготовлявших бархат, парчу, шелковые ткани. При этом последние приравнивались по своему положению к подмастерьям и в качестве таковых они лишались права отказываться от работы на торговца, не предупредив его об этом за месяц; мало того, такой отказ и в случае предварительного заявления допускается лишь при условии, если

работа была уже закончена и полученный задаток отработан или возвращен. Возвратить задаток вместо мастера мог и новый скупщик, от которого он принимал новый заказ. Но если сумма неотработанного задатка была значительна, то найти нового торговца, который согласился бы уплатить эти деньги прежнему работодателю кустаря, было нелегко, а следовательно, кустарь взять заказ у нового скупщика не мог и отказываясь от работы на предыдущего, рисковал остаться в течение продолжительного времени без заработка. Выбирая из двух зол меньшее, он продолжал работать на того же скупщика, даже на невыгодных для себя условиях.

Вместе с тем существовало еще и другое стеснительное для мастера постановление. Скупщик обязан был прежде, чем он давал работу кустарю, удостовериться в том, остался ли им доволен торговец, который раньше давал ему работу, в противном случае он подлежал штрафу. Это также весьма неблагоприятно отражалось на положении кустаря, так как без такого удостоверения он не мог перейти к другому скупщику. Таким образом—жаловались мастера—мастер никогда не может рассчитывать на получение заработка, если он не умеет покорностью добиться милости своего хозяина.

В том случае, когда мастер не сумел поладить со скупщиком, ему оставался правда другой исход—сбывать товары на собственный счет, помимо всякого торговца. Однако, статут лишал его и этой возможности, ибо он различал лишь две категории членов цеха—лиц, заказывающих товары другим или работающих за собственный счет, с одной стороны, и лиц, работающих исключительно на других и не пользующихся правом самостоятельного сбыта товаров. Для того, чтобы пользоваться правом сбыта изделий за собственный счет, необходимо было, следовательно, войти в первую группу, в группу скупщиков, а в этом случае нужно было уплатить высокий вступительный взнос, что кустари не в состоянии были сделать.

Так что и этот путь был им отрезан и они оказывались всецело во власти торговцев. Покинуть хозяина кустарь не в состоянии был, как бы последний его ни эксплоатировал, раз задаток не был уплочен и раз скупщик отказывался выдать ему удостоверение в том, что он исправно работал.

Вюртембергская компания суконщиков г. Кальва, производившая значительные по тому времени операции, добилась того, что ей принадлежало исключительное право торговли всеми теми сортами изделий, которые являлись наиболее ходкими. Другим купцам Вюртемберга была запрещена торговля этими материями, так что кустари лишены были возможности сбывать их кому-либо помимо компании. Точно также и право их непосредственно продавать эти свои произведения потребителям всячески ограничивалось, пока не было у них отнято совершенно. Кустари обязаны были предлагать все изделия компании, и лишь те, которые она отказывалась принять, они могли продавать аршинами или поштучно внутри страны или заграницу.

В начале 18 ст. вюртембергская компания приобрела право накладывать штемпель на непринятые ею товары и только этими штемпелеванными материями могли торговать мастера. Вследствие этого, ткачи, жившие на большом расстоянии, были вынуждены везти товар в гор. Кальв—даже в том случае, если они заранее знали, что он не будет принят компанией; штемпель, ведь, был необходим. При отвратительном состоянии дорог это влекло за собой потерю, по крайней мере, целого дня, к которой, в случае отказа в принятии товара, присоединялась еще потеря времени до окончательного сбыта его. Многие кустари на обратном пути пропивали вырученные тяжелым трудом деньги. Но в случае непринятия изделий компанией, не только время было потеряно, но получался убыток еще и в другом отношении—штемпелеванный товар рассматривался всеми как позорное клеймо и сбыть его было весьма не легко, да и то лишь по пониженной цене.

Таким образом, кустарные регламенты были весьма стеснительны и не выгодны для кустарей. Доставить им какой-либо выгоды они в сущности не в состоянии были, ибо в то время, как появившееся впоследствии фабричное законодательство нормировало труд малолетних и подростков, ограничивало продолжительность рабочего дня, устанавливало правила относительно санитарного состояния помещений и т. д., в отношении кустарного производства это являлось неосуществимым, ибо

установить контроль за мастерскими немыслимо было, и взваливало бы тяжелое бремя на самого кустаря; не скупщик-капиталист, а он сам отвечал бы за выполнение этих условий и вынужден был бы в случае осуществления их сокращать свой заработок. Лишь впоследствии, к концу 19 и к началу 20 ст. поняли, что возможна и регламентация труда в интересах кустарей путем возложения ответственности за удовлетворительное состояние жилищ на скупщиков и на домовладельцев и в особенности посредством установления минимума заработной платы, от которого в сущности зависели и жилищные условия кустаря, и возможность для него сократить рабочий день и все прочее. Но в эпоху 17—18 ст. до этого еще было далеко, поскольку же тогда нормировалась заработная плата, это делалось в интересах работодателей, а не рабочих—государство ведь стояло на стороне первых, отождествляя свои интересы в смысле создания промышленности с выгодами капиталистов.

II.

Попытка регламентации труда в кустарной промышленности была сделана и у нас в 40-х годах 19 столетия. По общему правилу торговцы давали заказы кустарям на основании установившихся в течение многих лет обычных условий, никаких законодательных норм не существовало и никаких ограничений установлено не было. Все делалось путем словесного соглашения. Но в 1843 году купец посада Гаврилова Владимирской губернии Платон Зимин представил министру внутренних дел записку относительно необходимости составления "правил для крестьян Владимирской губернии, занимающихся работами на фабриках"—в действительности речь шла о работах кустарей у себя на дому, о "правилах для руководства к отдаче крестьянам на дом работ", как они названы в записке [1]).

Зимин указывает на то, что "Владимирской губернии: Суздальский, Юрьевский, Шуйский и другие уезды, известные своими произведениями бумажных изделий, заключают в себе весьма много значительных фабрик и крестьян этих уездов главный промысел наем на фабрики для производства работ, а больше всего получаемые ими с фабрик занятия в собственные свои дома, чрез это они преобретают безбедное содержание". "Купечество, имеющее фабрики сии, по необходимости долженствующее быть в близких отношениях с мастеровыми крестьянами чрез отдачу на дом работ, по неимению на то правил... терпит большое стеснение и кроме того, что фабриканты приходят в раззорение по предосудительным поступкам крестьян, вверяя им на дом работы, чрез которые они за исправлением собственных своих надобностей могли бы зарабатывать порядочные суммы для платежа податей и своего обеспечения,—но и сами крестьяне, не чувствуя преследования существующих законов за делаемое ими зло, теряя правило чести, укореняются более и более в безнравственности; пьянство и мотовство делается их необходимостью".

В целях борьбы с "предосудительными поступками" крестьян, которым вверяются на дом работы, и для того, чтобы они "чувствовали преследование существующих законов за делаемое ими зло" и не теряли "правила чести",—Зимин и предлагает установить ряд правил относительно отдачи крестьянам на дом работ. Правила эти, по его словам, необходимы прежде всего в интересах скупщиков, "чтоб впоследствии фабрики не пришли в совершенный упадок, которые в настоящее время едва поддерживаются". Но они преследуют в то же время и другую цель—"не дать крестьянам укорениться в закостенелой безнравственности".

В виду того, что Зимин ходатайствовал о принятии выработанных им правил по всей Владимирской губернии, министерство внутр. дел препроводило их на заключение владимирского губернатора. Это было сделано 30 декабря 1843 г., т. е. с чрезвычайной быстротой, ибо Зимин подал прошение только за две недели до того. Очевидно, этому вопросу придавалось большое значение. В августе 1844 г. было послано новое напоминание губернатору с предложением ускорить присылку отзыва.

[1]) Архив министерства внутр. дел, хозяйств. департамент, 1843 г., № 206.

Губернатор на это отвечает, что проект правил для "крестьян здешней губернии, занимающихся на домах своих приготовлением разных изделий, раздаваемых им фабрикантами", он препроводил к находящимся в Шуйском уезде членам-корреспондентам губернского мануфактурного комитета мануфактур-советнику Болотову и нежинскому греку Спиридонову "с тем, чтобы они, ближайше рассмотрев тот проект на месте, вошли в соображение о возможности и удобствах приведения его в исполнение. Однако эти члены-корреспонденты (крупные коммерсанты) "будучи отвлечены занятиями по делам коммерческим", не могли скоро исполнить этого поручения, "требовавшего особенного внимания и рассмотрения на месте самого хода дел означенной промышленности, производимой крестьянами здешней губернии". К тому же губернатор счел необходимым передать проект Зимина на заключение губернского правления "в том особенно уважении, что Зиминым изложены по многим предметам предположения, совершенно противоречащие существующим коренным узаконениям". Только в январе 1845 г. губернатор представил свое заключение, которое было препровождено вместе с запиской Зимина на обсуждение московского отделения мануфактурного совета, на рассмотрении которого уже находилась подобная записка, представленная гжатским третьей гильдии купцом Жуковым.

Зимин в своей записке прежде всего отмечает отсутствие правил, которыми нормировалась бы отдача крестьянам на дом работ "фабрикантами" (скупщиками), ибо существующие постановления 24 мая 1835 года касаются лишь фабричных рабочих и к кустарной промышленности не подходят. В самом деле, в этих правилах, помимо постановлений о паспортах, находим лишь несколько норм, касающихся условий найма на фабрики. Там говорится, что рабочему, нанявшемуся на фабрику или в заведение, не дозволяется без согласия владельца ни уходить до истечения условленного срока, ни требовать до того времени какой-либо прибавки к условленной плате, как и запрещается помещикам или начальствам, выдавшим паспорта, требовать до истечения этого срока рабочего с фабрики, если срок его паспорта не истек. Этим путем имелось в виду обеспечить фабрикантам необходимую им рабочую силу, как и предупредить всякую возможность забастовок, вызываемых требованием повышенной платы и рассматриваемых как бунты и мятежи. Теми же соображениями вызывалось и постановление, что казенные крестьяне, работающие на фабриках, не обязаны, по истечение срока паспорта, являться к своим начальствам для получения нового вида, а фабриканту предоставляется право самому сноситься с подлежащими местами для обновления их билетов. По той же причине, наконец, фабрикант, который принял рабочего с другой фабрики без паспорта или вида, не только подлежит ответственности за это на законном основании, но и обязан вознаградить прежнего его хозяина за все убытки, понесенные им, и возвратить ему перебранные рабочим деньги.

Паспорт является таким образом средством удержать рабочего на фабрике. Напротив, хозяину предоставляется право уволить рабочего до истечения срока заключенного с ним договора "по причине невыполнения сим последним его обязанностей или за дурное поведение". Но к этому прибавлены—первые зачатки фабричного законодательства, хотя и остающиеся на бумаге—что, "для сего хозяин обязан об'явить работнику за две недели до его отпуска, причем должен удовлетворить его заработанными деньгами по условию". Кроме того хозяин фабрики обязан вывесить правила распорядка на ней для сведения рабочих, вести особую книгу для записи производимых с рабочими расчетов и выдавать последним расчетные листы, в которых вписываются условия найма, размер заработной платы, а равно отмечается каждая выдача денег и удержанные с рабочего за прогул или нанесенный хозяину вред суммы.

Эти последние правила имели бы для рабочих некоторое значение, если бы они снабжены были какой-либо санкцией в смысле ответственности фабриканта за неисполнение их и если бы существовал надзор за выполнением закона. Но при отсутствии и того и другого, эти постановления 1835 г. преобретали односторонний характер, лишая возможности рабочих переходить в другие предприятия, раз им не выдан паспорт, или требовать повышенной платы, но не гарантируя

им ни своевременной уплаты причитающегося вознаграждения, ни предупреждения их об увольнении за две недели вперед. Однородные правила, имеющие в виду одни лишь интересы промышленников, но еще более стесняющие кустаря, проектировал Зимин в области кустарной промышленности, главным образом, Владимирской губернии. В последней, именно в Суздальском, Юрьевском и в особенности в Шуйском уезде с посадом Ивано-Вознесенском уже с начала 19 ст. развивалось производство хлопчато-бумажных изделий, которые заменили выделываемые ранее льняные материи. Тканье миткалей стало главным занятием местного населения. При этом наиболее видную роль играло производство миткаля не в централизованных предприятиях, где работа производится в самом помещении предприятия, а в кустарных заведениях, на дому у самих крестьян, которых малоземелье заставляло заниматься промыслами.

В представленной по поводу проекта Зимина записке московского отделения мануфактурного комитета указывается на то, что различие между большими и незначительными фабриками заключалось в том, что "на устройство первых употребляемы были довольно важные капиталы и они от изменений в тарифе подвергались влиянию обстоятельств, а последние, имеющие одни небольшие здания для варки, клейки и сновальных, только при благоприятных обстоятельствах продолжали производство". Они то первые, не имея зданий для помещения станов, начали отпускать основы по селениям и отсюда то возник обычай раздавать основы по деревням, где в некотором отдалении от жилья устроены разной велины избы, называемые светлицами.Этот способ выработки изделий "при благоприятных обстоятельствах бывает очень выгоден потому, что фабриканты, раздающие основы по деревням, не употребляя капитала на возведение зданий, могут иметь большое количество товаров, а крестьяне обоего пола и даже малолетние получают деньги за работу, не отлучаясь от семейств и довольствуясь питанием от собственного земледелия и хозяйства".

Из этого мы видим, что кустарное ручное ткачество хлопчатобумажных материй—пока оно не было вытеснено механическим станком—было выгодно, как для крестьянского населения, которому оно доставляло заработок, так и купцам, которые при незначительном капитале могли расширять производство, когда существовал большой спрос на ткани, и напротив, сокращать его, коль скоро спрос уменьшался.

Я. П. Гарелин [1]) рассказывает, что в рассматриваемую эпоху "ткачи, работающие дома, брали основы из фабричной конторы к себе на дом для своего семейства и ткали их у себя в избах или в особо устроенных светелках."Такие ткачи являлись в контору обыкновенно с такими просьбами: не пожалуете-ли основки? или: не дадите ли основки? а то и просто задавали вопрос: раздаете ли основы то? Контора, справясь о месте их жительства, о поведении, о том, не промотали ли уже у кого из соседних фабрикантов основы или утка и получа одобрительный отзыв, давала основы с утком и бердами, а иногда и деньгами вперед от 3 до 5 рублей на стан".

На ряду с ткачами имелись т. наз. комиссионеры, обыкновенно те же крестьяне, бравшие у скупщиков пряжу и имевшие для ткачей светелки на 5, 10, 15 и более станов. При этом хотя и не существовало никаких писанных постановлений, нормирующих отношения между торговцем и комиссионером, но в силу обычая установились известные применяемые в этих случаях правила. Так, прежде всего от явившегося в контору комиссионера с просьбой о выдаче ему основ на комиссию, требовалось свидетельство о его звании и местожительстве, далее спрашивали его, не выполнял ли он в последнее время комиссионных поручений для кого-либо и для кого именно и если он называл кого-либо из скупщиков, то требовали книжку соответствующего купца для выяснения, закончены ли с ним расчеты, и кроме того расспрашивали о нем других комиссионеров.

Эта расчетная книжка обычно фигурировала, в нее заносились все условия работы комиссионера и цены, в ней же отмечался отпущеный ему товар и выданные

---

[1]) „Город Иваново-Вознесенск".

деньги, а равно принятый от него миткаль. По этой книжке он отвечал, в случае недостачи товара. Книжку комиссионер всегда имел при себе и хотя отпущенное сырье и все прочее записывалось в нее конторщиком, но непременно при личном наблюдении комиссионера и последний тщательно просматривал свою книжку, чтобы убедиться все ли записано правильно. Одновременно то же отмечалось и в книге торговца, отпускавшего пряжу комиссионеру.

Как мы видим, те же расчетные книжки, которые законом 1835 г. были установлены для фабричных рабочих, вошли в обычай и в отношениях между скупщиками и берущими у них для раздачи пряжи крестьянам лицами, однако лишь в сношениях с комиссионерами-посредниками, а не с ткачами. Но упомянутый купец Зимин не считал возможным ограничиться этим, а признавал необходимым не только то, что практиковалось в качестве обычая, сделать обязательным, но и распространить те же правила и на ткачей и присоединить еще ряд дополнительных постановлений. Рассмотрим его предложения вместе с теми замечаниями на них, которые были сделаны губернатором.

III.

Зимин указывает на то, что все сделки "фабрикантов" с кустарями построены "на одной совести и крестьяне, редко исполняя условия договора, вовлекают часто давальцев в совершенное разорение". В чем же заключаются преступления крестьян? Прежде всего в том, что они не доставляют товаров в условленный срок и тем самым создают затруднения "фабрикантам" и заставляют их самих ездить к крестьянам или посылать к ним доверенных лиц, тратя на то время и деньги. Далее, кустари часто "делают значительные против данных материалов провесы", но заставляют "фабрикантов" уплачивать им без всякого вознаграждения последних за нанесенный им ущерб. Крестьяне нередко отрицают получение задатков и требуют прибавки сверх условленной платы, ссылаясь на то, что сырье было плохого качества, хотя при получении его они сами признавали его доброту. Они проматывают материалы и по приезде "фабриканта" скрываются или заявляют, что они заложены или взяты за долг и "фабриканту" приходится их выкупать.

Таким образом он обвиняет кустарей в обманах, в неверном весе, в продаже и закладе полученного сырья и т. д. К этому присоединяются, по словам Зимина, и другие злоупотребления. Крестьяне часто, приходя за работою, называют себя неверными именами и указывают чужие селения. Старшие в семье, при неисправности младших членов, отказываются отвечать за них. Наконец, имеют место и такого рода обстоятельства, как принятие работы одновременно от двух или нескольких скупщиков и наличность крестьянских заведений, на право содержания которых они не выбирают никаких свидетельств. Первое приводит к тому, что кустари, забрав материал у того или другого торговца, задерживают его и не выполняют взятых на себя обязанностей, второе—дает крестьянам возможность сбывать в этих заведениях полученную от скупщиков пряжу.

Оба эти явления были для торговцев особенно неприятны, ибо уменьшали зависимость кустарей от них. При отсутствии мелких крестьянских заведений, самостоятельно сбывающих свои изделия, и в случае невозможности для крестьян работать одновременно на нескольких скупщиков, последние заняли бы монопольное положение—как это мы видели в Лионе и Вюртемберге—и у кустарей не было бы иного исхода, как работать на одного определенного торговца, сколь бы невыгодны ни были устанавливаемые им условия труда.

Наконец, Зимин прибавляет к этому, что за отсутствием соглашений (очевидно, письменных) с крестьянами, споры, возникающие между ними и "фабрикантами", оканчиваются всегда "потерей собственности фабриканта, умыслы же крестьян остаются без чувствительного наказания". А отсюда, помимо вреда "фабрикантам"—тут идет обычный его припев—безнравственность крестьян, пьянство и мотовство.

Зимин и предлагает в первую голову сделать обязательным ведение книг скупщиками и выдачу ими расчетных листов кустарям. Как в торговой книге, так и в расчетном листе обозначаются условия договора, количество, вес и стоимость выданного материала, цена за работу, срок выполнения последней, выданные задатки и проч. (п. 1 и 3). При разборе дел между промышленниками и крестьянами должны приниматься во внимание эти книги и расчетные листы, а в случае утайки кустарем расчетного листа, одни только торговые книги (п. 14).

Принципиально против такого рода мер ничего возразить нельзя было бы. Как мы видели выше, на фабриках такого рода правила были установлены законом 1835 года, да и в области кустарной промышленности они практиковались в сношениях между скупщиками и комиссионерами. Теперь был поднят вопрос о распространении их на договоры, заключаемые с кустарями. Кроме того и в отношении комиссионеров едва ли ведение торговых книг и выдача расчетных книжек являлись общераспространенными, вероятнее всего это имело место лишь в раздаточных конторах крупных скупщиков, тогда как для мелких такого рода операции записи являлись слишком сложными и дело ограничивалось одними словесными соглашениями. Впрочем, мелкие скупщики и не обращались обычно к комиссионерам, раздающим пряжу ткачам, а сами непосредственно производили раздачу материала. Теперь же речь шла об обязательности ведения торговых книг и выдачи расчетных листов и притом не в отношении немногих комиссионеров, а в сношениях с многочисленными мелкими кустарями. Поскольку имелись в виду последние, к затруднениям, возникающим для раздаточной конторы, присоединялось еще и другое отрицательное обстоятельство, на которое указывает губернатор: "Нельзя установить, чтобы эта книга, а равно выдаваемый из конторы расчетный лист принимаемы были при судебных разборах за законные акты: ибо в таком случае по безграмотности большой части крестьян они будут находиться совершенно в руках не только фабрикантов, но и их конторщиков".

Это возражение не следует упускать из виду. Комиссионер тщательно проверял все записи, вносимые в расчетную книжку, а для неграмотного ткача это было невозможно и на основании расчетной книжки к нему могли бы быть пред'явлены требования, совершенно несоответствующие действительности. Но этим дело не ограничивается. В проекте идет ряд статей, которые должны были связать кустаря по рукам и ногам. Так, прежде всего крестьяне, нанимаясь на работу, должны представить особое свидетельство от своего начальства. В свидетельстве указывается число работников в семействе и число станков в светелке, далее количество свободного для работ времени, "с ручательством в хорошем поведении, в исправности работы и сохранности материалов, а равно в ответственности (ответственности кустаря за семейство) за исправность, порчу и провес по сделанному договору". Это свидетельство хранится у "фабриканта" до окончательного расчета с кустарем и начальства не могут снабжать крестьянина новым свидетельством, пока он не представит первого с подписью конторы об исправности работ и последовавшем расчете. "Фабриканты", доверившие крестьянину работу без представления им свидетельства, подлежат ответственности и должны возместить весь убыток тому, кого кустарь покинул, не выполнив работы до конца (п. 2).

В связи с этим находится и дальнейшее постановление (п. 9), согласно которому "для лучшего обеспечения крестьян в исправной и своевременной выработке фабрикантских изделий, воспрещается ткачам их переходить к другим хозяевам до окончании работы у прежнего". По этой причине хозяин светелки должен требовать от работающих там лиц свидетельств, что они не обязаны другими работами и представлять их в контору "фабриканта" вместе со своим свидетельством. Процедура получается весьма сложная, причем неизвестно, кем выдаются эти свидетельства, доставляемые хозяину светелки; быть может, это удостоверения произведенного с данным скупщиком расчета, от него получаемые.

Что же касается посторонних лиц, то их в светелки вообще не дозволяется допускать, "собственно во избежание дурных последствий, которые могут от того произойти" - но каких именно последствий, не указано. Вообще пункт этот совер-

шенно не ясен—говорится о недопущении "посторонних работ в светелках", но, очевидно, это надо понимать в смысле запрещения тем крестьянам, которые не работают постоянно в данной светелке, являться туда для выделки тканей, во избежание указанных выше злоупотреблений в виде утайки полученной от скупщика пряжи и пользования ею в кустарных заведениях-светелках для обработки (п. 10).

К этой же группе постановлений относится правило, согласно которому "крестьянин обязан доставить в срок выработанный материал и ни под каким видом не должен доводить "фабриканта" до поездок или посылок к нему, под опасением взыскания понесенных на то издержек". Но сверх того Зимин хочет заставить местные начальства "по требованию хозяина, по миновании договорного срока", немедленно высылать кустаря в контору скупщика (п. 4).

По поводу последнего, совершенно фантастического предложения, губернатор просто замечает, что возлагать на земскую полицию подобного рода новые задачи, значило бы еще более увеличивать ее обязанности, которые она и теперь едва выполняет. А к этому он прибавляет, что неисполнение крестьянином в срок принятого на себя обязательства происходит часто вовсе не от нерадения, а от обстоятельств, которых он не в состоянии ни предупредить, ни устранить.

Касаясь других, изложенных предложений Зимина, губернатор находит, что указание в свидетельстве числа работников и количества свободного для работ времени немыслимо, так как "хлебопашец не может определить наперед ни числа дней, свободных от полевых работ, ни того, сколько рук может он употребить для обработки взятых материалов". Но из этого вытекает и дальнейшее. Необходимо "предоставить хозяйственному расчету крестьянина, имея работу с одной фабрики, брать таковую с другой".

Неосновательным он считает и требование не допускать в светелки посторонних лиц для работы—мера эта, стесняя крестьян, не может принести никакой выгоды и для фабрикантов, которым должно быть все равно, где бы материал их ни был обработан.

Таким образом, губернатор отвергает все эти предложения относительно особых удостоверений, мер для вынуждения крестьян доставлять работу в срок, запрещений одновременно брать работу у нескольких лиц или допускать посторонних лиц к работе в светелках. В последних число работников, повидимому, постоянно колебалось, вследствие того, что нередко являлись лица с собственным материалом, которые пользовались лишь станками, работая за собственный счет, или за счет владельца светелки. Требование Зимина, будучи осуществлено, следовательно подорвало бы самое существование светелок. Губернатор замечает не без основания, что "ограничивать поселянина в количестве принимаемой работы не нужно, тем более, что выработка материалов не каждым семейством производится на собственных станках, но нередко и на принадлежащих и другим крестьянам, в своем доме или в светлицах, которые при многих селениях устроены несколькими семействами".

Очевидно, требования Зимина совершенно не считались с этим обстоятельством или вернее он вообще намерен был вести борьбу с этими светелками, требуя, чтобы "в отвращение подрыва фабрикантам", а также—это уже прибавлено для вида—"в соблюдении казенного интереса", было воспрещено крестьянам, не имеющим свидетельств на право торговли, производить в своих домах и светелках выработку китаек и прочих тканей для торговли (ст. 15). Полиция должна содействовать обнаружению таких мастерских, предавать владельцев их суду, причем найденные материалы и изделия подлежат конфискации. Губернатор, конечно, не может не признать такое заявление о запрещении торговать без свидетельств правильным, но находит новые постановления, направленные против владельцев светелок, не выбиравших свидетельств, излишними, ибо выборка их уже установлена законом.

На самом деле, повидимому, в очень многих случаях крестьяне под видом работы для скупщика, производили и самостоятельный сбыт изготовленных изделий, не имея никаких свидетельств на право торговли. Для скупщиков такая конкуренция светелок была, конечно, весьма невыгодна.

IV.

Нельзя, впрочем, отрицать и того, что как наличность светелок с допущением посторонних лиц, так и вообще все производство работ на дому поощряло утайку материалов со стороны крестьян, доставку товаров меньшего веса, чем это соответствует полученному сырью, и т. д. Этого рода явления мы находим в кустарной промышленности повсеместно в Западной Европе в эпоху расцвета ее в 17—18 ст.

В Англии в 18 веке постоянные жалобы скупщиков на утайку материала рабочими обратили на себя внимание общества. Это явление считалось большим бедствием, неразрывно связанным с производством промышленных изделий на дому. Так как предприниматели и факторы-посредники не имели возможности следить за кустарями, то в 1727 году мировым судьям было предоставлено право назначать особых инспекторов, которые следили бы за производством в области шерстяной промышленности, где это зло было особенно распространено. Одновременно и наказания, налагаемые за утайку материалов, усиливались.

Возник особый промысел скупки у кустарей обрезков пряжи и тканей, причем приобретались и незаконно утаенные рабочими "остатки". Одно время в Англии даже было отменено коренное право недопущения посторонних лиц в свое жилище и скупщикам было предоставлено право посещать жилища рабочих, которых они подозревали в утайке материалов.

Однородные явления находим на континенте Европы. В фальсификации пряжи прядильщицы—как бы на основании молчаливого соглашения—не усматривали ничего дурного и эту фальсификацию они производили с редким искусством. Они незаметно заменяли две трети тонкой пряжи толстой пряжей, смачивали пряжу на кипящей водой и сверху вновь осушали ее. Им удавалось вложить около 2-3 лотов песку на каждый фунт пряжи. На Рейне существовал особый сорт материй, произведенных из краденой шерсти. Под предлогом, что они торгуют изделиями из рожданной ими же шерсти, различные скупщики открыто торговали этими товарами, доставляемыми им кустарями. Некоторым противовесом против утайки материала являлось лишь то, что после исповеди предприниматели нередко получали тайком значительное количество сырья, похищенное у них. Но это вместе с тем свидетельствовало о широком распространении злоупотреблений этого рода.

Наконец, совершенно та же картина наблюдалась и в нашей кустарной промышленности. Ткачи, работавшие в помещении фабрики,—читаем у Я. П. Гарелина—были гораздо полезнее для фабрикантов, чем работавшие дома, так как находились постоянно на глазах, ткали лучше и совершали меньше злоупотреблений, заключавшихся в том, что забирали деньги вперед и прекращали работу, не отдав денег и не отработав их, или же уносили пряжу и проматывали ее. Миткаль, приносимый кустарями в фабричную контору, всегда был сырой и тяжелее выделанного в помещении фабрики. "Для этого употреблялись различные уловки—одни летили его в сыром месте, другие клеили уток в пшеничной муке, иные насыпали песку или снегу в середину штуки, а не то без всякой хитрости напрыскивали штуку водой и так мокрую приносили без зазрения совести. Улика на лицо, но штрафовать нельзя, потому что штрафа ткач не примет, да и работать не станет: деньги всегда были за ткачем, а не за хозяином".

Таким образом злоупотребления были на лицо, но бороться с ними такими способами, какие имел в виду Зимин, все же означало бы создать крайние стеснения для всей кустарной промышленности и затруднить дальнейшее ее развитие, которое совершалось столь успешно во Владимирской губернии. Эти последствия могли бы иметь место еще и потому, что, как видно из изложенного, Зимин во чтобы то ни стало желал охранить интересы скупщиков и не только в смысле устранения утайки и обманов, неверного веса и т. д., но и в других направлениях, поскольку независимость кустарей от них являлась для них невыгодной.

Поэтому губернатор, разобрав предложения Зимина, в заключение указывает на то, что "принимая во внимание местные обстоятельства и начала, на основании

которых образовалась во Владимирской губернии фабричная промышленность. нельзя не предвидеть, что введение в исполнение предложенных купцом Зиминым правил, как имеющих в виду только выгоды фабрикантов, может повредить благосостоянию поселян и затруднить их не только по отправлению повинностей, но даже и по содержанию семейств".

Для обеспечения же целости собственности "фабрикантов" он предлагает ограничиться допущением между ними и кустарями письменных договоров, в целях облегчения, составляемых на простой (а не гербовой) бумаге и засвидетельствованных двумя или тремя благонадежными лицами, с тем, чтобы эти условия принимались во внимание при разборе споров между ними.

V.

Проект Зимина, как мы упоминали, был передан и на рассмотрение московского отделения мануфактурного комитета. Последний, состоя из представителей промышленности и торговли, отнесся к нему далеко не столь беспристрастно, как губернатор—он нашел, что "выгоды от раздачи основ по деревням склоняются более на сторону крестьян и потому некоторые из правил, составленных купцом Зиминым для руководства по сему предмету, заслуживают внимания правительства". Но в то же время отделение мануфактурного комитета сочло нужным прибавить. что эти правила могут оказаться стеснительными для самих "фабрикантов". Оно указывало далее, что "как раздача основ по деревням существует издавна и удерживается более по личному доверию, которое необходимо для свободного производства торговых дел во всех видах, то бесполезно было бы стеснять оную особыми затруднительными формами".

Казалось бы, что не только предположения Зимина неприемлемы, но и вообще никаких регламентов для кустарной промышленности создавать не нужно было. А между тем, отделение комитета, противореча только что приведенным своим же словам о том, что не следует создавать стеснений в указанной области, выработало с своей стороны ряд правил, аналогичных предложенным Зиминым, хотя и не идущих столь далеко.

Так, помимо той же обязанности ведения торговых книг "фабрикантом" и выдачи расчетных листов кустарям, отделение мануфактурного комитета желает привлечь "начальства" крестьян к надзору за их деятельностью. Промышленники не должны выдавать кустарям основы без ведома этих начальств, последние свидетельствуют благонадежность поведения кустарей и рассматривают, насколько целесообразен заключаемый между скупщиком и кустарем договор. Начальства же должны побуждать крестьян к исполнению договоров.

Таким образом, по этому проекту, крестьяне-кустари всецело отдаются под опеку местных начальств, над кустарной промышленностью устанавливается совершенно немыслимый контроль. Последний выражается и в том, что "сельские начальники должны внушать, чтобы взявший основы и уток не осмеливался отдавать их в залог ни по какому случаю для удовлетворения собственных нужд, а хозяин светелки должен то же самое внушать работающим у него ткачам". Вопрос только в том, как должно было происходить это "внушение"? Кроме того отделение мануфактурного комитета предлагало установить строгую ответственность за прием кем бы то ни было пряжи у крестьян при уплате долга в залог или при расплате в питейных домах.

А чтобы проявить свое беспристрастие, то же учреждение предложило обязать "фабрикантов" уплачивать крестьянам своевременно, чтобы и крестьянин, взявший пряжу, мог расплачиваться с ткачами, работающими у него, и не был вынужден прибегать к непозволительным действиям в виде заклада пряжи. Очевидно, такие злоупотребления в виде несвоевременной уплаты кустарям практиковались в значительных размерах. Такого рода явления имели место и в Западной Европе и жалобы на задерживание платы на полгода и более там постоянно раздаются. Повидимому.

продажа полученного сырья во многих случаях являлась для кустаря неизбежной при таких условиях, в других же была ответом на неправильные действие скупщика.

Министр внутренних дел, а вслед за ним и министр финансов присоединились к взглядам, высказанным губернатором, находя, что достаточно будет предоставления скупщикам и кустарям права заключать письменные соглашения (на простой бумаге), которые должны приниматься во внимание при разрешении споров между ними. В этом смысле и был издан закон 4 ноября 1846 г.: кустарная промышленность избегла опасной и стеснительной для нее регламентации, в интересах "фабрикантов".

Последних мы везде пишем в кавычках или именуем скупщиками и торговцами, ибо речь идет о раздаче ими на дом материалов кустарям. В деле же они везде и повсюду названы фабрикантами (только себя Зимин именует купцом, исходя из оффициальной приписки к той или другой гильдии, хотя несомненно он и сам был скупщиком); точно также кустари везде именуются крестьянами, берущими на дом работу. Эта терминология, присущая как видно из упомянутого дела—как мануфактурному комитету, так и прочим учреждениям, лишний раз подтверждает высказанное нами предположение, что в эту эпоху, как и в более ранние, различия между централизованными предприятиями и кустарной промышленностью не проводилось и под фабриками сплошь и рядом подразумевались раздаточные конторы. Таковы были вероятно и весьма многие "фабрики" не только первой половины 19 ст., но и петровского и екатерининского времени.

И. Кулишер.

Закрепощение в императорской России.

«Вопрос о крепостном праве,—говорил министр Николая I, идеолог дореформенной России, граф С. С. Уваров,—тесно связан с вопросом о самодержавии и даже единодержавии; это две параллельные силы, кои развивались вместе; у того и другого одно историческое начало; законность их одинакова». Крепостное право представлялось Уварову необходимой социальной опорой для пресловутой триединой основы русского национального строя, которую он определил в формуле: «православие, самодержавие, народность». Про крепостное право он говорил: «это дерево далеко пустило корни; оно осеняет и Церковь, и Престол; вырвать его с корнем невозможно». Невозможно без потрясения основ самодержавной монархии и всего сложившегося общественного и политического строя.

Уваров выражал в пышных словах свое разумение того, что можно бы назвать социологической связью между самодержавной государственностью и крепостническим строем народнохозяйственных и общественных отношений. Ярко выступает эта связь во всем внутреннем строе Российской империи и правившей ею власти. Однако, в исторической литературе нашей внимание исследователей крепостного права было сосредоточено, преимущественно, на вопросах, связанных с его происхождением и развитием в Московском государстве, в допетровской России. Некоторые черты векового, на крепостничестве построенного, социально политического здания России остаются поэтому как-то в тени, хотя мимоходом и отмечались, хотя имеются для их освещения значительные материалы. Одной из таких черт, заслуживающей, казалось бы, большего внимания, и посвящена эта статья: принудительному закрепощению вольных людей по соображениям «общей государственной пользы».

Российская империя, выросшая из Московского государства, лишь медленно и постепенно перерастала сложившиеся формы его экономического быта, обобщала и углубляла выработанные Московской Русью основы социального строя и государственного строительства. А в этом строительстве Московского государства основой служило все нароставшее закрепощение трудовой народной массы. На него опиралось обеспечение государственных финансов тяглом государевых сирот, тяглых людей; на нем было построено обеспечение служилой годности государевых холопов—служилых людей; им укреплено и вскормлено господство землевладельческого класса над народной массой; оно служило главным обеспечением нужд «государева дела»—тягла и службы государю, этому «вотчичу на всех государствах Московского царства», верховному вотчинному облададателю всего земельного фонда страны, всех ее сил и средств, которых он самодержавный распорядитель.

Мы, к сожалению, не знаем того «уложения» царя Ивана Грозного, с которого, повидимому, началось указное вмешательство Московской

правительственной власти в обычные порядки выхода и вывоза тяглецов— крестьян и посадских людей — путем установления «заповедных» лет, на которые воспрещались такие переходы тяглого населения впредь до нового указа об открытии «государевых выходных лет» [1]). Не знаем поэтому, не сказались ли уже в этом законодательстве кроме финансово-податных соображений—обеспечения тягла, и кроме классовых интересов—обеспечения землевладельцев даровым трудом, мотивы политического характера, которые так определенно выступают в острый момент Смуты—в законодательстве Василия Шуйского. Указы Шуйского о холопах и крестьянах превратили пресечение крестьянских и холопьих побегов в вопрос государственного порядка и характеризуются, как попытка остановить наросташее брожение вольных, постаринному—«гулящих» элементов населения, революционных и питавших смуту против существующего порядка, укреплением на местах жительства, регистрацией и подчинением властному надзору всего общественного слоя, «который искал перемен» [2]). Указы эти можно рассматривать как исходный пункт истории правительственной политики, направленной не только на регистрацию всех живых сил страны, но и на их систематическое и принудительное распределение по определенным категориям сословного строя, замкнутым и «безвыходным». Тенденция эта воскресла с новой силой в том восстановлении государственного порядка после Смуты, которое получило относительное завершение в Соборном Уложении царя Алексея; а установленные этим Уложением начала разграничения и закрепления сословных групп надолго определили сословную политику правительственной власти. Московское землевладельческое и служилое дворянство 17 века признало этот общественный строй мудро обеспечивающим как его интересы, так и потребности государственного порядка, и настаивало, чтобы определивший его «государев крепостной устав» на будущее время «во веки был неподвижен» и чтобы каждый из «четырех чинов—освященный (т. е. духовенство) и служивый, и торговый, и земледельческий в своем уставе и в царском повелении твердо и непоколебимо стояли».

Грузно и тяжко навис этот «крепостной устав» над народною жизнью. Он стал программой деятельности правительственной власти, которая стремится во чтобы то ни стало вогнать в его рамки все разнообразие, все переливы живой действительности, то и дело выбивавшейся из узкой и прямолинейной оффициальной схемы. В борьбе между бытовой действительностью и крепостным уставом возникало много тяжелых драм—единичных, индивидуальных или групповых, общественных, которые оставили о себе память в архивном материале судебных процессов «ищущих свободы» и в делопроизводстве «ревизии душ», этого периодического пересмотра состава податного населения государственной властью.

Крепостной устав унаследован, как основной закон самодержавной монархии, Российскою империей от Московского царства в принципиально законченном виде. Две общественных группы, выпадавшие из его схемы, потому что стояли вне его «чинов» и не несли на себе ни обязательной службы, ни податного тягла,—вольные гулящие люди и господские частновладельческие холопы, должны были исчезнуть. К исходу 17 века постепенное распространение на холопов тяглой повинности подготовило завершение «отмены холопства» в эпоху первой ревизии, когда указами Петра Великого холопы слиты с крестьянами в одно податное сословие [3]). Это было «отменой холопства» в том смысле, что мероприятиями Петра завер-

---

[1]) С. Ф. Платонов. «Борис Годунов», стр. 76; его-же: «О времени и мерах прикрепления крестьян» («Архив истории труда в России», кн. 3).

[2]) С. Ф. Платонов. Очерки по истории Смуты (3-е изд.), стр. 331—332.

[3]) В. О. Ключевский. Подушная подать и отмена холопства в России (в книге «Опыты и исследования»).

шена борьба правительства с изъятием части рабочих рук частновладельческой властью из обложения их казенными податными сборами, но в то же время повело к полному личному и потомственному порабощению «крепостных» людей, ставших всецело «крещеной собственностью» господвладельцев. Такое упрощение состава крепостного населения вводило все его элементы в рамки «устава», при том без нарушения земле- и душевладельческих интересов.

Сложнее было с теми элементами посадского и сельского населения, которые ускользали, так или иначе, от тяглой организации и закрепления за посадскими общинами, черными государевыми волостями, дворцовыми или частновладельческими имениями. Эти «избылые» люди не составляли какой либо определенной общественной группы, а были весьма различного положения и состояния—от торговых и ремесленных людей до захудалых захребетников, пристроившихся к чужому мелкому хозяйству. Разнообразны были житейские условия, которые выталкивали их из тесной связи с замкнутыми и территорьяльно-фиксированными группами: то побег от чрезмерной тяготы, то погоня за новым заработком или торговой удачей в новых центрах экономической жизни—в быстро развивавшем свои торговые обороты Поволжьи или в областях растущей земледельческой колонизации юга.

В течение всего 17 века—после Смуты—боролось Московское правительство с подвижностью населения, подрывавшей устойчивость его тяглой системы и стройный порядок его «крепостного устава». Сыск беглых из посадов и из крепостных крестьянских селений вызвал усиленное внимание к «сходцам» из разных мест, какие скопились в местах оживленной колонизации, и стремление выяснить прошлое и казенную квалификацию «новоприходцев», обычно и усердно скрывавших и то и другое с разною степенью ловкости и удачи. Традиционные и прочно установленные правовые критерии для разборки и возврата в прежнее состояние, а по нему и на прежние места жительства—тяглая старина и «крепость» по писцовым книгам—не всегда разрешали возникавшие перед властями вопросы. В их практике рождается новый прием прежде всего по отношению к торговым и ремесленым людям: встречая на пути своего сыска людей, которых «взять на посад не почему, что они в тягле не бывали», их все таки принудительно включают в ту или иную посадскую общину и прикрепляют к составу ее тяглецов, потому что они «живут в избылых ни в каком чину», а трудятся тяглыми промыслами и «тягло с них взять можно». Экономическая и, так сказать, профессиональная квалификация становится тут основой сословной квалификации и основанием для принудительного включения в определенную рубрику «крепостного устава» [1]), самое представление о котором постепенно выяснялось и вырабатывалось в этой практике, оформлено Соборным Уложением, развито и усилено позднейшим законодательством и позднейшей правительственной работой над подчинением ему всей народной жизни.

Это наследие Московской политики унаследовано империей 18 века вполне сложившимся и созревшим. В последнем десятилетии 17 столетия правительство регулирует рядом указов судьбу отпущенных владельцами на волю крепостных людей — холопов и крестьян: вольноотпущенные не должны ни в каком случае выпадать на долго или совсем из твердых рамок «крепостного устава», возрождая и усиливая подлежащий полному уничтожению класс «вольных гулящих людей». Это указное законодательство завершается характерным повелением молодого царя Петра в 1700 году: указ его предписывал всяких чинов людям, если они поже-

---

1) Н. Шаховская. Сыск посадских тяглецов и закладчиков в первой половине 17 века (Журнал Министерства Народн. Просв., 1914 г., № 10).

дает отпускать на волю своих людей и крестьян, выдавать им отпускные грамоты, но представлять таких отпускных в приказ Холопьего Суда, а приказ этот должен «отпущенных и вольных людей» препровождать в Преображенский приказ, где их разберут: кто из них годится в службу, тех запишут в солдаты, а те, кто в солдаты не годится, будут переданы обратно через приказ Холопьего Суда в кабальное холопство или крепостное крестьянство новым владельцам, которых им предоставляется выбрать: «к кому они итти похотят» [1].

Принцип принудительного распределения населения по категориям, исторически и практически сложившимся, лег в основу политики «ревизии душ», проходит устойчивой и выдержанной нитью через всю практику этих периодических проверок состава населения империи, положенного в подушный оклад или состоящего «в избыли». Уже первая «ревизия» в 20-х годах 18-го века, подготовленная опытом ландратских переписей 1715—1721 гг., была сложным делом не только регистрации населения ради податной реформы, но и его правовой перегруппировки, значительно упрощавшей пестрые элементы сословного строя применительно, по существу, к простым и жестким рубрикам «крепостного устава». «Регулярное государство» Петра Великого, этот государственный левиафан, служить которому, по самой его идее, должно было все население, все и каждый, не только той или иной общественной деятельностью, но и во всем быту своем, требовало себе властного распоряжения всеми силами и средствами страны, и безоглядно распоряжалось судьбой выпадавших из принятого шаблона и правительственной эксплотации групп: «выходцев и сходцев», которых неведомо куда было вернуть на старое положение, повелевалось определять в казенные ямщики, сдавать в солдаты и т. д. Старинное, московское требование, чтобы никто «в избылых» не был, применялось тут более активно и более решительно. Силы, не укладывавшиеся в регистрацию по установленным разрядам, рассматривались как свободный резерв, который можно и надо было обратить на дело, какое и где в данный момент удобнее и нужнее.

При том, как и в упомянутом указе 1700 года, закрепощению в состав крестьянского населения подлежали остатки этого «резерва» избылых сил, те, кто не пригодятся для иных назначений. Вспомним характерный указ из эпохи второй ревизии (1744 года). Указ этот порешил судьбу вскрытых ревизией «разночинцев» с той точки зрения, «дабы оные за неимением над ними никакой команды разбрестись и по разным местам шататься не могли». Потому такие «разночинцы» подлежат следующему распределению: кто из них окажется беглыми из крепостных—вернуть владельцам; имеющих торги и промыслы—распределить по посадам, как и ремесленников, а чернорабочую силу «за неимением промыслов и мастерства»—«писать по желаниям их в службу или в дворцовые и прочие государевы слободы или к помещикам и на фабрики, к кому итти пожелают и кто их из платежа подушного оклада взять похотят, дабы—(повторно отмечает указ этот мотив свой) ни один без положенья не остался» [2]. Платеж подушных—тот минимум государственной полезности, какая требовалась от каждой «ревизской души»; за его цену частные владельцы земельных имений и фабричных предприятий могли получать себе в крепость из воли новых работников. Это правило было естественным выводом из общего понимания задач государственной власти: в состав этих задач входило и обеспечение рабочей силой частновладельческих хозяйств, которые рассматривались, как элементы общегосударственной хозяйственной системы, и служили в тоже время низшими органами полицейского и

[1]) Полное собрание законов, №№ 869, 1364, 1490, 1499, 1747.
[2]) П. С. З. № 9061.

финансового управления. Не даром пыталась государственная опека над частными хозяйствами так далеко проникнуть во ведение ими своего дела, что Петровские указы предписывали воеводам следить, чтобы крестьяне засевали поля во-время и семенами достаточной всхожести, устанавливали замену серпов косами, превращали улучшенное скотоводство в ответственную повинность, навязывали кустарям станки нового образца, и т. п., не говоря уже о регламентации фабричного и заводского дела. Напряженный под‘ем государственной опеки в Петровскую эпоху был только выражением общего представления о всемогущей власти государства над народною жизнью, самодержавно- руководимой из центра. Одним из основных приемов этой государственности было порабощение трудовой массы землевладельческому классу, опоре власти в управлении страной. При таких воззрениях судьба населения, принудительно распределяемого по ячейкам «крепостного устава», понятна. При том, обычная оговорка о «пожеланиях» распределяемых людей имела лишь весьма ограниченное значение. Подвижные элементы населения, «сходцы из разных мест» или «выходцы из-за рубежа», поскольку оказывались земледельцами, то передавались во крестьянство дворцовых и «собственных императорских» вотчин, то, особенно если эти вотчины оказывались достаточно населенными, в помещичьи имения „из платежа подушных денег“. Устойчивым осталось и отрицание «воли» отпущенных из крепостной зависимости дворовых и крестьян с мотивом: «а на воле им, по силе прежних указов не быть, дабы подушный оклад не пропадал». Эта последняя забота побудила преемников Петра ограничить даже зачисление таких людей в военную службу, принятием в солдаты и в нерегулярные войска только «неположенных в подушный оклад»; ведь еще со времени Петра Великого пошел процесс, значительно развернувшийся в течение 18-го века, зачисления населения разного типа военных поселений (однодворческих, ландмилицких, сибирских детей боярских и т. п.) в казенные крестьяне.

Крепостное хозяйство было не только системой хозяйства помещичьего; по его типу складывались все отношения властвования и распоряжения силами и средствами страны в государстве, которое и в эпоху империи сохранило черты вотчинной монархии, выработанные в Московский период. Императорская власть, разделяя с землевладельческим дворянством господство над трудовой массой населения, сама выступала крупнейшим землевладельцем, сливая разные разряды сельского населения, не попавшего в частновладельческое закрепощение, в один класс —казенных или государственных крестьян, обложенных, сверх подушной подати, оброком, подобно крепостным оброчникам помещиков, а затем сосредоточила заведывание ими в министерстве «Государственных имуществ»: крестьяне— живой инвентарь земельных имуществ, на казенных ли землях, на дворцовых или помещичьих. Характерно и то, что в судебных делах о помещичьем владении обычно не различались крепостные документы на недвижимость и на «крещеную собственность»: такова практика и высших инстанций, сената и департаментов государственного совета. Однако, такое принижение крепостных до положения об‘екта вещного права, сказывавшееся так ярко в торговле ими, как хозяйственным инвентарем, не выключало их из понятия о народе, о государственном населении страны. В дворянской идеологии владение «душами» придавало «благородному шляхетству» значение правящего сословия, и служило своего рода заменой политических прав и школой для государственной и правительственной деятельности. Крепостная помещичья вотчина была ячейкой крепостного государства; власть помещичья—прообразом и опорой власти монарха. Не даром другой доверенный советник Николая I, оспаривая вместе с Уваровым возможность освобождения крестьян, кн. Васильчиков приводил тот аргумент, что «власть помещичья необходима для поддержания власти самодержавной».

По государственной идеологии, выработанной в эпоху абсолютизма, все общественные положения и группировки только нечто производное от определений верховной власти, так что только из подданства и подчиненности вытекают все остальные квалификации граждан. Ярким выражением такой идеологии и ее применения на деле были ревизии населения со всеми их последствиями для закрепления сложившихся отношений или их изменения по «инструкциям» и «указам».

От старых писцовых и переписных книг Московского государства на эти «ревизии» естественно перешло, на первых порах, значение „крепости", „крепостного" документа. На такой оффициальный документ, регистрировавший „ревизские души" поименно, а составлявшийся на основании показаний заинтересованных владельцев или посадских и волостных властей (по их „сказкам" и „ведомостям"), всего удобнее было ссылаться при сыске беглых и в спорах из-за рабочей и платежной силы. Однако, такое значение „крепостного документа" сохранилось только за первыми двумя ревизиями. Указ 1744 г. установил за ними это значение, запретив ссылки на прежние переписи, но и то не безусловно: в виду возможных и случавшихся злоупотреблений, предписано было этим указом запись сел и деревень и в первые две ревизии „в крепость не ставить", если запись опровергается документами крепостных сделок по отчуждению имуществ. Это отступление от безусловно закрепляющей зарегистрированное право и положение силы ревизий получило дальнейшее развитие в практике и, отчасти, в указном законодательстве, так что и в 19 веке сенат признавал только за первыми двумя ревизиями значение „крепости" при рассмотрении дел об „ищущих свободы" от закрепощения. Такая тенденция дать частным актам преимущество над документами правительственной регистрации при спорах о правах частновладельческих знаменательна как уступка дворянским владельческим интересам, требовавшим более прочного обеспечения силы оформлявших эти интересы сделок. Однако, эта частичная уступка, касавшаяся только привилегированных интересов правящего сословия, не подорвала в принципе подавлявшей всякое самостоятельное частное „право" силы „ревизии душ". Общий ход имперской государственной жизни открыл перед этой силой в конце 18-го века новые широкие области применения там, где интересы страны и крупного землевладения, еще неокрепшего в своей крепостнической мощи, совпадали попрежнему, а подвижность населения и пестрота его сословного состава не была еще подавлена „крепостным уставом". Знаменитый 8-й пункт указа Екатерины II от 3 мая 1783 года [1]) предписывал „для известного и верного получения казенных доходов", а также „в отвращение всяких побегов к отягощению помещиков и остающихся в селениях обитателей" в Малороссии „каждому из поселян остаться в своем месте и звании, где он по нынешней последней ревизии написан". Эта мера, завершившая в принципе развитие крепостничества на всем юге, до того времени незаконного и насильнического не только по существу, но и формально, узаконила его и дала ему „законное" основание, какого оно не могло извлечь из частных „крепостей" и „сделок". Сельские обыватели из разряда „действительных казаков" и иных вольных людей, многочисленные „новопоселенные" в заново колонизуемых областях благодатного юга, „сходцы" и „выходцы" из других губерний, даже лица, имевшие основание притязать на „шляхетское" звание, попали под нивеллирующую и крепко „упорядочивавшую" силу ревизий. Именно четвертая и особенно пятая ревизии сыграли свою роль в коренной перестройке местных отношений на „общегосударственный" лад — в Малорусских и Белорусских губерниях. Тут их значение как крупных актов социальной политики императорской власти то же, что первых двух

[1]) П. С. З. № 15724.

ревизий для центральных областей империи. Менее подготовленные преды-
дущей историей, чем в Великороссии, они вносили значительно более
крупную ломку в уклад местных отношений, создавали значительно больше
драматических положений и для отдельных лиц и целых групп населения.
Поэтому больше и вызывали протестов, в виде множества судебных дел
лиц, ищущих свободы от крепостной зависимости, сохраненных нашими
архивами. При отрицании за ревизиями значения „крепостных документов“
политика закрепощения не могла бы быть проводима в жизнь по отношению
к сельскому населению Малороссии и Белоруссии. Судебные учреждения—
а дела „о свободе“ часто доходили до сената и до государственного
совета—не могли бы поддержать политику верховной власти без новых
законодательных постановлений. В развитие указа 1783 года и последовал
ряд новых узаконений, которые, в связи с введением в западных и южных
областях новых Екатерининских губернских учреждений, предписывали
утвердить непременное пребывание поселян на местах, ими обитаемых“
и вообще „предупреждать всякое малейшее поползновение к бывшим бес-
порядкам, нарушавшим водворяемое нами повсюду благоустройство“ [1].
Эти „бывшие беспорядки“ в губерниях „полуденного края“ состояли в
„своевольных переходах поселян с места на место“, а подлежат они пре-
кращению ради „благоустройства“ потому, что наносят большой ущерб
землевладельцам и вызывают побеги на юг из внутренних губерний крестьян,
охотно уходивших при первой возможности от ревизского благоустройства.

Борьба с существованием „вольных“ людей в губерниях малороссий-
ских и белорусских ведется деятельно и в Александровскую эпоху. Основа
этой борьбы—пятая ревизия. Для тех же элементов населения, которые
не попали в эту ревизию, сохраняются и в 19-м веке старые приемы при-
нудительного распределения, иногда—факультативного в смысле возмож-
ности выбора, куда кому определиться. Таков, для примера, указ Але-
ксандра I 1805 года [2], который требует „приписавшихся по городам
и уездам под именем вольных людей“ подвергать обязательной приписке
в разные состояния, по выбору и желанию их, на точном основании
прежних узаконений, т. е. известных Елизаветинских указов из времен
второй ревизии. Мотив—полицейский: „в отвращение укрывательства бег-
лых и бродяжничества“. То же стремление никого не оставить без закре-
пления в точно определенной сословной группе застигает и русских рас-
кольников, ушедших в поисках религиозной и бытовой свободы на терри-
торию „польских“ губерний, когда разделы Польши вернули их под власть
русского императорского правительства. Те из них, кто поселился на по-
мещичьих землях „без письменных условий“ и потому не мог документально
доказать своего права считаться свободным арендатором, были, по указу
Александра I, признаны крепостными данных имений „наравне с прочими
владельческими крестьянами“. Последовательно проводилось общегосудар-
ственное требование, чтобы в составе ни городского, ни сельского податного
населения не было „вольных“ людей, не закрепленных либо за тяглыми, говоря
по старинному, организациями, либо за землевладельцами. „Ищущие сво-
боды“ от крепостной зависимости имели успех, когда им удавалось дока-
зать основания для зачисления их „в звание казенных обывателей“, т. е.
перечислиться из помещичьей крепости в разряд „казенных крестьян“,
этого особого вида государственного имущества. Такие домогательства
встречали нередко поддержку казенных палат, заинтересованных ради
„казенного интереса“ в увеличении количества непосредственных платель-
щиков казне, которые вносили, сверх общей подушной подати, особые
платежи своему землевладельцу—государству. Но в общем эти „иски о

[1]) П. С. З., № 17368.
[2]) Там же, № 21850.

свободе" были для правительственной власти скорее докучными попытками расшатать и ограничить значение того „благоустройства", того крепостного порядка, который повсеместно насаждался политикой „ревизии душ". И если в начале истории закрепощения видим установление московской властью „урочных лет"—пятилетнего срока для сыска беглых, то в 19-м веке видим примеры установления краткого срока для „исков о свободе". Так показателен для массового закрепощения в южных губерниях, как общей полицейской меры, указ Александра I, назначивший в 1805 году годичный срок для пред'явления таких исков с тем, чтобы по истечении срока „никаких просьб от крестьян на отыскание свободы от подданства помещикам не принимать", но обратить на них всю силу и действие указов, по которым каждый поселянин должен оставаться в положении, в каком его застала пятая ревизия. В мотивировке этого указа звучит нетерпеливая досада власти на многочисленность тяжб между помещиками и крестьянами, отыскивающими свободу.

Таковы были настроения власти в эпоху пресловутого увлечения ее носителя. Александра I, „либеральными" идеями, в том числе и вопросом об освобождении крестьян. Такими они оставались во все время существования старой дореформенной монархии, и образные формулы гр. Уварова характеризуют, по своему, подлинные ее черты и основы. В течениях политической мысли первой половины 19-го века можно отметить в противоположность и в пояснение рассуждениям Уварова, суждение, весьма распространенное, что освобождение крестьян от крепостной зависимости должно привести к общественному строю, основанному на свободе личности и собственности, а вместе с тем, к замене самодержавной монархии — конституционным строем. Самодержавие представлялось немыслимым без землевладельческо-крепостнической основы, а падение крепостного права, глубоко вросшего в строй самодержавной монархии, неизбежной предпосылкой к замене его другим политическим строем — буржуазным правовым государством.

А. Пресняков.

Положение рабочих в горнозаводской промышленности при крепостном праве.

I.

Санитарные условия и обеспечение при потере трудоспособности.

Санитарные условия горно-заводского производства в первый период его существования привлекали к себе очень мало внимания как руководителей промышленных предприятий, так и государственной власти и посторонних наблюдателей. Поэтому сведения источников по данному вопросу очень скудны.

В рудниках, где работы производятся под землею, рабочим угрожают обвалы. Змеиногорские рудники на Алтае уже при Палласе, совершившем путешествие в 1771 г., доходили до 80 сажен глубины, а вначале девятнадцатого века—до 110 сажен. По словам Ледебура, посетившего их в 1826 г., "ходы и галлереи только в главных местах поддерживались деревянными крепами. От неосторожности при взрыве для добывания руд из твердых пород часто случаются несчастия и потому здешние госпитали полны". В плавильном деле работы считаются чрезвычайно тягостными "по резким переходам от сильного мороза (до 30° по R.) в сильный жар плавильных печей"[1]). Описывая Кыштымский завод, Паллас замечает: "молоты льют здесь из чугуна и не редко случается, что мастеровые и работники либо жизнь отшибившимися от молотков щерьнями теряют, либо членов лишаются"[2]). Дела о несчастных случаях с рабочими, сопровождавшихся смертью, по свидетельству Зобнина, нередко разбирались в военных судах, но постоянно оканчивались таким приговором—"за неотысканием виновных в смерти мастерового такого-то дело предать воле Божьей"[3]).

Как мало принимались во внимание интересы рабочего населения, видно из того, что многие заводы строились среди селений, дома которых были черны от дыма. На золотых промыслах рабочие страдали от ревматизма, находясь постоянно в воде, а также от обвалов. Особенно тяжелыми считались работы на алтайских промыслах, принадлежащих кабинету его величества. В отличие от частных промыслов, где работы продолжались только с весны до осени, здесь они производились также и зимой. Замерзшую землю приходилось оттаивать; постоянный дым, сырость и холод действовали губительно на здоровье, и отправление на золотые промыслы рассматривалось, как приговор к смерти.

Солеварение, особенно в так назыв. черных варницах, также принадлежало к весьма тяжелым занятиям. Зимою приходилось работать на сильном сквозном ветру и в таком тумане (от охлаждения пара), что даже привычный глаз ничего

---

[1]) Риттер. Землеведение Азии, т. III, 1860 г. стр. 245.
[2]) Путешествие по разным местам Государства Российского (1788 г.), ч. II, стр. 162
[3]) „Сибирский Сборник". 1891 г.

не разбирал. Кроме того, вредно действовал сернистый водород и хлор, выделяемые при кипении рассола; поэтому чахотка между солеварами была болезнью обыкновенной и редкий из них достигал старости. Даже служащие (техники) жаловались на вред здоровью от своих занятий [1]).

"Болезни, происходящие от образа жизни и рода занятий, особенно развиты между заводскими мастеровыми и рабочими—читаем мы в оффициальном описании Пермской губернии [2]). Работы на заводах производятся днем и ночью, как при самой сильной жаре, так и при самой сильной стуже, на чистом воздухе и в душных рудниках, на значительной глубине под землею. При этом человек постоянно имеет дело с огнем, водою, рычагами, топором и разными механизмами. Работая при таких условиях, он беспрерывно подвергается или внезапной опасности, или медленному влиянию того или другого вредно действующего условия. Поэтому каждый род занятий характеризуется особыми болезнями. Так, между дровосеками часто случаются раны, ушибы, переломы, а нередко и смерть от внезапного падения дерева. Угольщики часто страдают воспалением глаз, угаром, обжогами, воспалением дыхательных ветвей и легких. Провалы в угольные кучи случаются также нередко. У кричных работников замечается преимущественно ослабление слуха и зрения и даже совершенная потеря последнего от обжога соком прозрачных оболочек глаза. Кроме того, случаются грыжи. Плавильщики и литейщики страдают часто обжогами и ревматизмом. У рабочих, занятых обсечкой орудий, происходят частые повреждения глаз, а иногда и совершенная потеря зрения от ранения оболочек обсечками чугуна, вылетающими из-под зубила. Против этого употребляется проволочный щит, но он не вполне защищает глаз. Катальщики железа страдают большей частью воспалением глаз, обжогами, грыжами и повреждениями рук под механизмами. Болезни машинистов состоят главным образом в повреждении членов, за которым следует иногда и самая смерть. Столяры и плотники, действуя преимущественно острыми инструментами, часто ранят себя и нередко теряют пальцы на руках или ногах. Каменьщики и штукатуры страдают от известковой и каменной пыли, которая производит воспаление легких и глаз. Рабочие, занятые добычей и промыванием золотоносных песков, терпят нередко ушибы и повреждения членов от обвалов земли, а продолжительное пребывание в сырой, иногда болотистой, местности без хорошей горячей пищи порождает в них цынгу. При порохострельных работах, в железных рудниках, взрывы каменных пород нередко производят сильные ушибы и даже смертельные повреждения. Женский пол, будучи гораздо слабее в физическом отношении, несет часто те же тяжелые работы, как и мужчины. Так, здесь женщины занимаются добычей руды, рубкой дров, перевозкой тяжестей и прочими работами, требующими большого напряжения сил. От этого роды бывают неправильны, а от холодов регулы останавливаются, происходят страдания матки и грудей".

Неблагоприятные в санитарном отношении условия горно-заводского производства влекли за собою широкое распространение всевозможных заболеваний среди рабочих [3]). Но в течение еще долгого времени после появления крупной промышленности об организации врачебной помощи не было и помину. Мысль об этом появляется только к концу царствования Петра I. Сначала она осуществляется в гоинских частях заведенной им постоянной армии, а затем распространяется и на другие учреждения.

Регламент Адмиралтейства, изданный в 1722 году (ст. 47), гласит: "В портах везде надлежит быть госпиталям". При этом предписывалось на 200 больных иметь одного лекаря и двух гезелей (т. е. фельдшеров). Порцион для ординарных больных определен был в следующем виде: хлеба $1\frac{1}{2}$ ф. в день, мяса 5 ф.

---

1) „Горный Журнал", № 4, 1865 г. — К. Скальковский, Современное положение солеварения в северных губерниях.

2) Х. Мозель. Пермская губерния (1864 г.), ч. II, стр. 653—654.

3) По штату Колывано-Воскресенских заводов 1849 г. годовое число больных в рудничных и заводских госпиталях определялось в 3,6% , а на золотых промыслах—в 5,3% к общему числу занятых рабочих.

в неделю, круп 4½ ф. и масла ½ ф. в неделю, соли 5 золотников в день и квасу хорошего завсегда. У принятых в госпиталь удерживалась половина денежного жалованья, а хлебное—все, за время их пребывания в госпитале, на содержание последнего [1]). Указом 27 января 1724 г. предписано было учредить лекаря с медикаментами при Сестрорецких заводах. В доношении императрице от 8 июня 1725 г. начальник уральских заводов Геннин просил дать ему "лекаря с надлежащими медикаментами. Оное требуется не ради одной моей персоны, а ради тамошних мастеровых людей; понеже без лекаря тамо быть невозможно. И мастеровые люди, как русские, так и иноземцы, от великих работ приимают себе болезни и умирают безвременно, а лечить некому; а на их места иных мастеровых людей сыскивать трудно и дорого становится" [2]).

По инициативе Геннина в Екатеринбурге вскоре был устроен госпиталь для лечения мастеровых и рабочих, являющийся повидимому старейшим из заводских госпиталей. В 1734 г. Тульская оружейная контора просила определить на заводы лекаря "для того, что оружейных мастеров и промышленников имеется на тех заводах без малого до 3000 мужеского пола душ и иногда болеют в разных болезнях, а иные и безгодно умирают". Медицинская коллегия определила на Тульские заводы лекаря Якова Гакмана с набором необходимых медикаментов, предписав вычитать по 1 копейке с каждого рубля, получаемого рабочими в виде сдельной или повременной платы (из них жалованье лекарю —144 рубля в год, а остальное—на медикаменты). Заводский устав, составленный Татищевым в 1735 г., предписывает "больных лечить, для которого доктора медицины, лекарей, аптекаря и потребных служителей из нашей заводской казны содержать и для того на медикаменты и госпиталь по указам от всякого и при перемене чинов обретающихся в рангах вычитываемые деньги в медицинскую коллегию не отсылать". По штату 1737 г. в Екатеринбургском округе полагалось быть доктору, штаб-лекарю и двум младшим лекарям.

Указом 1 мая 1747 г. повелено было лекаря Сибирского гарнизона Цедеркопфа иметь при Колывано-Воскресенских заводах для лечения тамошних людей от болезней, а жалованье ему давать по окладу из вычетных на медикаменты. Цедеркопф был при заводах до 1752 г., когда был сменен, причем "по распространению тамошних заводов и по множеству на оных служителей" заведены были штаб-лекарь с учениками и учреждены при указанных заводах и рудниках госпитали с аптекарями [3]).

Однако устройство их в то время было довольно примитивно. Описывая свое посещение Луканского завода (Енисейск. г.) в 1739 г., немецкий путешественник Гмелин сообщает: "госпиталь находится под наблюдением фельдшерского ученика; но для того чтобы он не мог кому-нибудь наделать вреда, ему полагается быть без всяких лекарств" [4]). В 1765 г. рабочие Ирбинского завода жаловались, что в лазарете нельзя найти никаких лекарств, кроме слабительного и пластыря. Заболевшие "французской болезнью" (сифилисом) долгое время не только лишались возможности пользоваться лечением в больнице, но еще подвергались наказанию батожьем [5]).

За пользование госпиталем у мастеровых и урочников удерживалась половина жалованья и провиант, не считая постоянного вычета "на медикаменты" по одной копейке с рубля.

В об'яснительной записке министра финансов к проекту Горного Положения 13 июля 1806 г. отмечается, что "госпитали прежде были учреждены при одних только главных заводах. Больные, несмотря ни на род болезни, ни на какую непогоду, в величайшие жары и в жестокие морозы, перевозимы были с прочих заводов в оные госпитали через несколько десятков верст. Сей переезд их часто прич-

---

1) Полное Собрание Законов, № 3937.
2) Дополнение к жизнеописанию В. И. Геннина. „Горный Журнал", № 1, 1827 г.
3) Полное Собрание Законов, № 10323.
4) Gmelin's Reisen durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743. Dritter Theil, 297 s.
5) „Сибирский Сборник", 1891 г., кн. I.

яя им смерть". В виду столь неудовлетворительного состояния врачебной помощи Горное Положение предписывало учредить госпитали и лекарей при них на каждом заводе как казенном, так и частном—в рассчете, что сами предприниматели в интересах человеколюбия и своих собственных пойдут навстречу попечениям государственной власти. "Все заводчики, —говорится в ст. 715.—обязаны иметь госпиталь при каждом заводе на том основании, как такие учреждены при заводах казенных". Однако, это постановление долгое время существовало только на бумаге. Так, в 1832 г. томская врачебная управа сделала следующее представление местному губернатору: "имея в виду, что на золотопромывательных заводах, принадлежащих разным частным лицам, находится ныне более 2000 работников, как из ссыльных, так и из государственных крестьян, которые в случае приключившихся им тяжких или заразительных болезней необходимо должны быть жертвами оных, потому что владельцы заводов, пользуясь доходами не первый уж год, никаких не принимают мер, чтобы подавать в нужных случаях медицинскую помощь". врачебная управа считала необходимым устроить за счет золотопромышленников временные больницы на их промыслах, по одной кровати на 30 рабочих, и определить туда опытных лекарских учеников с тем, чтобы раз в месяц один из членов управы осматривал эти больницы и руководил лечением. Алтайское горное управление, на рассмотрение коего было передано это представление, с своей стороны также нашло, что золотопромышленники обязаны, на основании Положения 1806 г., иметь на своих промыслах госпитали для лечения больных, но выбор места для больниц, число их и изыскание средств должно быть предоставлено общему соглашению самих частных промышленников". Соответственно с этим заключением губернатором было предписано предложить томским золотопромышленникам устроить совещание по вопросу об устройстве больниц, но оно осталось невыполненным. Позднее, по настоянию администрации, отдельные золотопромышленники стали заводить на своих промыслах госпитали, отличавшиеся довольно примитивным характером, да и то не везде.

В 1845 г. горный исправник довел до сведения начальства, что на Николаевском прииске Серебрянникова нет помещения для больных и потому заболевшие оставались "в своих закоптелых дымных избушках, одежда на них грязная, изношенная" и лечил их какой-то "вольнопрактикующий лекарь". В Восточной Сибири на промыслах Енисейского, Канского и Нижнеудинского округов больные помещались —по словам всеподданнейшего отчета за 1842 г.—"на главных промыслах в лазаретах, а в прочих местах в избушках". В 1848 г. на 22 промыслах северной системы Енисейской губернии было уже 20 госпиталей, а в южной системе на 23 прииска только 15 госпиталей; в среднем одна кровать в них приходилась на 24 рабочих.

Жалованье рабочим за время болезни нигде не платилось; что же касается лечения и содержания в госпиталях, то по одним контрактам они предоставлялись бесплатно, а по другим—за них производились вычеты. Какая практика была более распространенной, сказать трудно: во всяком случае даже в шестидесятых годах подобные вычеты на золотых промыслах производились не редко [1]).

На Урале, по словам официального обзора, "в казенных и частных заводах устроены больницы и госпитали не только в каждом округе, но почти при каждом заводе. При казенных заводах находятся 13 больниц на 635 кроватей и в частных —62 госпиталя на 1765 кроватей. Следовательно, при всех горных заводах имеется 75 больниц и госпиталей на 2400 кроватей" [2]). Однако, нужно принять во внимание, что всего в Пермской губернии насчитывалось 121 горный завод; таким образом, 46 из них (38%), не имели собственных больниц. Кроме того, постоянные врачи имелись лишь при очень немногих больницах, особенно на частных заводах. По словам Н. Чупина, "о народном здравии не видно особенного попечения с

---

[1]) В. И. Семевский. Рабочие на сибирских золотых промыслах, т. I (1893 г.), стр. 20, 21, 129—132.

[2]) Х. Мозель. Пермская губерния (1864 г.).

большинстве частных заводов: значительных усилий и долгих непрерывных настояний стоило Управлению Уральских заводов достигнуть того, чтобы на частных заводах было по крайней мере по одному врачу на шесть, на семь заводов и чтобы заведены были те, не вполне удовлетворительные госпитали и аптеки, которые существуют теперь" [1]). Между тем еще Горным Положением 1806 г. требовалось, чтобы при каждом госпитале было не менее одного лекаря и несколько лекарских учеников, в зависимости от количества рабочих, чтобы каждый госпиталь был снабжен хирургическими инструментами, содержался в чистоте и опрятности; состоящий при госпитале лекарь обязывался два раза в день осматривать больных и т. д. На казенных заводах при 13 больницах находилось 18 врачей, так что минимальные требования закона могли еще соблюдаться. Но об этом не могло быть и речи на частных заводах, где сорок из них совсем не имели лечебных заведений, а на остальных 62, где таковые существовали, было лишь 19 врачей, т. е. по одному на три с лишним госпиталя. На Юрюзанском заводе с населением в 5000 душ еще в конце пятидесятых годов не было, напр., постоянного врача, и он приезжал два раза в месяц из казенного Саткинского завода, отстоящего за тридцать верст [2]).

В столь же примитивном состоянии, как и медицинская помощь, находилось дело обеспечения лиц, оказавшихся нетрудоспособными вследствие преклонного возраста или несчастных случаев. В течение долгого времени срок отбывания обязательного труда не был определен, и рабочие оставались на заводе до тех пор, пока администрация находила возможным пользоваться их трудом [3]). Только к концу рассматриваемого периода (1849 г.) продолжительность обязательной трудовой повинности была установлена законом в 35 лет, начиная с 18 летнего возраста или момента поступления на работы; для мастеровых, взятых из рекрутов, этот срок по аналогии с военной службой был сокращен в 1852 г. до 25 лет. Но непременным условием для выхода в отставку служило при этом "беспорочное" выполнение обязанностей. Повелением 1853 г. предписывалось не увольнять ни в отставку, ни в отпуск не только штрафованных мастеровых, но и тех из них, кои по суду оставлены в подозрении и потом будут "не вполне одобрительного поведения".

Положение увольняемых вследствие старости или несчастного случая, а также жен и детей умерших мастеровых долгое время оставалось неурегулированным, и они должны были рассчитывать или на милость заводоуправления, или на попечение родственников. В 1724 г. вдова якорного мастера Сестрорецких заводов Артемьева подала прошение о выдаче ей вдовьего жалованья. Петр положил резолюцию в том смысле, чтобы довольствовать ее вдовьим и сиротским жалованьем в размере 1/8 доли годового оклада мужа из средств Адмиралтейства, в ведении которого эти заводы находились. Но с передачей их в ведение Геннина Адмиралтейство хотело отказаться от платежа вдове Артемьевой этих денег; Сестрорецкий же завод, с своей стороны, указал, что у него для пенсии нет назначенных сумм. Сенат, на рассмотрение которого поступило это дело, вынес в 1737 г. следующую резолюцию: "умерших мастеровых женам, которых мужья при Сестрорецких заводах были тогда, как оные еще в ведомстве адмиралтейской коллегии состояли, на то время, на которое жалованье не дано, дачу произвести и впредь производить от адмиралтейской коллегии из положенной суммы, а которых мужья померли в то время, как уже заводы отданы в ведомство де Геннина, тем жалованье производить от конторы Сестрорецких заводов" [4]).

Эти резолюции, хотя и разрешали вопрос в положительном смысле, не послужили, однако, основанием для дальнейшего распространения и развития пенсионной практики, ибо они относились только к рабочим, занятым в адмиралтействе, при артеллерии и в Туле на оружейных заводах. К тому же в них ничего не говорилось о случаях потери рабочими трудоспособности.

[1]) „Горный Журнал", 1861 г., № 4.

[2]) Архив 3-го отделения собств. его величества канцелярии, 4 эксп., дело № 261 за 1858 г.

[3]) По сообщению Ледебура (1826 г.) этот срок считался ни более, ни менее, как в 40 лет.

[4]) Полное Собрание Законов. № 7420.

наконец, и размер пособия устанавливался чрезвычайно незначительный. В заводском уставе, сочиненном Татищевым в 1735 г., имеется статья (30-ая), говорящая о богадельнях и лечении больных; ею предписывалось правителю "иметь попечение, чтобы при тех работах для престарелых и изувеченных, которые кроме милости от других пропитания собственного иметь не могут, построить при всех заводах богадельни, в которых таковых невозможных в покое и теплоте содержать, потребную пищу и одежду им давать". Но практика резко расходилась с этим пожеланием, тем более что Устав Татищева не получил оффициального утверждения.

Когда в 1755 г. военная коллегия запросила Тульский оружейный завод о положении престарелых, не бывают-ли, в частности, они вынуждены иногда за все понесенные в жизни труды скитаться по миру, то канцелярия ответила: "мастерам, кои за старостью оружейной работы работать не могут, отставки чинятся... с свидетельства по аттестатам лекарей, и по отставке жительство имеют в домах своих общее с братьями и детьми, от которых и пропитание имеют, потому что хотя дальней за старостью работы исправлять и не могут, точию чинят помощь братьям и детям своим в присмотре домов, також по своей возможности выходят и покупают уголь и другие припасы и выносят в прием вещи и другое легкое дело исправляют; а чтобы они по миру ни скитались, о том в данных им пачпортах по силе указов подтверждается, а богаделен для таковых в Туле, також и на то никакой казенной суммы положения не имеется и не употребляется". А на вопрос о сиротах ответ был дан следующий: "С сиротами, от отцов и матерей оставшимися малолетными детьми, положенья никакого не имеется, а таковые в малолетстве... бывают при оставшихся в живых братьях, родственниках и свойственниках своих, и по возрасте обучаются при них разным оружейным мастерствам... на их пропитании, а как оные в настоящий возраст придут...; таковые по свидетельству определяются к разным работам, кто к чему способен, на задельные деньги, а праздны не бывают" [1]).

Как видно отсюда, увечные или престарелые оружейники и их семьи никакой пенсии не получали.

В описании Колывано-Воскресенских заводов, относящемся к 1789 г., мы находим следующие любопытные строки: "Инвалиды ничто иное суть, как те из служителей, которые по старости, дряхлости, увечьям и за другими болезненными припадками горных и заводских работ сносить не могут, по из оных по силам употребляются в легкие услуги..., а затем некоторые по слабости для поправления по желаниям увольняются в селения к родственникам временно на год и более, из которых иные по выздоравливании поступают в должности, а которые остаются безнадежны, вовсе из службы увольняются по собственным их желаниям в прежния жительства, а иные содержатся при госпиталях на пропитании из суммы доброхотных дателей" [2]). И так, заводская администрация старалась использовать лиц, ставших неспособными к горно-заводской работе, для иных более легких услуг; полные же инвалиды или отправлялись в прежнее место жительство на попечение родственников или содержались при госпиталях за счет случайных пожертвований.

Только в самом конце 18 и начале 19 столетия государственная власть начинает принимать меры к тому, чтобы возложить на заводоуправления если и не особенно тяжелые, то во всяком случае более или менее определенные обязанности по обеспечению престарелых и увечных рабочих. Учреждение о пенсионерах Колывано-Воскресенских горных заводов (12 июня 1797 г.) установило размер пенсии унтершихтмейстерам, мастерам, подмастерьям и прочих званий в унтер-офицерских чинах стоящим в размере 20 руб., а нижним горным и заводским служителям и солдатам—10 рублей в год. Вдовы означенных категорий получали по 5 рублей ежегодно до смерти или нового замужества, а дети по 3 рубля—мужского пола до поступления в школу, а женского—до 15-летнего возраста: "Оные пенсионы производить продолжавшим службу не менее 25 лет и тем, кои хотя и не выслужили

---

1) Зыбин, История Тульского оружейного завода (1912 г.).
2) Ив. Герман, Сочинения о сибирских рудниках и заводах (1797 г.), ч. I, стр. 282

тих увечных лет, но при казенных работах получили увечье или неизлечимую болезнь"[1]).

В объяснительной записке к проекту Горного Положения 1806 г., круг деятельности которого распространяется на Уральский и Подмосковный округа, отмечается, что "богаделен при заводах до сих пор почти не было. Бедные неимущие и увечные заводские люди обоего пола, лишенные покрова и всякого призрения, принуждены были снискивать оное по селам и деревням и через то умножали несправедливые понятия не только о тягости заводских работ, но и небрежении о них начальства". В виду этого Положением вменялось в обязанность горному начальнику "учредить богадельни в каждом заводе, или одну для двух и более заводов, лежащих не в дальнем расстоянии один от другого". Призираться в них должны были все бедные и неимущие обоего пола, принадлежащие к заводским селениям и округам, все престарелые, увечные и не могущие исправлять обыкновенных работ, все не имеющие пристанища в домах частных людей. Равным образом в богадельни помещаются малолетние сироты, которых никто из частных лиц не желает принять на воспитание. Дети мужского пола остаются в богадельне до 7-летнего возраста, а затем поступают в горную службу наравне с детьми других мастеровых людей; дети женского пола остаются в богадельне до надлежащего возраста. Содержащиеся в богадельнях могут быть занимаемы работою или таким рукоделием, какое они будут в силах исправлять, не делая однакоже немощным ни малейшего притеснения. Изделия содержащихся в богадельнях могут быть продаваемы или принимаемы в казну, если они окажутся нужными для заводов. Из вырученных за них денег половина отдается работавшему изделия, а другая половина причисляется к суммам, предназначенным на содержание богаделен. Содержащиеся в них должны получать такую пищу, которая была бы вполне достаточна к их пропитанию, и одежду, которая укрывала бы их достаточным образом и защищала от стужи и непогоды. На содержание богаделен должны были поступать вычеты с пенсий по 2½ коп. с рубля, штрафные деньги. Размер пенсий мастеровым и рабочим при отставке за 25 летнюю работу Положением 1806 г. определен в ¼ жалованья, за 30 лет—⅓, за 35—½ и за 40 лет и более ⅔ жалованья или единовременное пособие в размере трехгодичного жалованья[2]).

Об обязанностях частных заводчиков по отношению к престарелым и увечным в Положении ничего не говорилось, так что они могли считать себя свободными от них. Только в 1818 г. появляется первый акт, устанавливающий для них ответственность за несчастные случаи с рабочими. Именно Государственный Совет, рассмотрев записку министра финансов по этому вопросу, мнением положил: "в предупреждение несчастных случаев, бывающих с мастеровыми на рудниках частных рудопромышленников или заводосодержателей от неправильности работ или худого рудников укрепления, а также и от неисправности машин и инструментов, постановить, чтобы горный берг-инспектор, при объезде рудников, а горные начальники на месте, посредством заведенной полиции, имели неослабное наблюдение за производством работ в рудниках и старались предупреждать всякую замеченную опасность настоятельным требованием от рудопромышленников или заводосодержателей исправления того, что может причинить вред работающим. Если же, несмотря на подтверждение горных начальников и берг-инспектора, рудопромышленники или заводосодержатели не предпримут к отвращению опасных случаев всех возможных мер предосторожности и по строжайшему изысканию откроется, что действительно худой распорядок, небрежение или употребление непрочных инструментов и проч. были причиною увечья, а особливо смерти рабочего, то таковые рудопромышленники или заводосодержатели должны быть преданы суду, как неисполняющие предписаний начальства. В отвращение же напрасных казне убытков не только лечение мастерового, изувеченного от вышеизъясненных причин, но и содержание его, если по излечении окажется неспособным к работе

[1]) Полное Собрание Законов, № 17995.

[2]) Полное Собрание Законов, № 22208.

должно падать на рудопромышленника или заводосодержателя, в руднике коего ... получил увечье. Когда же мастеровой при работах в рудниках будет задавлен на смерть или ушибом умрет и по следствии откроется, что неправильная разработка или употребление непрочных подставок, инструментов и разных машин были причиною его смерти, то рудопромышленник или заводосодержатель обязан давать и семейству умершего такое же содержание, какое полагается в подобных случаях семействам мастеровых, на казенных заводах служащих". Практическое значение этого акта было однако невелико. Уголовная ответственность предпринимателей едва ли вообще имела место. Как уже упоминалось выше, практика военных судов выработала для этого подходящую формулу: "за неотысканием виновных в смерти мастерового такого-то дело предать воле Божьей".

Что же касается выдачи пособий мастеровым или членам их семейств, то дело на казенных заводах обстояло на практике весьма печально. Когда в 1822 г. особая комиссия, назначенная по высочайшему повелению, осматривала заводы, то всюду, где она ни проезжала, приносимы были ей словесные или письменные просьбы от вышедших в отставку мастеровых, что не получают положенных за службу им пенсионов, и так как отставным провианта не определено, то они претерпевают крайнюю нужду" [1].

Имея в виду, что по докладу министра финансов 13 июля 1806 г. назначено было отпускать в распоряжение Пермского Горного Правления ежегодно по 50 тысяч руб. пенсионной суммы и что последнему по Горному Положению предоставлено было самому, без утверждения министерства финансов, назначать пенсии как мастеровым и рабочим людям, так и вдовам и сиротам их, Комиссия запросила Правление, почему означенные люди не получают следуемых им пенсионов.

Горное Правление ответило, что упомянутая сумма отпускаема была в распоряжение его с 1807 по 1816 г., а с того времени на основании журнала Комитета министров 25 мая 1815 г. присоединена была к пенсионной сумме прежних департамента Горных и соляных дел; что остатки пенсионной суммы в 1821 г. в размере свыше 263 тысяч рублей переведены департаментом в Комиссию погашения долгов; что назначение пенсионов заводским людям зависит более не от самого Правления, но от утверждения министерства финансов и что Правлением представляемо было о выдаче пенсионов как классным, так и нижним горным чинам, равно как мастеровым и рабочим людям, вдовам и сиротам их всего за время с 1816 по 1822 г. около 1700 человек, но разрешения от департамента не последовало.

На многих заводах в Комиссию поступали жалобы также от вдов и сирот женского пола, оставшихся после смерти мастеровых, что они лишены призрения, ибо выдача пенсионов задерживается, а сумма, предназначенная для содержания богаделен, состоит из случайных доходов и совершенно недостаточна для удовлетворения всех, требующих пособия.

Комиссия высказала пожелание, чтобы вдовам мастеровых и непременных работников и детям их женского пола, которым по Горному положению провианта не дается, а велено определять пенсионы соразмерно жалованию и службе мужей их или отцов, выдача провианта производилась до того времени, пока пенсионы не будут назначены, и чтобы Горное Правление назначало означенные пенсионы по-прежнему, не испрашивая разрешения Горного департамента. Для этой цели в его распоряжение должна быть возвращена сумма, назначенная по утвержденному 13 июля 1806 г. докладу, которым для всех казенных заводов положено было в год по 50 тысяч руб. Остатки же от этой суммы — обращать на богадельни, в содержании коих Горное начальство по ограниченности средств весьма затрудняется, предоставляя, впрочем, на волю тем, кои имеют право на призрение, оставаться и в кругу своих родственников, получая деньгами назначенное им содер-

---

[1] Архив департамента полиции. Дело 1820 г., № 230. „О возмущении мастеровых Березовского золотопромышленного завода".

жание. В 1824 г. министром финансов был учрежден особый комитет при департаменте горных и соляных дел для выполнения высочайшей воли об улучшении состояния мастеровых и рабочих людей на горных заводах. Согласно предложению этого комитета в 1826 г. было постановлено между прочим: "мастеровым и непременным работникам, кои по старости лет, болезням или увечью увольняются от заводских работ и не могут ни сами себя пропитать, ни быть помещенными на богаделенное содержание по недостатку богадельного дохода, и всем тем, кои по проекту Горного положения имеют право на такое содержание, производить провиант безденежно, хотя бы они и получали пенсион, ибо по существующему закону пенсион, им определенный, крайне мал и недостаточен для самого скудного содержания" (спускаясь до 6 и даже 3 рублей в год). Правило это было распространено также на те частные заводы, при которых есть казенные люди. С 1828 г. стали получать безвозмездно по два пуда провианта в месяц и пенсионеры на Алтайских заводах, принадлежащих Кабинету. Но если отставные мастеровые поступали в заводскую богадельню, то в таком случае пенсия им уже не выдавалась.

Количество лиц, пользовавшихся богадельнями, было, однако, очень незначительным. К моменту ликвидации крепостного права на Урале имелось всего 4 богадельни, по одной на каждый округ, рассчитанных на 160 человек; на поссессионных и частных заводах, составлявших двадцать два округа и около сотни предприятий, их было также 4—на сысертском, нижнетагильском, алапаевском и нытвинском заводе [1]). В заводских богадельнях Алтайского округа в 1851 г. призревалось всего 33 мужчины и 2 женщины. Таким образом, главнейшей формой обеспечения престарелых и увечных служила выдача провианта и пенсии. С 1836 г. низший размер пенсии определен был в шесть рублей ассигнациями, а с 1840 г. с переводом на серебро—в 1 руб. 72 коп. в год. При рассмотрении одного списка пенсионеров Сибирского края Н. Зобниным обнаружилось, что из общего числа 608 пенсионеров 457 (т. е. более $3/4$) было таких, которые получали менее трех рублей, и из них, в свою очередь, большинство пользовалось наименьшим размером пенсии, т. е. по 1 руб. 72 коп. в год [2]).

"С выходом в отставку,—сообщает инженер Латышин об уральских заводах [3]),—жизнь мастерового не становилась радостнее; весьма скудного пенсиона, от 2 до 7 руб. в год, и провианта едва хватало, чтобы как-нибудь прожить до смерти. В богадельню же попадала незначительная часть только из отставных; при том они неохотно и шли туда, предпочитая лучше провести остаток жизни в кругу своего семейства".

Еще хуже было положение рабочих на частных заводах, где предоставлялось более простора личному усмотрению.

Так, про Верхне-Сергинские заводы сообщается: "Богаделен, детских приютов и других благотворительных заведений нет; но взамен этого все престарелые, увечные, неимеющие средств к пропитанию, числом до 1000 человек, получают богаделенное содержание от заводов в количестве до 4800 руб., в том числе деньгами отпускается до 800 руб. и провианта на 4000 руб.". Не трудно заключить, что сумма, причитающаяся на каждого (в среднем менее 5 руб.), значительно ниже той, какая выдавалась на казенных заводах в виде пенсии и провианта. На Юговском заводе "богадельни нет, а взамен этого престарелым и увечным выдается провиант от управления безденежно"...

Тяжелые условия работы, недостаток заботливости со стороны администрации о принятии предохранительных или предупредительных мер и плохая постановка медицинской помощи, граничащая нередко с полным отсутствием ее, влекли за собой значительное повышение смертности среди заводского населения. Так, по данным комиссии, командированной в 1822 г. на Урал, для укомплектования Кушвинского завода поступило в 1817 и 1818 г.г. 2263 человека по рекрутскому

---

[1]) Х. Мозель, Пермская губерния (1864 г.).
[2]) „Сибирский Сборник", 1891 г., кн. II.
[3]) „Горный Журнал", 1865 г., № 7.

набору из Пензенской и Симбирской губ. Из них к 1819 г. на службе осталось только 1164 человека: 880 померло, 207 бежало и 12 выбыло по другим причинам. На Богословском заводе в то же самое время умерло от цынги более 700 мастеровых, взятых из рекрут Пермской, Пензенской и Симбирской губ. Значительная доля вины, по мнению комиссии, лежит на администрации, которая набирает мастеровых из рекрут отдаленных местностей, не приспособленных к здешнему климату, и не принимает мер к устройству их быта[1]). По вычислениям Н. Зобнина[2]), в течение столетия, предшествующего падению крепостного права, естественный прирост населения среди мастеровых Алтайских заводов составлял всего $1/3\%$ в год, тогда как у приписных крестьян он составлял более 1%. С открытием же в 1830 г. золотых промыслов, где условия производства были особенно нездоровые, началось уже вымирание рабочего населения, которое маскировалось лишь постоянным приливом свежих сил, почерпаемых из рекрутских наборов.

(Продолжение следует).

К. Пажитнов.

---

1) Архив департамента полиции. Дело 1820 г., № 230.
2) „Сибирский Сборник", 1891 г.

Из истории касс и обществ взаимопомощи рабочих.

I.

История возникновения касс и обществ взаимопомощи в России, этих первых и долгое время единственно возможных форм легального единения рабочих, уводит нас вглубь веков, если включить в обзор деятельность окраин, но если ограничиться пределами собственно русских губерний, то она не восходит дальше второй четверти девятнадцатого столетия. Организационное движение современных "окраин" имеет свою многолетнюю историю. Так, в Царстве Польском и Остзейском крае начатки организации обществ взаимопомощи встречаются еще в 16 веке, но их ранняя история до сих пор не исследована. К началу 20 века в Прибалтийском крае насчитывается до 100 касс и обществ взаимопомощи ремесленников [1]), при почти полном отсутствии об'единений рабочих крупной промышленности, которые имели возможность сорганизоваться только нелегально и при том в мелких тайных кружках. Ремесленные единения всегда являлись сколком с тех союзов и обществ подмастерьев, которые существовали в Западной Европе во времена цехового строя. Они в эту эпоху выдают пособия в случаях болезни, безработицы, дорожную помощь и т. п. На ряду с этими обществами, носившими сословный характер, действуют всесословные похоронные кассы, которых к концу 19 века насчитывается выше ста. Иное дело более экономически отсталые центральные губернии России, не знавшей ни цехового строя, ни об'единения ремесленных рабочих. Здесь и начатки общегражданской взаимопомощи появились лишь после освобождения крестьян от крепостной зависимости. Первой и наиболее общей формой об'единения были уже упомянутые всесословные похоронные кассы, как наиболее скромные и политически невинные организации.

В России ранее других пролетарские об'единения организовало еврейство. Еврейские ремесленники Северо-Западного края рано стали устраивать особые общества, носящие названия "хевра". При своем зарождении "хевры" носили религиозный характер, но впоследствии, особенно в последние десятилетия 19 века, они или совершенно освобождаются от религиозной внешности, или же, дав место новым формам об'единения, отходят на задний план. В последнее время многие из обществ этого рода мало-по-малу превращаются в профессиональные организации рабочих для борьбы с хозяевами; из других, наоборот, вырастают организации хозяев-предпринимателей. Здесь заметна преемственность в развитии форм организации рабочих от примитивных братств с ограниченными функциями взаимопомощи к классовым рабочим организациям: постепенно "хевры" присваивают функции профессионального союза [2]). Профессиональная борьба интересует участников

---

[1]) С. Прокопович. К рабочему вопросу в России (Спб. 1900 г.), стр. 2 и 3. — Б. Е. Святловский. Профессиональное движение в России (Спб. 1906 г.), гл. II.

[2]) Первые стачечные кассы ремесленников в Западном крае возникают в 1888 г. в Вильно. См. „Голос Бунда" 1917 г. № 6.

иногда больше, чем их первоначальная задача—взаимопомощь. ”Хевры“ еврейских подмастерьев и рабочих были подробно исследованы в 1900—1901 г. в Могилеве, где, в силу исключительных обстоятельств, они сохранились до этого времени почти без изменений. Между тем, в других городах влияние хевров значительно ослабело, благодаря развитию социал-демократического движения среди еврейского пролетариата (”Всеобщий Еврейский Рабочий Союз в Литве, Польше и России“—”Бунд“ [1]).

”Хевры“—это были первоначально общества взаимопомощи, напоминающие французские ”associations de mutualité“ и немецкие ”Innungen“. Внутренний строй их напоминает старые польско-еврейские цехи, подготовившие почву для развития ”хевры“: в каждой ”хевре“ имеется пергаментный свиток (Pinckus) с уставом ”хевры“; освящение свитка сопровождается особым празднеством. При выборах правления хевры действует очень сложная система: все члены хевры жребием выбирают из своей среды выборщиков; эти выборщики опять-таки жребием, выбирают из своей среды выборщиков второго порядка и лишь эти последние, прямым голосованием, выбирают правление хевры; если такая система выборов была, может быть, уместна в многолюдных цехах, то в ”хеврах“, насчитывающих в Могилеве не более 70 человек в каждой, применение этой системы можно об‘яснить лишь традицией. Хевры об‘единяли первоначально хозяев и рабочих. Такого рода смешанные или, как их называют, ”элементарные хевры“ встречаются позже среди могилевских сапожников, часовщиков и жестянщиков [2]). В хевре сапожников каждый член уплачивает вступительный взнос и производит ежемесячные взносы. Кроме того, члены хевры обязаны по очереди посещать больных сочленов и все члены хевры сопровождают прах покойного члена на кладбище и в течении месяца после смерти его приходят в его дом для чтения молитв. Капиталистическое развитие разрушает, однако, идиллию патриархальных отношений между хозяевами и рабочими, разбивает иллюзию гармонии труда и капитала, и в среде членов “хевры” начинает понемногу все острее ощущаться социальный антагонизм; все это приводит к тому, что рабочие уходят из старой хевры и образуют свою чисто рабочую. Старая хевра, в большинстве случаев, продолжает существовать в качестве организации мастеров, но значение ее обыкновенно быстро падает; порою она превращается в боевой союз предпринимателей. Наконец, в 90 годах 19 века появляются чисто пролетарские ”хевры“, в которых религиозные и филантропические задачи совершенно отступают на задний план, и которые по задачам своим и деятельности очень близки к современным западно-европейским профессиональным союзам; такие ”хевры“ отмечаются в табачном и кожевенном производствах, и в типографском деле; в хевре рабочих кожевенного производства ведется систематическая промышленная политика, по типу промышленной политики английских тредюнионов. Хевра с началом профессионального движения перерождается соответственно требованиям времени.

II.

Начало социал-демократической агитации среди еврейских рабочих сопровождается устройством многочисленных стачечных касс; в Вильне первая касса (чулочниц) была основана еще в 1888 году [3]). 1894 год явился поворотным пунктом в истории еврейского рабочего движения, распространившегося по городам

[1]) Ср.: „Материалы к истории еврейского рабочего движения“, изд. „Трибуна“ (1906 г.). Я. Брафман, „Еврейские Общества“ (1868 г.) и „Книга Кагала“ (Вильно, 1870). Особенно важно исследование Сарры Рабинович: „Die Organisationen des jüdischen Proletariats in Russland“ (Karlsruhe, 1903). Некоторые сведения имеются в изданиях Бунда: „Еврейском Рабочем“ („Jüdischer Arbeiter“) „Рабочем Голосе“ („Arbeiter-Stimme“) и в газетах: „Volks-Zeitung“ и пр. Общую сводку дает ценное, к сожалению, в России неизвестное исследование Burgth'a: Die geschichte der judischen Arbeiterbewegung (Нью-Йорк, 1914).

[2]) С. Рабинович, назв. сочинение.

[3]) См. „Материалы к истории еврейского рабочего движения“, стр. 30.

Северо-Западного края и Польши. В этом году в Варшаве организуются кассы в нескольких профессиях, а в Минске, под влиянием стачечной борьбы, возникают четыре профессиональных союза. В том же году в Сморгони и Ошмянах устраивается касса у кожевников, в Вильне возобновляются распавшиеся и организуются новые—всего 12 касс. Вообще под влиянием агитации начинается усиленная стачечная борьба. В следующем году в Вильне вновь организовано 16 касс борьбы; всего в движении участвует около 850 организованых рабочих, принадлежащих к 27 профессиям. В Минске кассы борьбы получают самую широкую популярность в рабочей массе. Организуются 11 новых касс с количеством участников 560 человек. В Варшаве организуется 13 касс борьбы и т. д. [1]). Все эти кассы и союзы—организации мелкие, местные. Во второй половине 90 годов образуется, наконец, первый в России профессиональный союз, не ограниченный местными рамками: это известный—"Всеобщий союз рабочих щетинщиков в России и Польше", сыгравший видную роль в истории профессионального движения. В этот союз входили одни евреи; несколько позже образуется союз кожевников, в котором в небольшом, правда, количестве участвуют и рабочие не евреи.

У нас нет данных об отношениях между этими организациями и "хеврами". Повидимому, стачечные кассы находились в известном антагонизме с хеврами, по крайней мере с теми из них, в которых были сильны религиозные традиции; но едва ли можно сомневаться в том, что благодаря организационному сплочению еврейских рабочих в "хевры", благодаря развитию в них общественного интереса и классовой солидарности, социал-демократическая профессиональная организация еврейских рабочих смогла получить такое быстрое распространение.

С развитием широкого легального профессионального движения в 1905 и следующих годах, "хевры" почти совсем исчезают.

В самой России, т. е. в ее внутренних губерниях, общества взаимопомощи появились позднее, и дольше остались в стороне от общего рабочего движения. Не многие наши кассы насчитывают пол-столетия деятельности. Многие из них, как мы увидим дальше, возникли при содействии ведомств и сохранили такой свой характер до самого последнего времени. Только в годы "освобождения" некоторые из них проявили стремление к пересозданию. Вообще же до 1905 года большинство организаций взаимопомощи не только не служило орудием экономической и политической борьбы, но, зачастую, они, как раз обратно, превращались в орудие борьбы хозяев с входившими в них рабочими массами.

III.

Организации взаимопомощи имели у нас особое распространение среди приказчиков, горнорабочих, городских ремесленников, железнодорожных, типографских и некоторых групп фабричных рабочих. Приведем общие данные, касающиеся каждой из названных групп в отдельности.

Первое общество приказчиков было основано в 1859 г. в Риге. Затем в 1863 г. открылось Московское, в 1865 г.—Петербургское общество купеческих приказчиков. В 1898 году в Европейской России (без Польши, Прибалтийского края и Финляндии) насчитывалось 74 общества взаимопомощи приказчиков. На первом с'езде обществ вспоможения частно-служебному труду в Нижнем-Новгороде, в 1896 году, число членов принималось равным, приблизительно, 5,000; на втором с'езде в Москве в 1898 году—20,000. По данным за 1895 г., т. е. к первому с'езду, в 32 обществах состояло членов 8,802; в том числе 1,131 (13%) член-благотворитель. Более поздних сведений не имеется. Многие уставы приказчичьих обществ заключают в себе такую оговорку: "В общество принимаются лица, не

---

[1]) „Материалы к истории еврейского рабочего движения", стр. 44.

стоящие на степени рабочего или ремесленника“ [1]). Когда на втором с‘езде раздались голоса за устранение этого пункта из уставов, то на защиту его выступили многие делегаты. Характер обществ приказчиков как нельзя более ярко отражается на первых двух с‘ездах (в Н.-Новгороде 1896 г. и в Москве 1898 г.). С‘езды открываются под звуки гимна ”Боже царя храни“, исполняемого троекратно ”по единодушному требованию публики“ [2]). Второй с‘езд посылает благодарность представителям правительства, что вполне гармонирует со всем тоном с‘езда. Члены с‘езда заявляют благодарность уважаемым принципалам и неоднократно восклицают: ”Мы должны итти с хозяевами рука об руку!“. Все эти черты могут быть об‘яснены общей отсталостью торгового дела и торгового класса в России. И до последнего времени торговля в России, за исключением немногих крупных центров, велась в небольших предприятиях на патриархальный лад; хозяин вместе с приказчиками (”молодцами“) работает в торговом заведении; приказчики нередко столуются и живут у хозяев, находятся таким образом под их постоянным надзором и отделены от своих товарищей других предприятий. К концу 90 годов, под влиянием начавшегося пробуждения рабочих масс, характер приказчика, а следовательно и приказчичьих обществ начинает изменяться. В их деятельность вносится живая струя острым вопросом о положении труда торгового пролетариата.

В 1902 г., по инициативе Одесского общества приказчиков, министерство финансов предприняло опрос биржевых комитетов и приказчичьих обществ относительно регулирования рабочего дня приказчиков. Эта анкета дала возможность приказчичьим обществам высказаться. Пользуясь случаем, целый ряд обществ выставляет программу уже пролетарских требований: полный праздничный отдых, 10 часовой рабочий день с 2 часовым перерывом для обеда, право организовываться в профессиональные союзы и проч. Определенность экономической программы требований уже заставляет чувствовать наличность стоящего за нею общей политической платформы и, действительно, с этого времени начинается почти повсюду движение в пользу нормировки рабочего дня и установления праздничного отдыха. Это движение прошло через все стадии развития, начиная от эры ”прошений и петиций” власть имущим вплоть до стачки и бойкота. Уже в 1903 году приказчики в Кутаисе устроили забастовку, борясь за праздничный и воскресный отдых. Вновь возникающие приказчичьи общества гораздо легче поддавались новым влияниям, чем старые, в которых громадным влиянием пользовались хозяйские элементы. Некоторым обществам удалось переродиться в организации профессиональные, отбросив все то, что не соответствовало деятельности и назначению их, как боевых пролетарских организаций.

1905 год с его политическим под‘емом еще резче подчеркнул тенденцию некоторых приказчичьих обществ к превращению в профессиональные союзы. Там же, где это почему-либо не удавалось, все мало-мальски прогрессивные элементы выделялись и организовались в особые профессиональные об‘единения. Так было в г. Уральске, Ростове-на-Дону и в др. городах. В некоторых местах в 1906—1907 годах отношения между профессиональными союзами приказчиков и старыми обществами, в которых удалось преодолеть хозяйские элементы, становятся настолько близкими, что вопрос о слиянии этих организаций являлся только вопросом времени. Так, по данным профессиональной печати, обстояло дело в Самаре, Курске. Пензе, Астрахани. Для определения удельного веса перерождений обществ необходимо отметить и другой источник союзных об‘единений. Во многих местах союзы торговых служащих выросли из стачечных организаций, которые руководили борьбой приказчиков в знаменательный 1905 год. К тому же, первый русский закон о союзах—закон 4 марта 1906 года—был довольно интенсивно использован приказчиками, несмотря на преследования со стороны хозяев и дружественной по-

---

1) А. Белин. Профессиональное движение торговых служащих в России (М. 1906 г.). стр. 6.

2) „Труды второго всероссийского с‘езда представителей обществ вспоможения частному служебному труду и других однородных по идее и цели в Москве“ (М. 1900). стр. 13.

следним полиции. В приказчичьем мире в течение 1905 и 1906 годов возникло большое число легальных профессиональных союзов и развилась значительная специальная пресса. В итоге—приказчики, поднявшись до уровня пролетарского классового самосознания, добились ряда существенных уступок у хозяев, особенно в отношении продолжительности рабочего дня и условий работы. К концу 1906 г. в профессиональных органах печати имеются сведения о союзах приказчиков в свыше, чем 30 больших городах, но эти данные конечно далеко не полны. По официальным сведениям Главного по фабричным делам присутствия одних зарегистрированных приказчичьих союзов в 1906 г. числилось свыше ста. Регистрировались, конечно, не все организации, особенно в небольших торгово-промышленных поселениях. Тем временем деятельность обществ и союзов все более сближается. Дело доходило до того, что, например, в Ялте и Севастополе общества одним постановлением общего собрания просто превращались в профессиональный союз.

В 1906 году в Москве заседал третий с'езд обществ взаимопомощи, на котором преобладали организации приказчиков. Будучи формально продолжением первых двух с'ездов, новый с'езд по своему составу резко отличается от них: кроме обществ взаимопомощи, присутствовали и некоторые профессиональные союзы. Хотя это участие, по различным причинам, было очень неполно, и преобладающими на с'езде были "общества", тем не менее по своему характеру этот с'езд не похож на два предыдущих с'езда. Приказчики уже перестроили за это время свое отношение к делу взаимопомощи. Борьба за улучшение положения оттесняет на задний план старые принципы и приемы. Все внимание с'езда было сосредоточено на выработке общей платформы новых профессиональных требований. Эта платформа, в то же время, носит резко выраженный пролетарский характер. Для выяснения настроения представителей торгового пролетариата, приведем принятую с'ездом резолюцию о взаимоотношении обществ взаимопомощи и профессиональных союзов приказчиков: "С'езд, приглашая торгово-промышленных служащих вступить в боевые профессиональные союзы, признает необходимым, чтобы существующие общества взаимопомощи преобразовались в профессиональные союзы, или сливались с ними, или же, временно сохраняя свою самостоятельность, тем или иным путем фактически подчиняли всю свою деятельность, как касс взаимопомощи, профессиональным союзам".

Четвертый с'езд (1907 г.) окончательно завершил намеченный процесс перерождения организаций торгово-промышленного пролетариата. Последующие волны реакции (1908-1911; 1914-1916) и под'ема (1911-1913; 1917-922) уже имеют пред собою профессионально-кристаллизованную массу торгово-промышленных служащих. Она, в конце концов, сливается с остальными союзами, а со времени национализации торговли деклассируется и растворяется в других организациях. Революция уже не знает ни особых профессиональных торгово-промышленных организаций, ни их обществ взаимопомощи. Происходящее ныне течение в сторону денационализации и возрождения частной торговли возвратит к жизни и элементы вспомогательные торговли.

IV.

Второю значительною группою организаций взаимопомощи являются кассы и товарищества горнорабочих. Последние возникли не "снизу", а "сверху" при помощи главным образом, так сказать, бюрократического благоденствия. Казенные рудники и заводы устраивали у себя "кассы" и "общества" как паллиатив для "успокоения рабочих". Отсюда вялость и слабость этих организаций, несмотря на давность их учреждения. К тому же и горнорабочие в России всегда были наиболее отсталым и забитым классом пролетариата. Обычно их организовывали по типу касс страхования. Впервые в пределах России такие кассы появились в губерниях Царства Польского на основании указа Александра I (28 февраля 1817 года). Во исполнение этого указа Келецкой горной дирекцией был выработан особый устав "о брат[illegible] г.

По этому уставу участие в кассах обязательно для всех горнорабочих, занятых в принадлежащих правительству предприятиях. С каждого рабочего производятся вычеты. В кассу же поступают и всякого рода штрафы с рабочих. Товарищество предоставляет своим членам денежное пособие во время болезни, последовавшей от заводских занятий, назначает пенсии за увечье или болезнь, лишающие возможности работать на заводе, за 40-летнюю беспорочную службу, а также тем из них, кои прослужив на заводе не менее десяти лет, по старости стали неспособными к труду на заводах. Жены членов, в случае смерти последних, получают право на эмеритуру в зависимости от числа лет, проведенных в супружестве. Эти малочисленные кассы существовали и существуют только при субсидиях от правительства, которое в дореволюционное время выдавало им ежегодно в воспособление около 25-30 тыс. рублей.

На ряду с такими полуказенными кассами обращают на себя внимание кассы рабочих частных горных предприятий в Царстве Польском, хотя с 1900 года они и подчинены правительственному контролю, но возникли без утвержденных правительством уставов. Одни из этих касс—чисто больничные, другие—пенсионные. Участие в них рабочих обязательное; вычеты с рабочих не подлежат возврату. После утверждения в 1897 году нормального устава больничных касс и спустя четыре года уставов прочих касс, все кассы рабочих частных предприятий в Царстве Польском устраиваются уже по одному плану. По данным правительства, в 1907 году насчитывалось только 13 вспомогательных касс рабочих горных предприятий Царства Польского, с общим числом рабочих в 26 тысяч человек и с общим капиталом несколько более полумиллиона рублей. На сравнительно быстрое развитие касс взаимопомощи на частных горных промыслах Царства Польского повлияли два обстоятельства: действующим законом здесь был кодекс Наполеона, устанавливавший довольно серьезную ответственность предпринимателей за увечье рабочих, а большинство частных предприятий горнозаводской промышленности были взяты в аренду у казны, так что кассы взаимопомощи переходили в частные руки преемственно вместе с предприятиями. Предприниматели, делая в эти кассы сравнительно незначительные взносы, в большинстве случаев самостоятельно управляли этими кассами, и лишь изредка допускали к участию в управлении и рабочих. До издания закона 9 марта 1892 года, по которому оплата врачебной помощи рабочим производится предпринимателем, эти кассы были, в сущности, весьма выгодным делом для капиталистов. Не мудрено, что тотчас же после вступления в силу этого закона предприниматели, за единичными исключениями, прекратили свои взносы. В 1900 году последовало изменение в положении горнозаводских касс Царства Польского: предприниматели обязаны были делать определенный взнос в эти кассы, а управление ими из'ято из рук заводской администрации и подчинено горной и фабричной инспекциям.

На уральских горнозаводских промыслах [1]) начало организации касс взаимопомощи положил закон 8-го марта 1861 года, который, упразднив крепостную зависимость, впервые установил, чтобы при каждом крупном заводе или руднике или на нескольких небольших заводах или рудниках учреждались горно-заводские товарищества "с целью упрочения связи между заводами и горнорабочими". На их слабые плечи возлагается обязанность: попечение о рабочих в старости, болезнях и при несчастиях, призрение вдов и проч. На основании этого закона с 1862 по 1896 г.г. возникло только 16 таких касс. Горнозаводские товарищества выполняли самые разнообразные обязанности, из которых каждая могла бы составить предмет деятельности особой кассы. Они представляют собою одновременно учреждения: пенсионное, сберегательное, ссудное и вспомогательное, при чем деятельность вспомогательная проявляется в выполнении задач, свойственных кассам больничным и похоронным. Всякий постоянный рабочий обязан быть чле-

[1]) См. выше: К. Пажитнов. Положение рабочих в горнозаводской промышленности при крепостном праве.

ном товарищества. Средства касс образуются из 2—3%-ных вычетов из жалованья членов (каковые деньги возврату не подлежат), из взносов заводоуправления, равных сумме членских вычетов, из прибылей от выданных ссуд, из штрафов с рабочих за провинности, из пожертвований и проч. источников, какие заводоуправление или товарищество изыщут, а также, в случае крайней нужды, из общего фонда горнозаводских товариществ. Из касс производятся пожизненные пенсии членам товарищества, их вдовам и сиротам, оказываются временные вспомоществования, назначаются пенсии за выслугу лет и участие в кассе взносами. В некоторых случаях принимается во внимание тяжесть работы, как, например, каждый год, проведенный членом в работах на оружейной фабрике на сухой отточке клинков—каковая работа признается вредною для здоровья,—считается при назначении пенсии за три года. Общий капитал этих касс к началу 1908 года превышал два миллиона руб., при чем число участников кассы было около 16 тысяч, а число пенсионеров свыше 3 тысяч. Последние все вместе получали около 95 тысяч руб. пенсии, т. е. в среднем по 32 рубля на пенсионера в год. Некоторые кассы выдавали ссуды, как это ни странно, также правлениям заводов. Любопытно отметить, что закон возлагал на горнозаводские товарищества также разбор недоразумений и споров при конфликтах между заводоуправлением и рабочими. Но этой стороны деятельности им так и не удалось развить, а там, где делались какие-нибудь попытки в этом направлении, они разбивались об энергичное противодействие заводоуправлений и горного начальства.

Нельзя не отметить также характерный факт, что Донецкий углепромышленный район, развившийся много позднее, остался совершенно в стороне от чиновничьего грюндерства в сфере организаций рабочих. Это обстоятельство вполне объясняется тем, что по отношению к уральским рабочим, как к бывшим крепостным, общества взаимопомощи были применены, как средство фактически поддерживать формально отмененное крепостное право. Тем не менее Донецкие горнорабочие, повидимому, раньше своих уральских товарищей принялись за самостоятельную организацию, так как с 1905 года профессиональное движение в Донецком районе начало расти, в то время, как, насколько нам известно, на Урале профессиональное движение так и не получило сколько-нибудь широкого распространения среди горнорабочих. Оно возникло здесь лишь с 1917 года, прочно не укрепившись.

В другом горнопромышленном районе, в Царстве Польском,—как уже сказали, известны 13 вспомогательных касс.

Затем в других промышленных районах России горнорабочие кассы имеются только в единичных случаях. Так, еще в 1884 г. был утвержден устав "Общества пособия горнорабочим на юге России", но какова его деятельность и открылось ли оно вообще, нам не известно. Другая подобного рода организация—"Вспомогательная касса Одесских рабочих каменоломен" действует на основании устава 8 мая 1886 г. Она возникла вследствие соединенного ходатайства владельцев каменоломен и рабочих. Цель кассы—оказывать помощь и попечение рабочим, с семействами их, состоящим членами кассы и получившим увечье или потерявшим здоровье и силы на работах, а также семействам умерших рабочих. Взносы в кассу делаются рабочими пропорционально заработку. Владельцы же каменоломен вносят вступительный взнос: представители одной каменоломни в размере 30 рублей, двух каменоломен—по 20 рублей с каждой, большего числа—по 15 рублей с каждой, и еженедельный взнос по 5 коп. на каждого рабочего, обращавшегося в принадлежащей ему каменоломне. Члены кассы имеют те же права и обязанности, какие принадлежат членам предшествовавшего общества. Несколько позднее утверждена "Вспомогательная касса рабочих рудников и заводов товарищества Кривогорских железных руд". Она учреждена по нормальному уставу 15 июня 1890 г. и оказывает помощь и попечение рабочим и их семействам. Рабочие, получающие менее 50 руб. в месяц, вносят в кассу 1% от заработка; владелец вносит единовременно 500 рублей и ежемесячно половину суммы взносов рабочих; служащие, получающие свыше 50 руб. в месяц, вносят от 3 до 6 руб. в год, прочие же—либо 50 руб.

раз навсегда, либо—от 5 до 10 рублей в год. Вспомоществование получают только рабочие, прочие же члены лишь участвуют в управлении делами кассы. В 1894 г. утвержден устав "Общества вспомоществования рабочим горных и золотых промыслов Томского горного округа". Общество оказывает помощь рабочим, лишившимся на промыслах возможности трудиться, вследствие увечья или утраты здоровья и сил. Рабочие в обществе не участвуют ни взносами, ни в управлении. Средства кассы составляются из взносов промышленников. Несколько ранее (1893 г.) был утвержден устав "Ссудо-сберегательной и вспомогательной кассы служащих Кувинского округа нераздельного имения графа Строганова". Средства ее образуются: из капитала, переданного собственником (2.428 руб.), из вкладов и прибылей кассы, получаемых от ссудной операции, а также капитала, образуемого из вступных членских взносов в размере 1% с жалованья в месяц. В том же году был утвержден устав "Ссудо-сберегательной и вспомогательной кассы служащих и рабочих на Людиновском и Сукременском заводах и на Мальцевской железной дороге", операции которой те же, что и предыдущей. В 1892—на Сысертских горных заводах Соломирского и наследников Турчанинова открыта Ссудо-сберегательная касса служащих и рабочих. Ее цель—исключительно доставлять возможность делать сбережения и пользоваться ссудами. С тою же целью в 1896 г. утвержден устав "Ссудо-сберегательной кассы для рабочих и служащих на Сормовских заводах" (акционерного общества "Сормово"). В 1884 г. утвержден устав частной ссудной кассы служащих на "Пржисухских горных заводах, Радомской губернии". Капитал кассы образуется: а) из обязательных ежемесячных членских взносов от 25 коп. до 10 руб., кои возвращаются только при оставлении службы на заводах, из добровольных вкладов не более 120 рублей от одного члена, кои возвращаются по требованию вкладчика во всякое время, из 6% поступлений за выданные ссуды и из процентов капиталов кассы, и б) из пени, не более ½% в месяц за просрочку ссуд, из части прибыли по взносам и вкладам и из случайных доходов. Ссуды выдаются без поручителей в размере двух месячного содержания заемщика, а при поручителях и в большем размере. Пособия выдаются наиболее нуждающимся членам или их семействам по постановлению общего собрания. Прибыли или убытки от операционной кассы разверстываются между членами пропорционально капиталу и времени обращения капитала каждого. Общий надзор за кассою принадлежит почему-то уездному начальнику. Одновременно был утвержден совершенно сходный устав частной "Ссудной кассы служащих в обществе Староховицких горных заводов" (Радомской губернии). В 1894 г. был утвержден устав "Общества взаимной помощи штейгеров Южной России". Это общество выдает пособия и ссуды членам и их семействам, содействует в приискании занятий безработным, и оказывает помощь и попечение сиротам умерших членов. Кроме членов—штейгеров, делающих взносы единовременно 10 рублей и ежегодно 25—10 рублей, в обществе участвуют члены соревнователи, которые вносят ежегодно не менее 10 руб. или единовременно 100 рублей, и почетные члены, сделавшие обществу значительные пожертвования. Капитал общества составляется также из сбора с посторонних лиц за рекомендации штейгеров, из пожертвований и доходов от спектаклей. Членами могут быть совершеннолетние русские подданные штейгера без различия национальностей. Отдельная ссуда не свыше 100 рублей.

V.

Первые вспомогательные кассы для рабочих и служащих железных дорог возникли в конце 50-х годов, в мастерских Николаевской и Варшаво-Венской ж. д. (1858 г.). До середины 80-х годов их деятельность не получила широкого развития, хотя частные железнодорожные компании уже извлекали колоссальные доходы. Только 30 мая 1888 г. был издан закон, обязывавший все русские частные железные дороги устраивать для служащих и рабочих кассы, с тем, чтобы их уставы были утверждаемы министерством путей сообщения. Кассы эти двух родов: пенсионные и сберегательно-вспомогательные.

В пенсионной кассе обязательными участниками состоят служащие и постоянные рабочие, остальные добровольно. Средства кассы разнообразны: от взносов рабочих и штрафов с них до пособий управлений и правительства включительно. Пенсии (обыкновенные и усиленные) и единовременные пособия назначаются лишь по прекращении участия в кассе, независимо от пенсий и пособий, назначаемых на основании общих законов.

Заведывание делами кассы возлагается на пенсионный комитет, состоящий при Управлении железных дорог, а также местные комитеты при управлении отдельных дорог. Расходы на содержание кассы относятся на счет казны. В 1899 г. пенсионная касса служащих на казенных железных дорогах приняла на себя также операцию страхования жизни служащих [1]).

Что же касается сберегательно-вспомогательных касс, то они привились на частных железных дорогах и имели целью обеспечить выдачу денежных пособий служащим и семействам умерших на службе. Капитал касс составлялся из взносов служащих, взносов дорого-управлений и "особо-вспомогательного фонда", образуемого из штрафных, процентов на капитал фонда, прибыли по операциям и пр. Член кассы, оставляющий службу, получает единовременно весь капитал, значащийся на его счету по сберегательному фонду. Члену, получающему увечье или находящемуся в тяжкой болезни, лишающей его возможности обходиться без посторонней помощи, независимо от перечисленных выдач, назначается пособие из особого вспомогательного фонда. Кассою заведует комитет под председательством управляющего дорогою и восьми членов, из которых только четверо избираются членами кассы. Таким образом, представители заинтересованной массы оказываются в комитете в меньшинстве.

Единой политики в вопросе об учреждении касс не было. В то время, как на одних дорогах были признаны необходимыми пенсионные кассы, на других—сберегательно-вспомогательные.

Общее число участников всех железнодорожных касс в 1910 году было свыше 330 тысяч человек, в том числе около 250 тысяч на казенных дорогах. Само собою понятно, что все эти организации формально стояли в стороне от движения 1905-6 годов, когда весь железнодорожный пролетариат впервые об'единил полу-профессиональный, полу-политический "Всероссийский Железнодорожный Союз". Последний в ту эпоху сыграл исключительную роль и руководил всеобщими забастовками 1905 года.

VI.

Среди фабрично-заводских рабочих на частных предприятиях кассы взаимопомощи получили распространение задолго до обществ взаимопомощи. Кассы эти организовывались следующим образом: доходы их составлялись из штрафных денег, обязательных взносов рабочих в размере 1—3% заработка, принудительно вычитавшихся из платы, и взносов предпринимателей в размере 30—50% общей суммы взносов рабочих. Нередко взносы предпринимателей падали еще ниже или отсутствовали вовсе. На средства касс рабочие получали медицинскую помощь, лекарства, денежные пособия, иногда пособие на похороны. Кассами управляла администрация фабрик. Такого рода кассы получили впервые широкое распространение опять таки не во внутренних губерниях, а в более передовых окраинах, как Царство Польское и Прибалтийский край. Когда в 1891 г. был введен, наконец, в действие закон 3 июня 1886 г., запрещавший вычеты из заработной платы на медицинскую помощь, фабричная инспекция закрыла эти кассы. Но скоро обнаружилась бессмыслица этой меры и желательность восстановления касс. Был выработан нормальный устав кассы, сделавший ее обязательной для всех фабрик Вар-

[1]) По отчету за 1904 год по всем родам страхования заключено 5.336 страхований на сумму 3.311.648 руб., причем средняя застрахованная сумма на один полис равнялась 876 руб.

шавской губернии с числом рабочих не менее 50. Устав этот предоставил право владельцам фабрично-заводских предприятий удерживать из заработка рабочих их взносы, но каждый раз в размере не более 1%; к этим средствам были присоединены штрафной капитал и добровольные взносы фабрикантов. Из средств кассы выдаются пособия: 1) больным рабочим в течение не более 6 месяцев в размере ½ среднего поденного их заработка; 2) беременным работницам в таком же размере в течение 2 недель до и 2—после родов; 3) семьям умерших членов кассы на погребение в размере 20 кратного среднего поденного заработка и 4) единовременное пособие при несчастных случаях, которые дают право на пособие из штрафного капитала. В Петроковской губернии кассы были не обязательны и вычеты могли производиться лишь из заработка тех рабочих, которые выразят на это свое согласие. Заведывание кассами, согласно этому уставу, находится в руках фабрично-заводской администрации, что обычно ведет, в случае банкротства предприятия, к потере рабочими накопленных в кассе средств, как это случилось, напр., при банкротстве акционерного общества сахарного завода "Леонов" в Варшаве. Довольно широкое распространение получили фабр.-заводские кассы в Виленском фабричном округе, в губ. Гродненской и Ковенской, так как здесь уже имелись исторический навык и многолетние традиции. Так, на шерстяной мануфактуре барона Захерта в Супрасле такая касса была основана еще в 1835 году, на мануф. Аунерта и Аивта в 1837 г., на шерстяной мануф. Бухгольца в 1847 г. и т. д.

В собственно-русских губерниях кассы помощи рабочим почти отсутствовали. Лишь на некоторых фабриках учреждены были специальные вспомогательные и пенсионные фонды, составлявшиеся главным образом из штрафных денег.

Все перечисленные типы касс помощи никогда не покоились у нас на прочном фундаменте. Существенным недостатком их являлось то обстоятельство, что с расторжением договора найма прекращается участие рабочего в кассе. Отсюда понятно, что чем больше выгод приносит рабочему касса и чем больше дорожит ею рабочий, тем предупредительней вынужден он относиться ко всем требованиям предпринимателя из боязни расчета, тем затруднительнее стачки, так как, в случае стачки, средства кассы поступают в собственность фабриканта.

В некоторых местах из этих касс помощи возникали автономные "кассы взаимопомощи рабочих". Последние кассы эмансипировались от фабрично-заводской администрации и управление ими перешло в руки самих рабочих. Впрочем, в большинстве случаев организация касс и обществ взаимопомощи рабочих шла вне зависимости от деятельности правительственных фабрично-заводских касс.

Вообще автономные общества взаимопомощи фабрично-заводского пролетариата не получили у нас широкого распространения. Старейшие общества в собственно-русских губерниях существуют с 1861 года при некоторых значительных казенных заведениях, например, на Монетном дворе, Экспедиции заготовл. государств. бумаг. Эти общества более похожи на казенные кассы помощи, чем на рабочие организации: управление средствами касс находится в руках заводской администрации, и лишь пособия выдаются с согласия выборных от рабочих. Общества взаимопомощи в собственном смысле слова появляются, но очень редко, среди фабрично-заводских рабочих лишь с расцветом крупной промышленности в 90 годах [1]). В этот период обращает на себя внимание единственно солидное и притом действительное рабочее общество взаимопомощи, которое и впоследствии, при начале профессионального движения, играет видную роль. Это известное "Харьковское общество взаимопомощи рабочих механических заводов". Устав этого общества, по тому времени, являлся образцовым, так как устранял непосредственное вмешательство полицейской власти в управление делами общества и не содержал в себе каких либо запрещений касательно удовлетворения насущных нужд рабочего класса. С первых же шагов немногочисленный состав идейных работников, задавшихся целью создать широкую рабочую организацию, испытывает целый ряд гонений от губернской администрации

[1]) До 90-х годов было основано, кажется, только одно, а именно: „Общество вспомоществования мастеровым и рабочим при Тульском патронном заводе" (1885 г.).

и жандармов. С другой стороны, из среды партийных товарищей выдвигались обвинения в "трэд-юнионизме", в желании разменять рабочее движение на мелочи и проч. Вполне понятно, что с расширением состава общества стало трудно достигать единомыслия по разным вопросам. Значительная часть членов общества входила в него с определенной целью застраховать себя на случай болезни, безработицы, инвалидности и для получения пособий семьей в случае смерти рабочего. С той поры, как общество стало аккуратно платить ежемесячные выдачи (около 12 руб. в месяц) вдовам и сиротам умерших членов, среди рабочих все более и более возрос интерес к новому обществу, и нередко жены рабочих побуждали своих мужей вступать в организацию. Во многих случаях, когда руководители общества пытались углубить его деятельность, они встречали отпор со стороны других участников, опасавшихся, как бы не закрыли общества. Отсюда, со стороны этих членов общества стремление выдвинуть в состав правления мертвых, но солидных людей—цеховых мастеров, бригадиров и проч. Так возникло внутри общества деление на правую и левую, на передовых и отсталых. В последние годы организация выработала вполне прогрессивный руководящий аппарат; хотя иногда и возникали некоторые трения с партийными социалистическими группами, в общем движение рабочих не потеряло цельности: сеть различных учреждений поддерживала постоянную связь между всеми течениями [1]).

Почти одновременно в Харькове образовалось несколько конспиративных профессиональных касс: наборщиков, портных и пр.; даже была попытка издавать нелегальный орган под названием "Листка рабочих касс" этого дела. Общество механических рабочих не осталось одиноким; образовались общества взаимопомощи: портных, табачников, строительных рабочих.

В 1904 г. в харьковском обществе было 1.300 членов, из которых около 900 работали на харьковских механических заводах, остальные жили в других городах. К этому времени общество уже сформировалось в прочную организацию и выдвинуло из своей среды умелых руководителей, которые развили деятельность общества не только в области взаимопомощи в узком смысле, но и приняли на себя задачу бороться за улучшение условий труда. Признание необходимости развития профессионального движения побудило общество [2]) взять на себя почин первого с'езда профессиональных союзов.

Но все же харьковское общество представляет собою почти единственное исключение: остальное рабочее движение шло по иному руслу. Общества взаимопомощи менее всего привились среди фабрично-заводских рабочих, занятых упорною борьбою с развивавшимся капитализмом.

Общая неорганизованность статистики труда в России не позволяет привести достаточно полные статистические данные: имеется только небольшая, наводящая на грустные размышления, сводка статистических сведений о фабрично-заводских ссудо-сберегательных товариществах, устроенных Особым Комитетом. Последний кроме промышленности об'единял организации и в области сельского хозяйства. За первое тридцатилетие существования товариществ (1871-1901 г.г.) их было открыто всего 47, закрыто 15 и осталось к 1902 году лишь 32, причем во всех этих товариществах в их лучшие дни число членов достигало 300. Что касается общей сводки всех видов обществ помощи и взаимопомощи, то единственная имеющаяся таблица касается только 1896 года [3])—ею зарегистрировано 195 касс.

---

[1]) Вторая конференция профессиональных союзов и пр. (Спб. 1906 г.), стр. 59 и след.

[2]) В 1905 г. в обществе было 1.246 членов, внесших 488 р. 50 к. единовременных и 12.946 р. ежемесячных членских взносов. Капитал общества равнялся 32 т. рублей. Было выдано: возвратных пособий 2.181 р. 33 к., безвозвратных: больным—1.767 р., постоянным пенсионерам—1.592 р., безработным—812 р., на погребение—235 р., остальных видов пособия—196 руб.

[3]) Труды высочайше утвержденного всероссийского торгово-промышленного с'езда 1896 г. в Новгороде, том III, вып. V (Спб. 1897 г.). Доклад Г. В. Тигранова, стр. 374—375.

VII.

Среди различных касс взаимопомощи ремесленников могут быть упомянуты кассы ювелиров, часовщиков и наборщиков. Последние имели наибольшее число касс, между ними вспомогательные, пенсионные, похоронные. Общей сводки их нет, хотя некоторые кассы имеют в своем составе образованных и богатых предпринимателей. Первый с'езд профессиональных союзов рабочих печатного дела весною 1907 года пытался установить общее число касс взаимопомощи. По собранным к с'езду данным кассы имелись в 25 пунктах и владели к началу 1907 года капиталом в общей сложности в 327,500 рублей. Из них значительная часть (180.000 р.) приходилась на долю касс в столицах. Сведения о составе указывают также на его пестроту: помимо рабочих, в кассах принимали участие управляющие, доверенные, а иногда и хозяева.

Из выше изложенных сведений видно, что организации взаимопомощи ничего стройного и цельного собою не представляли. За отсутствием в них самодеятельности рабочих и в виду наличности правительственной опеки, все эти учреждения— растения тепличной культуры. И трудно определить, что больше помогало развитию рабочих—мелкие ли подпольные социалистические кружки, преследуемые и разоряемые, или открытые, на вид широкие, но вялые легальные организации, в большинстве руководимые или предпринимателями, или чиновниками. Во всяком случае идея взаимопомощи не нашла сколько-нибудь яркого выражения в рабочем движении. Отсюда и крайне слабое развитие функций взаимопомощи в последующем профессиональном движении, хотя уставы всех союзов предусматривают эту сторону деятельности.

На это указывает и легкость изживания значения касс и обществ взаимопомощи. А именно,—с возникновением чисто профессионального движения началось и превращение организаций взаимопомощи в боевые союзы. Например, Московское общество взаимопомощи "обществ коммерческих служащих" признало (октябрь 1906 г.) желательным превратиться в профессиональный союз [1]). В некоторых местах это превращение произошло не без борьбы с правлениями старых организаций, во многих случаях не чисто пролетарских по составу. В 1906-1907 году в некоторых профессиях, параллельно с новыми союзами, еще держались и старые кассы. Таково, напр., положение дела в золото-серебряном производстве в Петербурге, где имелись и профессиональная организация и касса взаимопомощи. То же мы видим и в печатном деле, в котором, несмотря на развитие боевых союзов, сохранились и кассы взаимопомощи, причем последние часто располагали значительными средствами, превышающими средства союзов: в то время, когда 71 союз рабочих печатного дела владел 61.609 руб. у 25 касс взаимопомощи имелось 327.500 руб.

По вопросу об отношении союзов к кассам, который подымался во многих местностях, характерные сведения сообщаются в протоколах первой конференции печатников. Здесь мы находим указания на две тактики. Часть союзов случайно или умышленно совершенно бойкотировала эти кассы и фактически оказалась от них совершенно отрезанной,—это можно наблюдать в Москве и в Петербурге; в других городах, наоборот, союзы сближались со старыми обществами; при этом, однако, союз не только не понижал своего духа, но заражал им общества взаимопомощи; члены союза, состоящие членами кассы, вели свою политику, склоняли на свою сторону большинство голосов и, в конце-концов, присоединяли кассу со всеми ее капиталами к союзу. Такого рода политика была проведена в Нижнем, в Одессе (в последней по отношению к федорскому обществу взаимопомощи), в Самаре. Старое общество взаимопомощи приказчиков в Ялте в 1906 г. единогласно постановило превратиться в профессиональный союз; собрание союза считало, что тем самым оно только воспользовалось новыми правами (по закону 4 марта 1906

---

[1]) См. „Жизнь приказчика", № 2 (декабрь 1906 г.).

года), которых не содержал старый устав; это преобразование было утверждено губернскими властями.

В годы подавления профессионального движения вопрос о кассах всплыл с новою силою [1]). Некоторые профессиональные союзы мечтали или открыть при своих организациях кассы взаимопомощи или прямо превратиться в таковые.

Остается рассмотреть еще одну группу пролетариата, которая всегда находилась в особых условиях; материально более обеспеченная, она за это платила умалением своих политических и культурных прав. Это рабочие казенных ведомств и учреждений. Казенные учреждения также создали ряд касс для своих рабочих и служащих, одна из старейших касс—касса Экспедиции заготовления государственных бумаг. Расходы по содержанию кассы целиком относились на счет Экспедиции. По данным за 1905 год состояло членов 3,945, поступило членских вычетов 209,592 руб., приплат Экспедиции 106,050 руб., ссуд выдано на 175,703 руб., капитал кассы равнялся 1484798 руб.

В том же духе: Пенсионная касса вольнонаемных служащих по казенной продаже питей (с марта 1900 г). Касса во всех главных своих основаниях сходна с предыдущей. По отчету 1903 г. состояло 50 тыс. членов, поступило членских вычетов 1071000 руб., разного рода прочих сумм 466036 руб., приплат казны 535500 руб. Более молодая Сберегательно-вспомогательная касса работающих и служащих по вольному найму в местных учреждениях Морского ведомства действовала по уставу 27 января 1903 г. вплоть до 1918 года. Членские вычеты с 28 тыс. членов производились в размере 6% с 1500 руб. Морское ведомство приплачивало сумму, равную половине итога членских вычетов. Сберегательный капитал составлялся из членских вычетов и доходов от сберегательного капитала, а вспомогательный капитал—из приплаты морского ведомства, доходов от вспомогательного капитала и случайных поступлений. При С.-Петербургском Монетном Дворе возникла вспомогательная ссудо-сберегательная касса, учрежденная на началах "Положения 8 марта 1861 года о горнозаводском населении казенных горных заводов" и во многом сходная с вышеописанными кассами горнозаводских товариществ. Капитал этой кассы составляли: 3% вычеты из заработка рабочих и взносы Монетного Двора в сумме, равной итогу этих вычетов, а также и другие источники. Касса по числу членов и по оборотам не приняла широких размеров.

Заслуживают внимания следующие три кассы быв. ведомства Торгового Мореплавания: Рижская касса для моряков (1872 г) выдавала пенсии и пособия при болезни, увечьях, неспособности к морской службе и по старости; Сберегательно-вспомогательная касса служащих в Добровольном флоте (1896 г.)—в 1903 г. число участников 1368; размер взносов участников 10% с жалованья и 1% с наградных; Сберегательно-вспомогательная касса для служащих в Русском Обществе Пароходства и Торговли (1892 г.)—в 1903 году числилось участников 4229; фондов около $1\frac{1}{4}$ милл. руб.

Вообще о кассах для рабочих частных промышленных предприятий имеются только отрывочные, случайные сведения. В этих кассах собирались деньги из добровольных взносов. Наиболее простыми по своей технике являются ссудо-сберегательные кассы; капитал их составлялся из ежемесячных вычетов из заработной платы рабочих от 1% до 6% и единовременных, периодических или тоже ежемесячных взносов владельцев предприятий в различных размерах; выдачи представляют собою либо возврат рабочим их вкладов, либо ссуду за известный процент на определенных условиях. Таких касс насчитывалось в 1905 году 32; старейшие из них открыты: на Красильно-отделочной и механическо-ткацкой фабрике Армапда в Московской губернии и уезде в 1870 году, на свекло-сахарном заводе Акционерного Общества Орышева в Варшавской губернии в 1874 году и

[1]) Статьи и данные о кассах взаимопомощи можно найти во многих органах рабочей прессы. См. „Рабочий по металлу" за 1907 г. №№ 5, 8—11, 19, 24; „Кузнец" за 1907 г., №№ 3—4, 5—6; „Вестник рабочих по обработке металла" за 1907 г., № 2; „Единство", № 3—5, 11.

на Чугунолитейном и механическом заводе Сан-Галли в С.-Петербургской губернии в 1879 г.; затем открыты в течение 80-х годов—5 касс, 90-х годов—8 касс, время открытия остальных неизвестно.

К сравнительно простым по организации и деятельности кассам для рабочих относятся и сберегательно-вспомогательные кассы, которые образуют свои средства таким же образом, как и предшествовавшая категория касс, т. е. из вычетов с членов и взносов владельцев. Операции же этих касс были несколько сложнее, а именно, вклады каждого члена кассы, составляя его собственность, приращаются процентами и возвращаются ему по его требованию, взносы же владельцев идут на вспомоществование участникам кассы и членам их семейств в виде денежных пособий временного характера. Число этих касс простирается до 19, за исключением вышеописанных железнодорожных касс.

Следующая группа касс производит одновременно операции касс обоих предшествовавших групп, и кассы эти, соответственно сему, именуются ссудо-сберегательно-вспомогательные. Этих касс к 1905 г. было только 15, они тоже относятся к типу новейших, так как, за исключением кассы Благовещенского горного завода в Уфимской губернии, открытой в 1868 г., и кассы Рыбинского ремесленно-промышленного попечительства, открытой в Ярославской губернии в 1884 году, все прочие возникли в десятилетие 1895—1905 г. Из них наиболее крупными считаются открытая в 1896 году касса Акционерного Общества Сормовских заводов Нижегородской губернии, возникшая в 1898 году, касса Торгово-Промышленного Товарищества Алафузовских фабрик и заводов С.-Петербургской губернии и начавшая функционировать в 1896 году касса на Людиновском и Сукременском горных заводах и Мальцовской узкоколейной железной дороге Калужской губернии.

Наконец, самую обширную по численности группу образуют кассы чисто вспомогательного характера: они именуются разно: то больничными, то братскими, то похоронными, хотя обыкновенно исполняют функции самые разнообразные. Их насчитывалось в 1905 году—77. Главною целью этих касс служило оказание помощи денежными пособиями участникам, которые перестали получать заработную плату по болезни, на погребение самих участников или членов их семейств, в случаях чрезвычайной нужды членов или их семьи, и помощи в виде бесплатного лечения и дарового отпуска лекарств рабочим и их семействам. Во всех этих кассах состояло около 3000 рабочих, фонды их были незначительны. Организация их самая разнообразная: в одних—делами кассы заведывали единолично владельцы заводов и промыслов (напр., заводы "Пашкин", "Александр" в Петроковской губернии), в других—Правления, в состав коих входят и представители от рабочих (заводы "Бекер и К°" в Либаве, Галмейные рудники Франко-Русского Общества в Келецкой губернии); одни кассы имели утвержденные уставы, другие действовали по правилам, составленным хозяевами по соглашению с рабочими.

Особо должны быть упомянуты рабочие кассы Финляндии. Они разделяются на 1) фабричные, которые занимают первое место среди прочих по числу членов, размерам капиталов и выдаваемым пособиям; 2) ремесленные, предназначенные для рабочих одного определенного ремесла (типографов, подмастерьев столярных дел, кожевенных дел и проч.), или для обществ ремесленников, и 3) кассы мастеровых, которые принимают в число членов людей без различия мастерства и учреждаются обществом мастеровых. По роду оказываемого вспомоществования кассы Финляндии подразделяются на больнично-похоронные, больнично-похоронно-пенсионные (числом 41) и чисто пенсионные (числом 27). Финляндские кассы возникли давно. По сведениям 1889 г. кассы распределялись таким образом: до 1700 года образовались 2; в 1700—1799 г.г.—11; в 1800—1859 г.г.—9; в 1860—1869 г.г.—16; в 1870—1879 гг.—29; в 1880—1889 гг.—60 (всего 127). С тех пор число финляндских касс из года в год возрастало.

VIII.

Особую группу рабочих об'единений занимают ссудо-сберегательные кассы и товарищества. По отчетам за 1905 год существовало 965 ссудо-сберегательных товариществ и касс с 387000 участниками. Эти кредитные товарищества образуются на средства участников, усиливаемые вкладами и займами, заключаемыми на общем основании. В состав товариществ входят не все жители данной местности, а лишь признанные заслуживающими доверия. Члены принимают на себя круговую ответственность на случай несостоятельности товариществ.

Кроме этих кооперативных учреждений имеются также сословные, капиталы коих составляются из сумм, принадлежащих сельскому обществу, их группе или целой волости. Таких учреждений насчитывается: мирских капиталов 1882; сберегательно-вспомогательных касс 2931; касс Башкирских 110 и Киргизских 4; сельских банков крестьян бывш. удельного ведомства 172; гминных касс 1319; сельских банков, действующих по положению 1883 г., 582; союзов товариществ—3. В общем число этих учреждений простирается до 8000.

На ряду с этими учреждениями необходимо поставить также потребительские общества, в которых принимали участие рабочие. По данным 1898 года числилось 307 обществ, из них 91 на фабриках и заводах, 25 при железных дорогах, 56 при сельских учреждениях: со смешанным составом было 99 обществ. Всего на 1 января 1905 года было 996 обществ с 300000 участниками, из которых половина состояла из фабрично-заводских и железнодорожных рабочих. Из 100 обществ, о которых имеются точные сведения, в 39 преобладали фабричные и мастеровые. Из 55294 членов этих 100 обществ почти 20000 рабочих.

Таким образом перед нами следующая общая схема касс, обществ и товариществ: 1) взаимопомощи, 2) ссудо-сберегательные, 3) сберегательно-вспомогательные, 4) потребительские. Они подготовили и взрыхлили рабочую среду к проникновению в нее идей организационной кристаллизации, профессиональной сплоченности и солидарности и явились таким образом предтечами нашего профессионального движения.

В. В. Святловский.

———

К истории ремесленного труда в древней Руси (10—15 в.в.).

Физико-географическое положение страны безусловно имеет большое значение для хозяйственного строя данного народа. Климатические условия района, в границах которого развивалась и протекала жизнь древней Руси, надо признать весьма неблагоприятными. Характер почвы не мог содействовать широкому развитию земледелия, а отсутствие минеральных богатств дополняет эту безотрадную картину. Зато судоходность и местоположение речных систем, "великие водные пути", должны были способствовать развитию широких торговых сношений, которые кроме чисто экономического интереса имели еще и другое не менее важное значение, влияя на весь хозяйственный уклад жизни древней Руси. Именно при посредстве купцов проникли на Русь веяния культурного Востока с его литературой, искусством, архитектурой и т. д. Благодаря такому воздействию на Руси зарождается как изготовление изящных драгоценных безделушек, предметов роскоши, так и другие виды ремесла, граничащего с искусством.

Неблагоприятные для земледелия климатические и природные условия вызывали необходимость в производстве не только из расчета на домашнее, изолированное хозяйство, но и на обмен, н а р ы н о к, ибо далеко не каждое хозяйство могло производить все, ему необходимое. И вот, летописи передают поучение, датируемое 980-м г. [1], которое в главе "о добрых женах рече" говорит, что каждая хозяйка, "о б р е т а я" волну и лен, "сотворит благопотребная р о у к а м и с в о и м а" и уподобится кораблю "куплю деющи", издалека соберет себе богатство. Предметы, сработанные самой "доброй женой" или ее рабынями, нет надобности отправлять для продажи и обмена в другие страны, так как потребность в них, повидимому, так велика, что они легко сбываются у крыльца дома. Ремесло, по поучению, поощряется, следовательно, не только в целях удовлетворения потребностей данной хозяйственной единицы,—оно является также способом обогащения.

Есть еще другое подобное же известие: "И роуками своими делахоуть дело, ово ли копытце плетоуща и клобоукы, и и н а р о у ч ь н а я д е л а строяще, и тако носяще в град, продояху, и тем жито коупяхоу" [2]. В этом сообщении уже определенно указывается на производство с целью сбыта на рынок.

Уже 10-й век, век начала исторической жизни древней Руси, поощряет не только то ремесленное производство, продукты которого пригодны для повседневных потребностей, но также и те виды ремесла, которые удовлетворяли эстетические требования населения, вернее его верхушек. Так, под 986 г. [3] летопись сообщает, что Иеремей, имевший высокий духовный сан, поощрял "всяк путь художества". Развитие ремесленного производства в отношении как предметов первой необходи-

---

[1]) Летопись по Лаврентьевскому списку (изд. 3-ье). Поучение это исходит от царя Соломона. Летописец, упрекая кн. Владимира в том, что он не смог противостоять женской «прелести» и имел много жен и наложниц, приводит в пример Соломона, который вел такой же образ жизни, но в конце концов пришел к «поучению», которое находит полное сочувствие у летописца. В виду этого и возможно воспользоваться этим не-русским источником.

[2]) [illegible]

[3]) [illegible]

мости (полотна, тканей и т. д.), так и предметов роскоши и искусств, сулило в будущем возможность обойтись, хотя бы в известной части, без дорого обходившихся закупок этих предметов у других народов; вообще ремесло и ремесленника было выгодно охранять от каких либо посягательств и под 1078 г. [1]) в одном из поучений указывалось, что лишить ремесленника [2]) его "мзды" столь же преступно, как прелюбодействовать, лжесвидетельствовать и т. д. Ремесленники-художники, работавшие по золоту, украшавшие церкви, писавшие святых и т. д., пользовались особенным почетом, главным образом в среде духовенства. И это понятно. Церковь, хорошо построенная, покрытая золотом, с иконами, усыпанными жемчугом, с переливающими разными цветами камнями, со "всякими узорочьями", такая церковь своим великолепием и блеском не могла не восхищать религиозно настроенного древне-русского человека: "чюдотворная Мати Божия", была столь богато украшена, что "вси крпстьяне с страхом приришюще и с верою исцеления приимают" [3]).

Постепенно ремесла захватывают все большие слои населения, ремеслом заинтересованы, о нем говорят: "Всяко художество... жижительское (строительное) и кузньчское, тькальчьское, и каменьное сечение" должны восприниматься глубоко, а не поверхностно [4]), ремесленник должен оттыскивать новые пути творчества. Рассказ о постройке кн. Данилом в 1259 г. города Холма [5]) ярко рисует значение ремесла и отношение к нему современников. Построив город, князь начинает призывать немцев и русских; дни и ночи тянутся к новому городу вереницы ремесленников; идут "мастеры всяци", и бежавшие из татарского плена, и ляхи, и немцы и др.; идут "лучницы, и тулницы, и кузнеце железу и медь и сребру";— "и бе жизнь, и наполниша дворы окрест града, поле и села", восклицает летописец; город начинает свою деятельность: производит, потребляет, покупает, продает.

Предполагая рассмотреть разнообразные ремесла древней Руси, уделить, в частности, место вопросам структуры и внутренней организации различных ремесленников, мы прежде всего остановимся на деревообделочной промышленности, развитию которой способствовала как-бы сама природа, снабдив древнюю Русь обилием необходимого материала. Территория древней Руси издавна была покрыта богатой лесной растительностью. Непроходимые подчас лесные дебри служили естественными границами различных племен [6]),—письменные источники не оставляют сомнений, что часто леса тянулись сплошной полосой там, где от них теперь не осталось и следа.

I. «Древоделы».

В более древние времена наиболее необходимые предметы домашнего обихода должны были производиться в каждом хозяйстве, ибо при отсутствии рынков и товарообменных операций их не откуда было достать. Летописные известия лишь мимоходом упоминают о производстве этих предметов. Так, один русс велел в 997 г. в своих владениях "ископати колодезь и вставити тамо кадь, и нальять цежа кадь" [7])—кадь делалась из досок, скрепленных рядом обручей. Более поздние известия о выделывании кадей и бочек отмечают и сравнительно большую сложность их изготовления: если кадь 10 века не знала гвоздей, то бочки и деревянные ведра 12 и 13 в.в. делаются уже со втулками, железными обручами и т. д. [8]). В большом

[1]) Летопись по Ипатьевскому списку, стр. 118—119 (изд. 1876 г.).
[2]) В тексте — «наимьник», об'единяющий как наемного рабочего, так и ремесленника.
[3]) Лаврентьевская летопись 1175 г., стр. 348.
[4]) Сборник житий XIII в.; И. И. Срезневский, Древние памятники русского письма и языка (1866 г.).
[5]) Ипатьевская летопись, 6767 г.
[6]) Довнар-Запольский. История русского народного хозяйства, гл. II-ая (1911 г. М.).
[7]) Повесть временных лет. 6505 г.
[8]) Новгородская I-ая летопись, 6712 г.

количестве выделывались скамьи, столы и даже шкафы (11 в.) с замками—"и положи в своем армарии" (шкафу) или "даст ключ от армара" [1]). Подобные предметы считались необходимыми в каждом хозяйстве, и возможно поэтому предположить, что Псковская судная грамота [2]) в статье о правах наследников на имущество умершего изорника, вызывающей различные толкования, постановляет, что лукошки и кадки, как домашняя утварь, принадлежат землевладельцу, а наследники покойного имеют право лишь на благоприобретенное, например, на корову, коня, которые землевладелец не дал изорнику в момент заключения с ним договора о поселении на его земле. Наряду с выделыванием предметов первой необходимости с ранних времен производились также работы по дереву с целью удовлетворения требований в предметах роскоши. Археологические раскопки дают в этом отношении много материала [3]). Большое количество найденных топориков, палок и т. д. с золотыми и серебряными украшениями говорит о расчете на богатых покупателей. В одном из известий 12 в. отмечается, что простое "древо бесценно есть", если оно оковано золотом и серебром, да к тому же с драгоценными камнями и жемчугом [4]). Летопись под 1260 г. указывает способ обработки дерева, предназначенного для этих целей [5]).

В условиях 11-12 в.в. купцы пользовались преимущественно водным путем; это вызывало необходимость в значительном количестве разнообразных судов и лодок, для чего требовались рабочие самых различных специальностей; "не сталится корабль без гвоздии", весла надо тщательно обтесывать, делать уключины и т. д. [6]). Создается специальность—кораблестроительство, а плотник, занимающийся подобными работами, начинает носить именование "корабльчий". Кораблестроение—это одно из важнейших разветвлений плотнического ремесла, "корабльчий"—квалифицированный специалист: постройка судов, выделка весел и др. частей, особенно подводных, требовала знаний далеко не одного только деревообделочного ремесла. Суда и лодки самого различного калибра и типа [7]), выделываемые на Руси с древнейших времен, служили не только торговым, но также и военным целям. В Византийских походах участвовало по несколько тысяч лодок и именно русского изделия. Повидимому, нередко и воины, дружинники, учились этому ремеслу, чтобы в случае надобности князь мог увеличить свой флот. Если первое время пошлина с лодьи (с товаром), независимо от ее типа, равнялась пошлине с воза,—"а имати по 2 векши от лодье, и от воза, и от лну, и от хмелна короба" [8]), то впоследствии, в связи с расширением и углублением внутренней торговли и развитием ремесла, а следовательно с количественным увеличением различных типов судов, пошлина взимается уже иначе, так как начинают играть роль материал, размер, прочность судна и т. д.—пошлина с воза равняется одной деньге "а с лодьи со доски по алтыну, а со струга с набои два алтына, а без набои денга" [9]).

Постоянные столкновения с соседями заставляли древнюю Русь обращать усиленное внимание на производство предметов военного снаряжения. Деревянные забрала, дощатые брони изготовлялись в большом количестве [10]), особенно же луки. Мастера, делавшие луки, носили название "лучьника". В 14 в. некоторые из них были известны по именам.

---

1) Патерик Синодальный, стр. 101. Летописи упоминают еще об изделии стульев, кроватей, столов, ушатов, лоханей, блюд и т. д. (Лаврент. лет., стр. 54, 91).

2) Владимирский-Буданов. Хрестоматия. Псковская Судная Грамота ст. 86 (изд. 5-ое).

3) Об этом будет сказано в другом месте.

4) И. И. Срезневский. Древние памятники, стр. 178.

5) Ипатьевская летопись 6768 г.

6) Срезневский. Древние памятники.

7) Напр., ушкуи, лойва, шнеки, галеи и т. д. (Новгородская 1-ая летопись, стр. 9, 42, 64, 69).

8) Собрание госуд. грамот и договоров, т. I, догов. грамота Новгорода с Тверским кн. Ярославом Яросл. от 1265 г.

9) Такогая пошлина встречается во многих междукняжеских договорах 14-15 в.в Собрание госуд. грамот и договоров, ч. 1, № 65 и др.

10) Грамота кн. Влад. Вас. Волынского 1288 г. (Волынская летопись).

Конечно, развитие ремесла зависело от наличия более усовершенствованного орудия производства. Десятый век знает, главным образом, топор („лагир"), нож, секиру. Вскоре появляются мотыки, кирки (лыскари), пилы и др., благодаря которым работа облегчалась, ускорялась. Не всякое дерево годилось для той или иной работы. Оценка материала с точки зрения его пригодности для данного случая была известна древней Руси. Но кроме дерева при постройках необходим был и другой материал, например, гвозди, камень и т. д., а также краски, масло, известь. Разделение труда в ту пору еще не было строго установлено. Плотники же красили и белили при постройке церкви, при чем ими часто, на местах работы, придумывались новые способы обработки того или иного материала. Так, от 11 века имеется известие, что „помысли строитель в семени льнянемь избити масла" [1]. Работа, производившаяся с употреблением материала лучшего качества, отмечалась летописцем, например, „град же елиныю (словый) створен быстъ", „вежа (башня) подездана каменьем, создана же сама древом тесанным" [2].

Сооружение и починка мостов [3], производившиеся в широких размерах, требовали разнородного леса. Псковичи, нанявшие плотников для постройки нового моста, условились, что балки поставляются рабочими, а быки и необходимый дубовый лес, очень ценный,—Псковом [4]. Это известие интересно указанием, что плотники, вернее их артели, имели, повидимому, запасы более ходкого материала. Специальный лес употреблялся, когда нужно было „хоромы ставити" [5]. Для постройки церквей и других зданий часто приходилось привозить лес издалека. Порою количество требуемого материала неправильно исчислялось; так, когда в 1417 г. новгородцы выстроили церковь св. Анастасьи, то из остатков оказалось возможным выстроить еще одну церковь—„в остаточных бревнах поставиша церковь св. Илию" [6]; но бывало, что в самый разгар работ обнаруживалась надобность еще в каком либо не предусмотренном материале: одно летописное сообщение передает эпизод, когда была упущена из виду необходимость смолы при постройке здания [7].

При наличии воинственных соседей население нуждалось в защите. С этой целью создавался город, т. е. строилась ограда военно-оборонительного характера, за которой каждое хозяйство могло более менее безопасно заниматься своим делом. Постройка города-укрепления являлась делом самих жителей и первоначально, всего вероятнее, работы производились именно ими. Но постепенно картина меняется. Город разрастается, к нему тянутся села, дворы и т. д., процветание его ставится в зависимость от удобств его местонахождения, как рынка, т. е. места сбыта предметов производства. Первенствующая роль в производстве и торговле принадлежит князю: он прежде всего крупный хозяин; на этом держится и его политическое могущество. И поэтому постройка городов переходит в руки князя и более богатых слоев населения. Мелкий производитель живет за городской оградой, в селах и деревнях. Плотники, каменщики и др. ремесленники строят город уже не как участники общественного дела; они—рабочие, получающие за свой труд определенную плату.

Новгород выделяется среди других торговых и промышленных центров частой постройкой городов на территории своей области. Известно, что новгородцев в насмешку называли плотниками, в самом городе был плотнический конец, а это указывает на то, что значительная часть населения Новгорода занималась плотничеством. Обыкновенно город выстраивался очень быстро. Об'ясняется это тем, что первоначально город имел вид огороженного участка с местом для производства

---

1) Жития Федора, игумена Печерского, стр. 21.
2) Ипат. лет., 1254 г., 1259 г.
3) Речь о них ниже.
4) Псковская I летопись, 6943 г.
5) Правая грамота Кириллову монастырю, 1490 г. (Акты юридические, № 6[illegible]).
6) Новгородская I летопись, 6925 г.
7) И. И. Срезневский. Материалы для словаря древне-русского языка, т. I, вып. 1-ый, стр. 2[illegible].

торговли и, может быть, с двумя-тремя постройками, остальные же здания выстраивались постепенно, но также довольно быстро. Спешность работ влияла, конечно, на прочность, на качество построек. Так, Псковичи, выстроившие город на р. Опочке. "начаша делати за неделю на Покрове, а сделаше в 2 недели весь" [1]). Такой город не мог рассчитывать на долговечность и летописи дают много указаний, что города быстро приходили в негодность. "Срубиша (построили) город на порогe нов, ветхыи сметавше", говорит летопись под 1303 годом [2]).

Когда ограда построена, понемногу появляются должностные лица, купцы, ремесленники и т. д. Строятся здания: казенные, частные, общественные. Так, в 996 году в толькочто основанном городе прежде всего выстроили "всем болярам гридию сходится всему народу, и всем, и заказникам (советчикам)" [3]). Эта гридня (деревянная) была выстроена в одну неделю. Почти необходимым атрибутом каждого города являлась, как военный наблюдательный пост, "в е ж а"—башня, которая строилась из лучшего материала: "создана же сама древом тесанным" [4]). Вежа заменяла иногда трактир—"винницу" (здание деревянное); последние возникали в городе, в котором жизнь шла уже полным ходом [5]).

Постройка, а также починка городов-крепостей, "костров" [6]), городскими плотниками производилась обычно под руководством или посадника или какого либо члена дружины: "Новгородцы послаша Василия Кузьмина город Орешек починивати и костров" [7]). Такой надсмотр за рабочими обеспечивал, по крайней мере, добросовестное исполнение их. Конечно, постройки нуждались не только в одном лесном материале; железо, мрамор и т. п. употреблялись почти всегда: "камень внутрь прибавиша железо с опре в зводы (своды) великая возлжиша размеривша". Часто города перестраивались, а иногда и переносились на другое место, так что нет ничего удивительного, что рабочие, участвовавшие в 15 в. в одной из построек, "копах и обретох здание, а под ним мрамор" [8]).

Много внимания уделялось работам по благоустройству города. Мощение улиц и торговищ было часто обязательным: считалось, что такие работы производятся на благо всех жителей и в их интересах. Инициатива таких работ исходила обыкновенно от князя и посадника. Так, в 1308 г. "Борис посадник замысли помостити торговище", а когда он привел свой план в исполнение "быть всем людям добро" [9]). Известное постановление Русской Правды [10]) об обязательном мощении улиц дополнит сказанное.

Не менее серьезно был поставлен и вопрос о постройке и починке мостов, как весьма важный в военном и торговом отношениях. Летопись приводит под 1014 г. известные слова Владимира [11])—"требите путь и мостите мосты", определенно указывающие, какое значение придавалось этим работам уже в самом начале 11 века. Летописные известия отмечают, что при постройке нового моста старый не разрушали, дабы переправа через реку не прерывалась. Так, "делаше мост в се через Волхов по стороне ветхого" [12]). В 1144 г. кн. Всеволод велел чинить мосты своим полкам [13])—значит и воины должны были знать плотническое дело. Летописные данные говорят о непрочной постройке мостов. Сильный порыв ветра сносил их, как это, напр., случилось в 1338 г. [14]), и тогда приходилось быстро наводить новый.

---

1) Псковская I л., 6922 г. (1414 г.).
2) Новг. I л., 6818 г.; см. также Псков. I л., 6970 г. (1462 г.).
3) Переясл. л., 6504 г.
4) Ипат. л., 1259 г.
5) И. И. Срезневский. Материалы для словаря, ч. I вып. 1.
6) «Костер»—стрельница.
7) Ростовская лет., 6894 г. (1386 г.).
8) Минеи Четьи, Февраль, 270.
9) Псков. I л., 6816 г.
10) Влад.-Буданов. Хрестомати[illegible]. Правда Руська[illegible]. Список Карамзиновский, ст. 134.
11) Лаврентьевская л., 1014 г.
12) Новг. I л., 6652 г. (1144 г.).
13) Лавр. л., 6652 г.
14) Новг. I л., 6846 г. (Академич. список).

Мост, построенный псковичами в 1445 г.[1]), свидетельствует как будто о более прочной работе. Памятники древне-русского законодательства много места уделяют вопросам починки и постройки мостов. Русская Правда, регулируя плату за работу, уделяет внимание и правовому положению плотников[2]). Самый факт, что древне-русское законодательство регулирует вопросы, связанные именно с плотническим ремеслом, конечно, весьма знаменателен, указывая на значение и развитие этого дела. Русская Правда устанавливает также твердую цену на строительный материал[3]), при чем предусматривает случаи, когда плотники нанимались на работу со своим материалом или же материалы доставлял заказчик.

Однако, все разнообразие и искусность деревообделочного ремесла сказались и в этих однотипных работах. Летописец, который в своих повествованиях останавливает внимание на событиях, волновавших все население вообще (напр., война, мятеж, голод, пожар и т. д.), много места уделяет постройке церквей в городах. Весь социально-политический уклад жизни Руси, с подавляющим авторитетом церкви и глубоко-религиозным настроением масс, конечно, способствовал постройке церквей. И именно в этих работах сказалась степень развития плотнического ремесла и искусство русских мастеров—"древоделов". С момента принятия христианства, когда новая вера только начинала прививаться и распространение ее подчас принимало насильственный характер, много забот было уделено внешнему виду и блеску нового культа. Постройка церквей отвечала первоначально не духовным требованиям русского человека, а интересам власти, стремившейся установить христианство. Наиболее раннее известие о постройке церкви относится к 991 году[4]). В княжение св. Владимира была задумана постройка церкви св. Богородицы. Для этого пришлось "послав, приведе мастеры от грек": свои плотники-мастера еще не умели строить церкви, и этим можно об'яснить, что постройка церкви продолжалась пять лет,—русские рабочие, руководимые греческими мастерами, были непривычны к подобного рода постройке. 11-й век дает уже много известий о церковном строительстве. В 1073 г. жители одного города раздумывали, кому поручить это дело, и из своей среды "избраша еже на возграждение (построение) церькве"[5]) — по-видимому, эта постройка была выполнена без участия иноземных мастеров. Подобных известий от 11 в. мы имеем не мало. Одни строители предлагали свои услуги, знания и опытность, другие—новые способы изготовления побочных материалов[6]). Насаждение церквей было, конечно, в интересах духовенства. Большинство строителей, руководивших работами по постройке церквей, были лица духовного звания, митрополиты, епископы, иноки и т. д. Многие из них приехали из Византии, где хорошо ознакомились с культурой Восточной Империи: они знали приемы и новейшие завоевания техники того времени и быстро выдвинулись на постройках. В 11 в. особую известность приобрел митрополит Ефрем, который оставил много памятников своего архитектурного творчества. Здания по планам и под руководством Ефрема строились русскими плотниками. И это тем более ценно, что по утверждению летописца при митр. Ефреме были выстроены такие церковные здания, которых вообще Русь до того не знала. В 1089 г. Ефрем создает[7]) столь "вельми великую" церковь св. Михаила, какой в Переяславской митрополии и не бывало; к ней были приделаны самые различные пристройки, украшенные "всякою красотою, церковными сосуды". Митрополит не ждал окончания начатой постройки и принимался сразу за несколько зданий: в одно лето, кроме постройки названной церкви, Ефрем строит церкви св. Феодора и св. Андрея и создает "строенье баньное (каменное) сего же не бысть прежде в Руси":

---

1) Псков. I л., 1445 г.

2) Русская Правда. Список Синодальный и Академический (Влад.-Буданов, Хрестоматия).

3) См. ниже.

4) Ипатьевская летопись.

5) Изборник, 1073 г.

6) Житие Феодосия Печерского [illegible]

7) Лавр. л., стр. 202.

он же закладывает и город "камянь" и украшает Переяславль многими церковными и прочими зданиями. Такое множество возведенных зданий, по словам летописца, украсивших город, указывает на то, что к тому времени плотническое ремесло получило уже очень широкое распространение. Указанием на умение справляться с плотническими работами может служить следующий пример. В 1160 г.[1]) суздальский князь Андрей выстроил в г. Владимире церковь св. Богородицы, пользуясь русскими рабочими и мастерами, "дивно украси ю", иконами, каменьями и т. д.; старания кн. Андрея не пропали даром и, как сообщает летописец, "приведе ему Бог из всех земель мастеры", которые занялись украшением церкви. Церковь эта продержалась 34 года; в 1194 г., в виду того, что она "опадала старостью и безнарядием", епископ Иван решил ее перестроить; летописец по этому поводу указывает, что молитвами епископа удалось обойтись без иноземных мастеров: "а иже не ища мастеров от немець, но налезе мастеры от клеврет (рабов) св. Богородицы"[2]): одни лили олово, другие покрывали крышу, третьи белили и т. д.

Строительные работы, чем дальше, тем делались сложнее, а их исполнение все более усовершенствовалось. В 1175 г. кн. Андрей выстроил церковь "пречудну вельми", и, что особенно удивляет летописца, "ветрила (архитектурные паруса) золотом устроена настави"[3]).

Церкви часто требовали ремонта. Постройки не отличались особенной прочностью и долговечностью. Бывало, что рушившуюся церковь удавалось обновить, поправив ли верх, починив ли стену[4]), но большей частью о починке не могло быть и речи—приходилось ставить церковь заново. Так, один митрополит "веде церковь стою ветху сущю", призвал старейшину плотнической артели и велел ему ставить новую церковь во имя того же святого, указав место рядом с разрушенной[5]). Летописи дают много примеров, что вновь выстроенные церкви рушились. Построенная[6]) в 1382 г. каменная церковь "за мало дни рассыпася"; в другой раз, через несколько часов после постройки церкви обрушился верх, а на утро "скрушися вся"[7]).

Строительные работы не всегда протекали гладко. При постройке кн. Владимиром в 1115 г. церкви[8]) произошел перерыв из-за недовольства рабочих, которые опасаясь, что им не будет выдана плата в желательном размере, прекратили работы; князь принужден был "метать наволоки, фофудью, бель" и тогда постройку довели до конца[9]). Иногда не хватало материала. Так, один владыка "печалився абы кончати и видите церковь свершену"[10]).

Случалось, что церкви строились частными лицами или общественной группой. Богатому купцу, ведшему крупные дела, было выгодно в торговом отношении показать себя человеком благочестивым, стяжающим Божью милость. Расходы, связанные с постройкой, по сравнению с состоянием какого нибудь гостя-купца, были пустяшны, а значение этому делу придавалось большое. Да и духовенство, в благодарность за постройку церкви, популяризировало расчетливого купца, а может быть, за одно, и его товар. Так, летопись передает, что в 1384 г.[11]) в Торжке была поставлена церковь каменная "во имя св. Спаса Преображения... замышлением богобоязневых

---

[1]) Лавр. лет., стр. 303.
[2]) Там же, стр. 390.
[3]) Ипат. летопись.
[4]) В 1199 г. строительные рабочие заложили под церковью Св. Михаила, на Днепре, каменную стену, о которой «не дръзноуша помыслити» (Хлебная лет., 6707 г.).
[5]) Сказание о Борисе и Глебе.
[6]) Новг. I л., 6890 г.
[7]) Сказ. о Борисе и Глебе.
[8]) Лавр. л., стр. 276.
[9]) Такой же случай произошел при князе Ярославле, когда рабочие прекратили строительные работы, боясь, что им не уплатят: князю пришлось привести целый воз кун и объявить, чтобы каждый брал по ногате, т. е. 35½ коп. сер. (Аристов. Промышленность древней Руси, стр. 282).
[10]) Новг. I л., 6704 г. (1169 г.).
[11]) Новг. I л., 6872 г.

купець Новгородских". Таким же образом была выстроена церковь и во Пскове [1]) В 1407 г. [2]) "Юрий посадник (новгородский) и брат его Яков церковь камену архангела Михаила" поставили. Уставная грамота 14 века [3]) прямо предписывает "больным людем из монастырских сел церковь наряжати".

Особая категория работ исполнялась сообща всеми жителями данной местности: сооружение крепостей, оград, мощение торговищ, ремонт городских святынь (напр., церковь св. Софии в Новгороде) и т. д., которые и подводились под наименование "мирские вешти" [4]). Так, устав Ярослава о мостах, распределяя кому какие улицы чинить (мостить), придает этим работам характер общегородского интереса, а потому благое дело посадника Бориса, замостившего торговище, встретило сочувствие со стороны летописца [5]). Такое же значение имели: постройка "костров", городских стен, детинцев и т. д. [6]). Средства на такие постройки шли из городской казны. Святая София—центр Господина Великого Новгорода—имела такое же значение, как "Кром" для Пскова, и особое внимание обращалось на то, чтобы церкви и ее села не приходили в запустение. В договорах, заключаемых Новгородом с князьями, всегда выделялся этот вопрос, причем князь обязывался "а села святой Софии исправи к святой Софии" [7]). Князья, посылавшие своих куницков для сбора дани, указывали, что кун и других пошлин с сел не брать не надо "опричь городного дела" [8]). Иначе говоря, сельчане освобождались от различных податей, но не от необходимых городских строительных работ—"коли учнут город рубити, им делати их" [9]), и только в особых случаях податное население освобождалось от этой повинности [10]).

Летописные известия 10-12 в.в. в сообщениях о постройках указывают на работу главным образом иноземных мастеров и немцев. О привлечении иностранцев летописи передают стереотипной фразой: "Помысли создати (церковь)... и послав приведе мастеры от грек" [11]). В 1160 г. в постройке церкви принимали участие ремесленники самых различных народностей: "приведе из всех земель мастеры" [12]). Летописное сообщение под 1433 г. указывает, что немецкие мастера работали вместе с новгородскими: "а мастеры делали немецкие из заморья с новгородскими мастеры" [13]). Иностранцы, повидимому, являлись лишь руководителями работ, ибо недостатка на Руси в рабочей силе не было.

Плотники в древней Руси были известны под следующими наименованиями: "строители", "зодчии", "древяные здатели", "древодели", и трудно различить когда летописи разумеют мастеров и когда просто рабочих. Выдающиеся ремесленники были известны по именам. Напр., "ерестива Роуфина некоего древодельна" [14]). В данном случае Руфин является не просто "древоделом", а мастером-архитектором. Тоже можно предположить и в отношении "Михаила—лучника". Повидимому, таким известным мастерам, уже зарекомендовавшим себя, и поручали жители города провести ту или иную работу. В 1073 г. такой мастер был выбран в качестве руководителя постройки церкви [15]).

На протяжении 10—15 в.в. упоминаются "старейшины древодельскы" [16]). Следовательно, были какие то артели, союзы плотников, которые работали под ру-

---

1) Псков. I л., 1473 г.
2) Там же, 1431 г.
3) Уставная грамота Митрополита Киприана Константинову монастырю 1392 г.
4) «Вешть» дело.
5) Псков. I л., 1308 г.
6) Псков. I л., 1397 г., 1458 г., 1462 г., 1452 г., Новг. II л., 1464 г.
7) Собр. гос. гр. и догов., ч. I. Договоры Новгорода, 1270, 1327 и др. г.г.
8) Новгор. данные XVI—XV в.
9) Жалов. грамота Угл. кн. Дмитрия, 1434 г.
10) Жал. грамота в. кн. Василия Дмитриевича, 1425 г.
11) Лавр. л., 989 г.; Ипат. л., 991 г. и 996 г.
12) Лавр. л., 1160 г.
13) Новг. I л. (по Академ. списку), 6941 г.
14) Мин. Чет., Февр., 316.
15) Изборник, 1073 г.
16) Сборник XIII в.

ководством "старейшин", судя по названию, лиц выборных. Одно из известий 12 века указывает, что строительные рабочие порою организовывались в "братии" [1], а сообщение от 13 века определенно говорит, что "братство" присуще и другим ремесленникам, напр., кузнецам,ливцам, древоделам и т. д. [2]). Одно летописное известие зафиксировало любопытный момент постройки здания, когда рабочий хотел уйти в трактир с места работы: повидимому, только общий руководитель работ — "строитель"—имел право дать разрешение простому рабочему "плотнику" уйти в "винницу" [3]. Строитель—это тот же "старейшина", который позднее, в 15 веке, встречается под наименованием мастера. Так, в 1420 г. Псковичи "наняша мастера Феодора и д р у ж и н у е г о побивати церковь" [4].

Эти известия указывают, что "древодели", работавшие в период замкнутого, изолированного хозяйства, в одиночку, позже, в связи с изменением хозяйственных форм, организуются в союзы, артели, во главе которых стояли лица, ответственные за качество работы и заслуживающие доверия, как опытные специалисты.

Оплата рабочих большей частью производилась натурой. В тот период, когда иностранный рынок был доступен только очень крупным купцам, ремесленники предпочитали получать свое вознаграждение полотнами, византийскими тканями и др. материалами, в которых на Руси ощущался недостаток [5]. Постепенно в оплату труда входит и прокормление рабочих. Так, известие 13 века говорит, что "древодели, егда делають ядять": имеют определенное время на обеденный перерыв [6], почему в одном из поучений говорится, что если плотник плохо сделает заказанный ему предмет—"аще исказит древо, или прерубит не в лепоту", то надо ему поменьше давать еды—"сухо да яст" [7].

С течением времени денежная форма оплаты получает перевес и вытесняет старую. В этот переходный момент как раз и появляется древнейший законодательный памятник—Русская Правда, которая, признавая оплату труда деньгами, но считаясь с еще не изжитой формой платы натурой, приравнивает ее в некоторых случаях, к стоимости продуктов. В других статьях говорится исключительно об оплате "ногатами" и "кунами" [8].

В 1365 г. за постройку церкви Псковичи уплатили 400 рублей. Эти деньги были выданы м а с т е р а м руководителям работ, которые уже сами расплачивались с рабочими [9]. Один из мастеров за особо хорошо произведенную постройку получил от города в дар 20 рублей [10].

В отношении правового положения плотников летописи и междукняжеские договорные грамоты дают самый разнообразный материал. Существовали ремесленные дружины, члены которых явно были людьми свободными. Вместе с тем церкви и монастыри имели большое число холопов, часть которых могла обучиться плотничеству или другому какому либо ремеслу. Так в 1194 году церковь св. Богородицы была выстроена усилиями "клеврет", причем в этой постройке участвовали различны ремесленники [11]. В другом месте "древодели" упоминаются на ряду с "конюсями"—холопами князя. Известная часть сельских людей несла "городную" повинность, т. е. была о б я з а н а исполнять разные строительные (большей

---

[1]) Златоструй XII в.

[2]) Пандекты Никона. Синодальный список. Оба эти известия переводные, иностранного источника, но раз летописец слово «братии» в смысле товариществ, артелей считал возможным употребить в русском языке и кроме того русские известия (С р е з н е в с к и й. Материал для словаря т. I, вып. I, стр. 109) дают много указаний на существование «братий», можно воспользоваться иностранным источником.

[3]) И. С р е з н е в с к и й. Материалы для словаря, т. I, вып. I.

[4]) Псков. II л., 6923 г.

[5]) Лавр. л., 1115 г.

[6]) Никоновы Пандекты, 57.

[7]) Жития Феодосия, 201.

[8]) Русская Правда (список Карамз.), ст. 108, 109.

[9]) Псков. I л., 1365 г.

[10]) Пск. I л., 1454 г.

[11]) Лавр. л., 6702 г.

частью военного характера) работы в городе [1]). Сведения о социальном положении ремесленников дают договорные и духовные грамоты. По духовной князя Владимира Андреевича на княжеских землях жили ремесленники — полные холопы и полусвободные [2]). По другой духовной князь завещал своей жене "мельницю под городом под Можайском", работами по постройке которой руководил "ей ее же посельской Васюк". Во многих договорных грамотах князья условливаются о ремесленниках (не свободных) "а кого себе вымемь мастеров; а мне князю Великому з братьею два жеребья (две части), а тобе, брате, треть" [3]).

Князья, как крупные хозяева, землевладельцы, обладавшие целыми областями, культивировали ремесленный труд в среде людей, в той или иной степени от них зависимых [1]).

(Продолжение следует).

Вл. Юл. Гессен.

---

[1]) Новг. дан. XIV - XV в.в.

[2]) Собр. гос. грамот и договоров, ч. I (1410 г.).

[3]) Дог. грамоты в. к. Вас. Дм. с кн. Вл. Андр. (первая 1389 г.).

[4]) Догов. грамоты в. к. Василия Васильевича с кн. Вас. Ярослав. от 1448 г., 1433 гг. и др. Более подробно структура организации ремесленников будет рассмотрена ниже.

Крестьяне на частных горных заводах в Оренбургском крае.

(По освобождении от крепостной зависимости—до введения уставных грамот).

По условиям работы, а следовательно, и быта крестьяне, приписанные к частным горным заводам, были отличны от прочей крестьянской массы; поэтому при уничтожении крепостной зависимости крестьян манифестом 19 февраля 1861 г., на ряду с общим и местными Положениями, были изданы особые Дополнительные Правила об устройстве быта крестьян частных горных заводов [1].

При проведении в жизнь этих Правил с первых же дней стали возникать вопросы, затрагивавшие самые существенные, жизненные интересы крестьян. В частности, подобные вопросы возникали и в Оренбургском крае. Рассмотрению наиболее серьезных из них и посвящен настоящий очерк [2].

Отметим, что в крае существовало 23 частных горных завода [3], которые были соединены в 15 отдельных заводоуправлений [4]. Десять заводов были медиплавильные, двенадцать железноделательные; Нижне Троицкий бездействовал. Пять заводов: Шильвинский, Кагинский, Узянский, Верхне и Нижне Авзянопетровские состояли на посессионном праве, остальные—на помещичьем.

Работы в страдное время.

По Дополнительным Правилам заводское население, ранее распадавшееся на мастеровых, рабочих, непременных работников и заводских крепостных (посессионных и владельческих), было разделено на две категории—мастеровых и сельских работников: к первой относились занятые техническими горнозаводскими работами, служители по разным техническим и хозяйственным частям, а также крестьяне тех заводов, которые не владели землями; ко второй— исполнявшие на заводах вспомогательные работы и вместе с тем занимавшиеся хлебопашеством, равным образом и мастеровые, пользовавшиеся наделами [5].

---

1) Полное собрание законов, т. 36, № 36667.

2) См. Л. Айзенберг. Быт крестьян на частных горных заводах и рудниках в Оренбургском крае накануне освобождения от крепостной зависимости. („Архив истории труда в России", книга третья, стр. 23—39).

3) Из них заводы Шильвинский Под'ячева и Канониккольский Загряжского были взяты в опекунское управление; Верхне и Нижне-Троицкие, Усень-Ивановский, Верхне и Нижне-Авзянопетровские принадлежали отставному поручику Бенардаки; Богоявленский, Воскресенский, Преображенсий и Верхоторский—братьями Пашковым; Белорецкий и Терлянский—другому семейству Пашковых; Благовещенский—двум братьям Дашковым (племянникам Пашковых); Катав-Ивановский и Усень-Катавский—князьям Белосельским-Белозерским; Юрюзань-Ивановский и Минский—урожденной княжне Белосельской-Белозерской, по мужу Сухозанет; Симский и Миньярский—Балашевым; Архангельский—графине Коссаковской; Кагинский и Узянский—купцам Татаринову и Никифорову.

4) Архив министерства внутренних дел, зем. отд., 6 делопроизв. 1861 г., дело № 5.

5) Из 47 тысяч душ мужского пола, числившихся на частных горных заводах в Оренбургском крае, около 9 тысяч принадлежало к мастеровым, остальные—к сельским работникам.

По старому закону[1]) на заводских и рудничных работах могла находиться только одна половина годных к работе крестьян, прочие должны были оставаться при своих сельских работах. Но он не исполнялся: крестьяне увольнялись для своих сельских занятий лишь на самое непродолжительное время: не хотели с ним считаться заводовладельцы и по освобождении крестьян от зависимости,—даже в разгар полевых работ, с 1 мая по 15 сентября, они посылали крестьян на дальние рудничные работы, т. е. на расстоянии более 25 верст от жительства[2]).

———

В апреле 1861 г. крестьяне заводов—Воскресенского, Богоявленского и Верхоторского братьев Пашковых и Архангельского графини Кессаковской ушли с Каргалинских рудников, общих для всех этих заводов, по домам, сославшись на то, что, так как рудники находятся на расстоянии более 25 верст от их местожительства, то они не обязаны оставаться на рудниках во время полевых работ[3]). Заводоуправления, не успевшие еще свыкнуться с мыслью о новом положении крестьян, усмотрели в их поступке "неповиновение и своевольство", о чем и поспешили довести до сведения местных властей, которые, в свою очередь, донесли об этом губернатору Барановскому, прося у него руководящих указаний в связи с некоторыми недоуменными вопросами, возникшими на местах при толковании Дополнительных Правил. Губернатор распорядился об исследовании этого случая и, между прочим, поручил выяснить, каким образом раньше производился наряд на рудничные работы и не допускались ли отлучки крестьян во время полевых работ.

Вместе с тем обсуждением возникшего вопроса занялось губернское по крестьянским делам присутствие, которое в виду спешности дела не сочло возможным ждать прибытия тех его членов заводовладельцев, которые по закону участвовали в рассмотрении дел, относящихся до горного ведомства. Приняв во внимание основное деление заводского населения на мастеровых и сельских работников, оно нашло, что хотя по Дополнительным Правилам (ст. 20) в первый по обнародовании их год барщинная повинность остается без изменения, но вместе с тем запрещается (ст. 28) принудительно назначать сельских работников на отдаленные работы во время обработки полей, —следовательно, и в первый год по обнародовании Правил сельские работники вправе беспрепятственно производить полевые работы; к тому же речь шла не о мастеровых, обладающих специальными познаниями, а о простых рабочих, легко заменимых.

Это постановление было принято и Уральским горным правлением, о чем губернатор Барановский уведомил министров внутренних дел и финансов, а также оренбургского и самарского генерал-губернатора. Но еще раньше последний (Безак), типичный сановник-крепостник, получив уведомление об уходе крестьян с рудников и о распоряжении губернатора произвести дознание, предложил ему "без малейшего упущения времени принять деятельнейшие меры к прекращению беспорядков, немедленно возвратить неповинующихся крестьян к их обязанностям на рудники и наблюсти, чтобы до введения уставных грамот заводские люди оставались при том порядке, какой ныне в каждом имении существует"; если по местным условиям недостаточно тех воинских команд, которые находятся в распоряжении гражданских властей, то будут посланы еще одна или две роты пехоты, "дабы оказать еще большее содействие местным властям и внушить заводским людям, что впредь до введения уставных грамот они не могут отступать от существующего ныне

---

[1]) Статьи 465 и 554 Устава горного, изд. 1857 г.

[2]) Рудники находились в сравнительно небольшом расстоянии от железоделательных заводов, за исключением Белорецкого и Тирлянского (90 верст); рудники медиплавильных заводов были удалены на значительное расстояние (вообще больше 25 верст), а главные рудники, общие для многих медиплавильных заводов,—Каргалинские—от всех этих заводов отстояли на 100—300 верст.

[3]) Архив министерства внутренних дел, по земск. отд., 6 делопроизв., 1861 г., дело № 7.

порядка работ“. Вместе с тем генерал-губернатор предписал непосредственно земскому исправнику вернуть на рудники ушедших крестьян.

Так как подобный образ действий противоречил взглядам Барановского и постановлению губернского присутствия, то Барановский поспешил раз'яснить генерал-губернатору, что отлучка крестьян с рудников произошла "не вследствие духа мятежа и непокорности“, а в соответствии с законом 19 февраля 1861 г., запретившим принудительные дальние работы сельских работников в страдное время, что самовольные, т. е. без предварительного каждый раз дозволения, отлучки крестьян и раньше допускались, вернее, терпелись заводовладельцами по обычаю, и "эта терпимость была естественным следствием того, что самая отправка на рудники во время полевых работ сельских работников-земледельцев происходила от злоупотребления помещичьей властью, злоупотребления, об'ясняемого произволом заводовладельцев, незнавшим пределов, и отсутствием всякого надзора со стороны гражданского и горного начальства за тем, что делалось на заводах“; самое обращение всех крестьян, которыми заводчики владеют на помещичьем праве, не только на рудничные, но и на другие заводские работы вопреки закону об'ясняется тем же произволом помещичьей власти и невниманием к интересам трудящихся со стороны начальства; поэтому в данной отлучке крестьян нельзя видеть преступления; вообще большинство происходящих за последнее время недоразумений вызывается неясным или превратным пониманием и владельцами, и крестьянами вновь изданных положений, устанавливающих новый порядок хозяйственного быта; проводить в жизнь преобразования нужно путем мирного и спокойного соглашения, употребление же военной силы вызовет противодействие народной массы. В заключение губернатор напомнил, что он неоднократно заявлял о крайней обременительности для крестьян рудничных работ, о тесноте помещений на рудниках, о дурном устройстве штолен и о необходимости обратить особое внимание на действия заводоуправлений по производству рудничных работ.

Министры внутренних дел и финансов, а также состоявшая при министерстве финансов горнозаводская комиссия, рассмотрев вышеуказанное постановление оренбургского губернского присутствия, признали его вполне согласным с законом. Тогда генерал-губернатор поспешил обратиться к губернатору с просьбой немедленно распорядиться о приведении в исполнение этого постановления.

Таким образом, за горнозаводскими сельскими работниками было признано и в первом году по издании Положения 1861 г. право отказываться в страдную пору от дальних работ. Но на практике это право не сразу стало осуществляться. Повод к этому подало Уральское горное правление, которое, согласившись, как выше было указано, с постановлением оренбургского присутствия, почему-то разослало всем заводским исправникам следующее распоряжение: "Те из сельских работников, которые действительно занимаются хлебопашеством, имеют для того поля, должны быть назначаемы на работы не иначе, как с точным соблюдением 28-ой статьи Дополнительных Правил. Назначение же с 1 мая по 15 сентября на работы далее 25 верст без их согласия может быть обязательно для тех, которые не занимаются *постоянно* хлебопашеством". Некоторые заводы (Катав-Ивановский и Усть-Катавский князей Белосельских-Белозерских, Симский и Миньярский Балашевых и Минский и Юрюзанский генеральши Сухозанет) стали применять упомянутую статью не ко всем сельским работникам и мастеровым, наделенным землею, а только к тем из них, которые занимаются *исключительно* хлебопашеством, отправляя попрежнему остальных членов семейств, принадлежащих к разряду сельских работников, на рудничные, куренные и другие работы далее 25 верст. Осведомившись об этом, настойчивый Барановский через посредство министров внутренних дел и финансов и главного начальника горных заводов Уральского хребта добился того, что Уральское горное правление должно было подтвердить правильность постановления оренбургского присутствия [1]).

---

[1]) Архив министерства внутренних дел по земск. отд., 3 делопроизводство, 1861 г. дело № 3058.

И вполне понятно, что, как только за сельскими работниками было подтверждено право на исполнение отдаленных работ в страдное время не иначе, как с их согласия, заводовладельцы стали обнаруживать тенденцию расширить круг мастеровых, этой льготы не имевших, за счет сельских работников [1]).

Работы в праздничные дни.

В мае 1861 г. кричные мастеровые Белорецкого и Тирлянского заводов Пашковых отказались выполнять свой недельный урок в праздничные дни, при чем работавшие по немецкой методе заявили, что они недовольны получаемой ими низкой платой по сравнению с мастеровыми, работающими по контуасской методе. Сперва мастеровые пожелали быть свободными только 9 мая, в Николин день, почему они накануне решительно отказались начать работу, которая должна была продолжаться в праздник; затем, чтобы быть свободными по воскресеньям, они стали отказываться от начатия таких новых работ по субботам, которые нужно было продолжать в следующие дни; они, впрочем, обещали отбывать работу по понедельникам. Вместе с тем кричные мастеровые заявили, что работа их и уроки по старой немецкой методе тяжелее работ по контуасской методе, введенной на одной из фабрик тех же заводов, что угля выдается им меньше, чем работающим по контуасской методе, и они постоянно пережигают уголь, за что с них производится вычет; урок их, состоящий в том, чтобы сдать 85 пудов железа в неделю, слишком велик по сравнению с уроками на других заводах.

Заводский исправник удостоверил, что налагаемые на кричных мастеров, работающих по старой немецкой методе, уроки действительно настолько велики, что они не успевают оканчивать их в течение шести рабочих дней и должны работать по воскресным и праздничным дням; что заработная плата слишком низка и угля дается мало. Исправник поставил вопрос: не следует ли, для сохранения добрых отношений между рабочими и заводоуправлением, сбавить урок кричным, работающим по немецкой методе, или увеличить количество отпускаемого им угля; при этом он указал, что работающие по контуасской методе получают меньшую плату за пуд железа, но все же уроки выполняют, неудовольствия не выражают, из чего следует заключить, что жалобы кричных мастеров старой фабрики вызываются тяжелыми условиями работы, уменьшение уроков и надбавка угля облегчит переход к вольному труду при кричных работах, самых важных на заводах и требующих навыка и уменья. Далее исправник отметил, что все крестьяне Белорецкого и Тирлянского заводов состоят на хлебопашестве и пайков от завода не получают, а между тем редко кто из кричных мастеров имеет достаточно хлеба на свое продовольствие, и большинству приходится брать его по покупной цене из заводских магазинов или приобретать его от посторонних лиц.

Сведения о претензиях кричных мастеров, вполне тождественные с вышеуказанными, сообщил и земский исправник. Оба донесения были переданы губернским присутствием на обсуждение состоявшей при нем особой комиссии, которая, признав, что мастеровые должны были подать жалобу, не покидая работы, все же нашла нужным указать заводовладельцам, что претензии крестьян в переживаемое время должны быть рассматриваемы внимательнее, чем когда-либо, ибо волнения среди заводского населения могут повлечь за собою беспорядки во всем крае, успокоение же может быть внесено среди этого населения только удовлетворением его правильной претензии. Доведя обо всем до сведения министра внутренних дел, Барановский просил его потребовать, чтобы заводовладельцы облегчили положение крестьян вообще, освободив их от работ в воскресные и праздничные дни, а в

---

[1]) В Оренбургском губернском по крестьянским делам присутствии в июне 1861 г., например, производилось дело о нераспространении льготы относительно отдаленных работ в страдное время на заводы Верхне- и Нижне-Троицкие и Усень-Ивановский в виду принадлежности их населения, по утверждению заводоуправления, к мастеровым, а не к сельским работникам.

частности, чтобы были уменьшены уроки и увеличена заработная плата кричным мастерам Белорецкого и Тирлянского заводов.

Несмотря на то, что губернатор поставил совершенно определенно два вышеуказанных вопроса—общий и местный, министр, обычно сочувственно относившийся к судьбе крестьян, на этот раз почему-то ограничился отпиской, что в Положении 19 февраля указаны пути к восстановлению силы нарушенного закона, а поэтому губернатору надлежит разрешать возникающие недоразумения, разбирая их на местах в согласии с подлежащими законоположениями, а в случаях особой важности запрашивать министерство внутренних дел [1]). Однако уже вскоре на вопрос о работе в праздничные дни был дан вполне определенный ответ [2]). Имея в виду, что по закону [3]) владельцы замосковских заводов обязаны содержать казенных мастеровых и рабочих людей, вечно им отданных, на том же положении, на каком они находятся по казенным заводам; с другой стороны [4]) в праздничные дни, в которые присутственные места свободны от занятий, нигде никаких казенных и публичных работ нельзя производить, за исключением чрезвычайных случаев, а помещичьих крестьян вообще запрещено употреблять на господские работы в праздники, министр внутренних дел признал, что заводских крестьян нельзя обязывать работать в праздничные дни. Что же касается некоторых заводских операций, по свойству своему не допускающих остановок в праздничные дни, то комиссия по пересмотру горного устава об'яснила, что только плавильные работы в доменных и других плавильных печах и вагранках не могут быть прерываемы до окончательного их действия, и поэтому необходимо, чтобы крестьяне не оставляли этих работ в праздничные дни и в страдное время, получая за праздничный рабочий день, как за полтора будних. С этим мнением комиссии согласились министры внутренних дел и финансов, после чего оно стало обязательным для частных горных заводов в том числе Оренбургских [5]).

Вопрос об увеличении платы и уменьшении уроков.

Хотя по Дополнительным Правилам заводские люди до введения уставных грамот должны были оставаться "при том порядке, какой ныне существует", тем не менее с первых же дней по введении в действие этих Правил стал чувствоваться и новый порядок, ими установленный. Прежде всего это обнаружилось в открывшейся для рабочих возможности свободно заявлять по начальству о своих невзгодах и жаловаться на нарушение их прав, не только без опасения быть наказанными уже за одну подачу жалобы, хотя бы и основательной, как это происходило еще так недавно [6]), но и с надеждой быть, по крайней мере, внимательно выслушанными. Новый порядок чувствовался и в том, как начальство реагировало на подобные жалобы, и в известной мере в самих способах удовлетворения их. Характерным представляется в этом отношении нижеописываемое дело крестьян Архангельского завода графини Коссаковской [7]).

В мае 1861 г. урочники-углесиды, узнав о раз'яснении губернского присутствия относительно необязательности дальних работ в страдную пору, отказались работать в куренях, где они должны были оставаться безвыходно в течение 5 недель, при чем заявили в губернском присутствии о недостаточности заработной платы и незначительности земельного надела. Присутствие в срочном порядке командировало

---

[1]) Архив министерства внутренних дел, зем. отд., 3 делопроизв., 1861 г., дело № 42.

[2]) По поводу тожественного недоразумения в Калужской губернии.

[3]) Уст. Горн., изд. 1857 г. ст. ст. 446 и 2209.

[4]) Уст. о предупр. и пресечен. прес., изд. 1857 г., т. 14, ст.ст. 29 и 32.

[5]) Архив министерства внутренних дел, земск. отд., 6 делопроизв. 1862 г., дело № 2.

[6]) „Мужики, ходившие с жалобой, непременно будут мною наказаны строго при первом свидании,—это у меня уже было записано в памятной книжке“ писал в 1859 г. заводский исправник заводовладельцу Загряжскому („Архив истории труда в России“ кн. 3, стр. 39).

[7]) Архив министерства внутренних дел, земск. отд., 6 делопроизв. 1861 г., дело № 5.

на завод своего члена, уполномоченного от министерства финансов Гернгросса, как знатока горнозаводского дела, с тем, чтобы он, если убедится на месте в основательности недовольства крестьян, внушил заводоуправлению, что хотя вновь изданные законоположения допускают временно оставление существующих повинностей, но при условии, чтобы рабочие были обеспечены пропитанием, а потому необходимо повысить заработную плату до размеров, соответствующих действительным потребностям крестьян и существующим высоким ценам на продовольствие, или понизить цену на хлеб, иначе могущие возникнуть беспорядки вынудят присутствие к исполнению высочайшего повеления о взятии завода в распоряжение правительства.

Гернгросс добросовестно выполнил возложенное на него поручение. Фактические данные, установленные им, рисуют безотрадную картину быта крестьян, во многом напоминающую жизнь крестьян заводов Под'ячева, Загряжского и Сухозанета [1]. Пред'явив заводоуправлению требование об увеличении заработной платы, Гернгросс тотчас же добился прибавки платы за некоторые работы и обеспечения содержанием неимущих и сирот: управляющий заводом обязался выдавать бедным и более нуждающимся хлеб безвозмездно по числу душ в семействе, отменить вычеты за дрова, отпускаемые углесидам на выжег угля, за выжег и привоз угля вместо $30\frac{3}{4}$ коп. платить $44\frac{1}{2}$ коп. с короба, работающим на рудниках назначить по 16 коп. сер. в день и кроме того выдавать бесплатно в месяц по два пуда муки, 15 ф. крупы, 3 ф. соли и 3 пары лаптей, а также повысить плату за перевоз угля до 12 к. за пуд. При этом, однако, управляющий не согласился на увеличение заработной платы задолжавшим заводу рабочим при других работах [2]) без согласия заводовладелицы, которая уполномочила его повысить плату до размеров, какие будут установлены на заводах Преображенском и Воскресенском генерала Пашкова. Таким образом, по словам Гернгросса, управляющий заводом в сущности только выполнил обязанности, предусмотренные законом по призрению сирот и неимущих, что до того времени не исполнялось. Что касается общего положения рабочих, то Гернгросс установил следующее.

Рабочие занимаются: рубкой дров, выжегом и перевозкой выжженного угля на завод, добычей руды, работою на печах и остальными, так называемыми, поторжными работами. Рубка дров производится двояким образом: урочниками, вольными и невольными работниками, малолетками, по окончании ими работ на рудниках, и заводскими работниками после окончания плавки. Первые обязаны вырубить 34 куренных сажени, размер каковой сажени 7 четв. 2 верш. в вышину при длине полена в 9 четв. и длине поленницы в 14 аршин; такая сажень выше казенной на 2 вершка, а поленья длиннее на 2 четв., что вызывает необходимость вырубить большее количество дерев для складки одной сажени. За куренную сажень дров работник получает 90 коп. ассиг., или 30 р. 60 к. ассиг. за весь урок в год. По удостоверению рабочих для вырубки одной сажени они употребляют от 4 до 6 дней, смотря по силам и, следовательно, для выполнения всего урока они должны находиться в курене от 136 до 204 дней. Но этим не ограничивается работа урочника-дроворуба, ибо по сдаче дров, если он имеет своих лошадей, его посылают на рудники за рудой, хотя и за "вольную, но все же принудительную" и весьма низкую плату, если принять во внимание, что в один оборот приходится сделать до 600 верст. Малолеткам и заводским людям за рубку дров платят от 10 до 21 к. ассиги. в день, или по 1 р. 50 к. ассиги. за сажень (башкирам за сажень 2 р.). Выжег угля и перевозка его на завод производится урочниками, называемыми углесидами, частью с обязательством самим нарубить дрова, частью из дров, вырубленных особыми дроворубами. Первые обязаны вырубить $17\frac{1}{4}$ саж. дров, положить их в кучу, одернить, выжечь из них 53 короба угля и перевести таковой на завод, за что получают 1 р. 55 к. ассиг. с короба, или 82 р. 15 к. ассиг. за урок. До 1861 г. у урочников вычитывали стоимость заданных дров по 90 к. с сажени, или 15 р. $52\frac{1}{2}$ к. за урок, заставляя обычно вырубать такое же количество дров бесплатно, так что действительная плата для урочника составляла 66 р. $62\frac{1}{2}$ коп. ассиг. Эти деньги

[1]) „Архив истории труда в России“, кн. 3, стр. 23—39.
[2]) Число должников заводоуправлению было очень значительно.

дроворубы забирали во время работы провиантом и другими предметами, а вычитываемые с них 15 р. 52½ к. ставились на них долгом, который, возрастая ежегодно, доходил у некоторых до 500 и более руб. ассигнациями (долг всех рабочих превышал 200.000 р.). Вторые принимают 34 сажени дров и обязаны сложить их в кучу, одернить, выжечь уголь и перевезти таковой на завод за плату 1 р. 55 к. с короба, или 164 р. 30 к. за урок, но так как из этой платы вычитается 1 р. 50 к. за сажень принятых ими дров, то действительная плата составляет только 113 р. 30 коп. ассиг. Кроме того углесид обязан привезти на завод после складки дров 6 дубков, за что получает 18 коп. ассиг., 7 полубин с платой 14 коп., 3 бревна за 30 к. и 6 палок дров, т. е. 1½ сажени за 3 р. ассиг. Те и другие по окончании работ посылаются на поправку дорог, а по отработке назначаются на рудники для возки руды за принудительную плату. Провиант, деготь, смола, инструменты и все, необходимое для работ, выдается по себестоимости и вычитывается из заработка. На рубку дров и выжег угля посылаются преимущественно лучшие и более состоятельные работники; на рудники же отбирают 300—400 человек из таких семейств, где есть другие работники. "Посылаемые на рудники на 9½ и даже на 10 месяцев в году за 300 верст от места жительства, эти несчастные люди почти разлучаются со своими семействами и делаются им совершенно чужими, ибо по своей бедности не в состоянии сколько-нибудь обеспечить их существование, т. е. исполнить те священные обязанности, которые на них возлагаются законами божескими и человеческими". Каждому рабочему вменяется в обязанность явиться на рудник в течение 7 дней, за каковое время никакой платы не полагается, а за просрочку приходится отработать в праздники бесплатно. Назначенный на рудники рабочий обязан пройти в день 41 версту[1]) и, явившись на место, голодный и усталый, сейчас же взяться за работу. Рудничные работы тяжелы,—одной паре работников задают на три дня вынуть до 12 кубических аршин руды и пород и поставить необходимые крепи. Поденная плата колеблется от 21 до 28 к. ассиг. (смотря по возрасту рабочего), что составляет в месяц или 25 рабочих дней от 5 руб. 25 коп. до 7 руб., или от 52 руб. 50 коп. до 70 руб. ассиг. в 10 месяцев. На помещения в рудниках все рабочие жаловались, указывая, что они не защищают от холода и непогоды и что от сырости и духоты все платье их истлевает, так что они возвращаются домой почти нагими.

Работы на печах производятся плавильщиками-подмастерьями; за кладку печей они получают по 28 к. ассигн. в сутки, а за плавку меди по 7 к. с пуда; кидальщики получают 28 к. асс. в сутки, а рукобойщики—14 к. За подвозку руды, угля, извести, за отвозку шлаков рабочие с лошадью получают по 42 к. асс. в сутки. Работа на заводе продолжается 7½ месяцев и по вышеуказанному расчету плата плавильщику за это время доходит до 52 р. 50 к., кидальщику столько же, а рукобойщику 26 р. 25 к. асс., подвозчик с лошадью получает 78 р. 75 к. За провиант делается вычет из заработной платы.

Поторжные, кузнечные и плотничные работы производятся всеми свободными, слабосильными рабочими и теми урочниками, которые уже сдали свои уроки, за плату от 21 до 28 к. в день.

Средства, необходимые для существования каждого рабочего, по весьма скромному подсчету самих рабочих, выражаются в следующих цифрах: для одинокого рабочего в месяц хлеба 2½ пуда на 7 р., соли 3 ф. 6 к., мяса 20 ф. 2 р., 3 пары лаптей 31½ к. и рукавиц 1 пара в 2 мес. 45 к., всего 9 р. 82½ к. Полагая, что женатому необходимо вдвое больше, а на каждого малолетнего ребенка только четвертую часть против взрослого, потребуется каждому тяглому рабочему, при наименьшем составе семьи в 3 человека, за 10 месяцев 221 р. 50 к. асс. или 65 р. сер. Между тем заработная плата далеко ниже прожиточного минимума. Так: дроворуб за 204 рабочих дня получает 30 р. 60 к. асс., углесид вместе с рубкой дров 66 р. 62½ к., углесид без рубки дров 116 р. 92 к., рудничный работник от 52 р. 50 к. до 70 р., заводский плавильщик 70 р., поторжный работник от 30 р.

[1]) Вместо полагающихся по закону 25 верст.

до 52 р. 50 к. Сверх сего заводские люди зарабатывают еще немного за перевозки на своих лошадях в свободное от хозяйской работы время.

Заводским людям отводятся небольшой покос и незначительное количество земли под пашню, по об'яснению рабочих—около $1\frac{1}{2}$ дес. на душу [1]). Но благодаря неурожаям, а также падежу коров и лошадей, большая часть этой земли оставалась незасеянной, и хотя крестьяне Архангельского завода стоят, по заявлению заводоуправления, на хлебопашестве, но, имея в году только десять недель, свободных от заводских работ, и потеряв своих лошадей на господской работе, они обнищали, будучи вынуждены ограничиваться одной заводской работой. Далее было констатировано, что в способе взыскания уроков допускаются различные злоупотребления со стороны заводоуправления, и что все положение Архангельского завода в отношении уроков и платы за них устарело, не соответствуя ни изменившимся условиям работы, ни возросшим ценам на предметы первой необходимости.

Сведения, собранные на месте, привели Герngросса к тому выводу что, несмотря на некоторые уступки заводоуправляющего, необходимо немедленно увеличить плату за все работы, дабы население было обеспечено продовольствием [2]).

В соответствии с докладами Герngросса губернатор Барановский представил свое мнение главному начальнику Уральского хребта Фелькнеру. На этот раз и генерал-губернатор поддержал Барановского, вследствие чего министр финансов в категорической форме потребовал от графини Коссаковской увеличения заработной платы под угрозой взятия завода в опекунское управление. Так как Коссаковская распорядилась об увеличении платы за все заводские работы на половину, то министр финансов (в июне 1861 г.) предписал, если и вновь установленная заработная плата по местным условиям окажется недостаточной обеспечить крестьян содержанием, получаемым на казенных заводах, подчинить завод опекунскому управлению.

Но причины бедственного положения крестьян Архангельского завода, повидимому, были слишком глубоки, чтобы такие паллиативы, как увеличение непомерно низкой заработной платы на 50%, могли внести сколько-нибудь заметные улучшения. Прошло восемь месяцев, и оренбургскому губернскому присутствию опять пришлось выслушать скорбное повествование о безотрадной жизни крестьян Архангельского завода из уст другого члена присутствия, полковника Иваницкого, посетившего этот завод и прилегающие к нему деревни [3]).

На общем сходе крестьяне заявили, что земля их хлеба не родит, потому что они уже 112 лет пашут все одни и те-же поля, а так как пашни приходится на душу очень мало и земли, годной под пашню вблизи селений нет, то она "выпахалась" до того, что в последние десять лет не возвращает даже посева. Поэтому и накопились огромные долги крестьян заводоуправлению. Хлеб сеют за рекой Белой на землях, арендованных у башкир; но и этот источник уже иссякает, так как на эти земли переселяются татары. При крепостном праве крестьяне исполняли заводские работы только за хлеб, отчего впали в такую бедность, что большинство не имеет ни хлеба, ни денег и не только не в состоянии платить оброки, но не знает, чем прокормиться до урожая; нет семян для посева, купить их не на что.

Тяжесть положения усугублялась тем, что завод сократил свое действие вследствие отсутствия запасов руды. Заводоуправление заявило, что в течение истекшей зимы крестьяне не шли добывать руду. По об'яснению же мастеровых они не шли в рудники потому, что во время зимних работ в сырых и душных землянках погибло не мало молодых и здоровых людей, весною же они готовы отправиться в рудники, если заводоуправление увеличит заработную плату в таком размере, чтобы они могли на время своего отсутствия обеспечить продовольствием

---

[1]) По сведениям управления Архангельского завода, на душу приходилось 1,8 дес. пашни.

[2]) Герngросс указал на то, что в целях облегчения заводчиков в поддержании столь важного для местности медного производства, следует уменьшить или вовсе сложить с заводчиков десятинную и полуторную подать с выплавленного металла.

[3]) Архив министерства внутренних дел, зем. отд., 6 делопроиз., 1861 г., дело № 7 (ч. 2-ая).

семейства, обяжется впредь быть аккуратнее в расчетах, так как многие не получили денег, выработанных в прошлом и в начале текущего года, и запретит рудничным приказчикам обмеривать и обсчитывать их при учете заработков. Вообще наем рабочих на отдаленные работы затруднялся тем, что заводоуправление не давало вперед хлеба под будущий заработок, опасаясь обманов со стороны рабочих и накопления безнадежных долгов, рабочие же не могли отлучиться из дома, не обеспечив продовольствием семейства.

Из бесед с мастеровыми, должностными лицами и управляющим заводом Иваницкий вывел заключение, что заводоуправление вообще жестоко, не учитывает нового положения вещей и не сознает прямой своей выгоды в сближении с рабочими. Безденежье завода, ставшее хроническим явлением, вредя успеху производства, внушает рабочим страх за будущее и усиливает в них желание выселиться из заводского имения; напр., принадлежавшая к последнему деревня Александровка была лет двадцать назад выселена верст за 75 от завода для окараулывания заводского лесного участка; крестьяне этой деревни занимались отчасти скотоводством, но главным источником к существованию служил отпускавшийся им от завода провиант; будучи же освобождены от крепостной зависимости на правах мастеровых и лишившись продовольственных пайков от завода, они, живя в местности, непригодной ни для хлебопашества, ни для скотоводства в виде промысла, пожелали переселиться на казенные земли.

Подобное стремление к переходу на казенные земли превратилось в бытовое явление, особенно в связи с обнаружившейся к тому времени тенденцией некоторых заводовладельцев к сокращению или даже прекращению действия своих заводов.

Попытки владельцев закрыть заводы.

Впервые вопрос о прекращении действия завода, хотя бы временном, был поднят по следующему поводу. Когда весною 1861 г. на Симском заводе Балашевых мастеровые кричного цеха потребовали увеличения заработной платы [1], управляющий заводом Данковский распорядился о закрытии кричной фабрики в том предположении, что голод заставит мастеровых просить об ее открытии. Этот расчет оправдался: мастеровые, по местоположению завода не найдя заработка, стали просить об открытии фабрики, чтобы иметь, по крайней мере, насущный хлеб. Между тем двое из числа кричных рабочих, Кучин и Иванов, которым случилось быть на соседнем Миньярском заводе тех же Балашовых, в "частных разговорах" рассказали местным кричным мастеровым о случившемся на Симском заводе и посоветовали также просить об увеличении заработной платы. Заводская полиция представила Кучина и Иванова, как подстрекателей к беспорядкам, заводскому исправнику, который арестовал их и намеревался вызвать на Миньярский завод воинскую команду для прекращения ожидавшихся беспорядков. Но он умер, а земский исправник, ознакомившись с обстоятельствами дела, отнес поступок арестованных рабочих "просто к их глупости", освободил их, сделав им надлежащее внушение. Доведя об этом до сведения губернатора, исправник высказался в том смысле, что если бы и возникли беспорядки, то в большей мере, чем Кучин и Иванов, виновником их был-бы Данковский, закрывший фабрику "без всякого благоразумия" и заставивший мастеров терпеть голод; что-же касается вмешательства военной силы, то ею нельзя заставить крестьян молчать о своих нуждах. Губернатор предложил главному начальнику горных заводов Уральского хребта на заключение общий вопрос о праве заводоуправления остановить действие завода.

Между тем владелец Каноникольского медиплавильного завода (в Верхнеуральском уезде) Загряжский [2]) обратился к министру финансов с ходатайством

---

[1]) Архив министерства внутренних дел, зем. отд., 3 делопр. 1861 г., дело № 41.

[2]) Юридической владелицей Каноникольского завода была вице-адмиральша Шепукова, а фактическим владельцем, управляющим и вершителем его судьбы был ее сын Загряжский, доведший завод до опеки (Архив истории труда, кн. 3, стр. 27—31).

о дозволении ему прекратить действие этого завода, приносящего ему одни убытки, с переводом приписанных к нему людей во временно-обязанных крестьян и применением к ним вновь изданных Положений, регулирующих взаимные отношения владельцев и крестьян. Министр, приняв во внимание, что по закону [1] владельцы могут распоряжаться заводами, принадлежащими им на праве полной собственности, а равно и приписанными к ним людьми, не встретил препятствий к удовлетворению ходатайства Загряжского при условии соблюдения правил, как относительно наделения крестьян землею, так и других, указанных в Положении прав и обязанностей владельцев и крестьян, о чем сообщил министру внутренних дел.

Одновременно Загряжский обратился с аналогичным ходатайством и в оренбургское губернское по крестьянским делам присутствие. Последнее прежде всего обратило внимание на то, что крестьяне Канонникольского завода, не имея пахотной земли и продовольствуясь заводскими пайками, вследствие крайней обременительности уроков и скудости заработной платы впали в большую бедность, за что, равно как за "умышленный захват Загряжским денег из заводской кассы", завод был взят в опеку, в ведении которой он состоял к моменту возбуждения Загряжским своего ходатайства. Как непользовавшиеся до того времени земельными угодьями, канонникольские крестьяне, при точном применении к ним Положения 1861 г., не получили бы надела и, следовательно, с закрытием завода лишились бы последнего источника средств к существованию. Поэтому присутствие поручило местному предводителю дворянства (председателю заводской опеки) за отсутствием в местном Великороссийском Положении указания о размере надела в Верхнеуральском уезде, определить, в каком количестве крестьяне должны быть наделены лесом и лугами и где им должна быть отведена земля для обеспечения в средствах к существованию. В виду такого постановления присутствия министр внутренних дел (в июле 1861 г.) уведомил министра финансов, что до составления уставной грамоты для Канонникольского завода и наделения крестьян землею нельзя допустить закрытие завода, как единственного фонда, обеспечивающего крестьян.

При дальнейшем обследовании состояния Канонникольского завода и принадлежащей к нему деревни Федоровки присутствие установило следующие фактические данные.

На заводе вместе с деревней числится по ревизии 1975 душ мужского и 2184 души женского пола. Хлебопашеством крестьяне не занимались: по местным климатическим условиям хлеб не созревает и даже колос не формируется. В деревне Федоровке, в степной полосе Оренбургского уезда, крестьяне занимаются хлебопашеством в незначительном размере по крайнему недостатку земли и отвлечению их рудничными работами. С поступлением завода в опеку существовавшие на нем по всем отраслям управления крайние беспорядки по возможности устранены и положение рабочих улучшено.

В частности заработная плата увеличена в следующем размере:

	По прежн. окладу на ассигн.	По новому окладу серебр.	ассигн.
Фабричные подмастерья с пуда меди . . .	6 к.	3 к.	10 к.
" работники пешие в день . . .	8 "	3 "	10 "
" " конные " . . .	12 "	4 "	$13^1/_3$ "
Разливальщики штыковой меди " . . .	10/20 "	$12^1/_2$ "	$41^2/_3$ "
Пешие поденщики в день	8 "	3 "	10 "
За доставку на рудники припасов	1 р. 60 "	60 "	2 р.
За доставку на завод руды с пуда . . .	15 "	7 "	23 "
Рудничные рабочие в день	16/20 "	$6/7^1/_2$ "	20/25 "
Углесиды с 10 куб. саж. дров в 30 короб.	7 р.	2 р. 40 "	8 р.
За доставку короб. угля (4—15 в.) . . .	10 "	14 "	$43^2/_3$ "

---

[1]) Ст. 558 Устава Горного, изд. 1857 г.

Сверх того для заготовления дров и сена крестьяне освобождались в зимние месяцы на неделю в месяц, а по апрель давались им еще по 2 дня каждую неделю для отдыха. Что касается заявления Загряжского об убыточности завода, то оказалось, что при улучшении системы ведения дела завод может содержать себя своими собственными средствами. В виду этого предводитель дворянства высказался за отклонение ходатайства Загряжского, указывая, между прочим, на то, что крестьяне знакомы почти исключительно с заводскими работами, а если бы и принялись за лесные изделия (как это предлагает Загряжский, намеревающийся отвести им в надел лесные участки), то встретят сильную конкуренцию со стороны населения соседних местностей, как по искусству в выделке, так и по многочисленности производителей; предположение, что крестьяне могут найти работу на других заводах, едва ли основательно, так как каждый завод имеет для себя достаточное число рабочих рук; наконец, домогательство Загряжского противоречит как прежнему закону [1]), так и новым Положениям о крестьянах.

Главный начальник горных заводов и министр финансов стали на формальную точку зрения, сославшись на неот'емлимость по закону [2]) права матери Загряжского вице-адмиральши Шешуковой, как полной собственницы завода, прекратить его действие; но, дабы не обездолить крестьян, следует потребовать от владелицы, чтобы она обеспечила их сообразно с Положением 19 февраля 1861 г. Тем не менее по настоянию министра внутренних дел было постановлено, что впредь до окончательного разрешения вопроса об устройстве быта крестьян данного завода и составления уставной грамоты закрытие завода не может быть допущено.

Наиболее остро стал вопрос о закрытии горных заводов по введении в действие уставных грамот.

Л. Айзенберг.

---

[1]) По ст. 1111 т. IX Св. зак., изд. 1857 г. помещикам, имения которых взяты в опеку за злоупотребление помещичьей властью, воспрещено было не только пребывание в этих имениях, но и всякое хозяйственное управление и распоряжение ими.

[2]) Ст. 558 Устава Горного, изд. 1857 г.

Рабочие на Ленских золотых приисках.

I.

Большинство разрабатываемых приисков Ленского Золотопромышленного Товарищества [1]) находится в северо-восточной части Иркутской губернии, на границе Якутской области, в районе речки Бодайбо (притока реки Витима, впадающей в Лену), в так называемом Витимском горном округе. Еще севернее, по речкам (впадающим в приток Лены Олекму) расположен Олекминский горный округ; в этом

---

[1]) 1) «Всеподданнейший Отчет Члена Государственного Совета, сенатора, тайного советника С. Манухина по исполнению Высочайше возложенного на него 27 Апреля 1912 года расследования о забастовке на Ленских промыслах» (СПБ. 1912 г. Типография Штаба Отдельного Корпуса Пограничной Стражи). Напечатанный в ограниченном количестве нумерованных экземпляров, он заключает 349 страниц (большого формата) текста и 20 приложений к тексту (на 109 страницах) с 3 картами. Экземпляр, которым мы пользовались (любезно предоставленный нам из своей библиотеки Р. М. Кантором, которому приносим искреннюю признательность), носил пометку: „№ 2. Совершенно доверительно". Кроме того на нем имеется собственноручная надпись: „Глубокоуважаемому Александру Николаевичу Митинскому (член ученого горного комитета) — на память о совместной дружной работе от сердечно благодарного С. Манухина".

2) „Правда о Ленских событиях" (Издание П. Н. Баташева М. 1913 г., 216 стр.), результат обследования, предпринятого комиссией в составе пяти адвокатов (А. Ф. Керенский из Петербурга, Г. Б. Патушинский и А. А. Тюшевский из Иркутска, С. А. Кобяков и А. М. Никитин из Москвы). Текст снабжен приложениями в виде копий договоров, актов осмотров, статистических данных, распоряжений администрации, прошений и докладных записок рабочих, показаний, данных ими адвокатам во время расследования. Книга составлялась при исключительно тяжелых политических условиях под угрозой ареста всех, работавших над ее составлением, с риском гибели собранных материалов. По выходе книга была присуждена к уничтожению, а издатель ее — к 4-х месячному тюремному заключению.

3) А. Невский. Ленские события и их причины (СПБ. 1912 г. Приложение к № 15 журнала „Финансовое Обозрение", 112 стр.). Брошюра этого близкого к Правлению Ленского Товарищества автора богата цифровыми материалами.

Автора не надо смешивать с нашим сотрудником Вл. Ив. Невским.

4) Стенографические отчеты Государственной Думы III созыва, 4-ой сессии, 1912 г., заседания 99, 100, 102, 108, 110 и 116.

5) А. К-ий. (А. Керенский). О том, что было. «Заветы». 1912 г., № 5. стр. 82—113.

6) А. Петрищев. Хроника внутренней жизни. Русское Богатство, 1912 г., № 5, стр. 55—84 (выдержки из газетных сведений о событии 4 апреля 1912 г.).

7) А. Маевский. Лена. «Наша Заря». 1912 г., № 4. Полит. Обозрение, стр. 50—60.

8) В. Водовозов. По поводу Ленских событий, „Совр." 1912 г. Апр., стр. 348—352.

9) А. Ельницкий. История рабочего движения в России (Петр. 1918 г.), ч. II. стр. 154—157.

10) И. Кудрявцев. К годовщине Ленских событий. Воспоминания участника. „Сибирский Горнорабочий" (Томск) 1918 г., № 3. (Автор местный рабочий рассказывает об условиях жизни рабочих до самих событий, о ходе забастовки, о расстреле и о последующих днях).

11) Б. Николаевский. Заметки о Ленских событиях (Новое о прошлом). „Былое", 1920 г. № 15, стр. 171.

12) А. Тюшевский. К истории забастовки и расстрела на Ленских приисках (Петербург, 1921 г., 56 стр.).

13) Рабочие газеты 1912 г., напр.: „Звезда" №№ 27, 28, 31, 32, 33 (от [illegible] IV—[illegible] IV); „Невская Звезда" №№ 2, 4, 5, 7 (от [illegible] V—^{24} V); „Правда" №№ 2, 3, 5, 13 (от ^{24} IV—[illegible] V); „Живое Дело" №№ 13, 15 (от [illegible] IV—^{25} IV), и др.

округе также есть несколько разрабатываемых приисков Ленского Товарищества, но по своему богатству, значению и числу рабочих они далеко уступают приискам Витимского округа.

Ленский район не имеет железнодорожного соединения с сибирскою магистралью. В весеннюю и осеннюю распутицу всякое сообщение приленской тайги с остальным миром, кроме телеграфного, на несколько недель прекращается. Ближайшая железнодорожная станция, Иркутск, находится в 1700 в. от гор. Бодайбо— центра ленской промысловой жизни [1]). Приисковый район представляет собою обширное нагорье, прорезанное глубокими долинами. Как речные долины, так и террасы имеют огромные толщи наносов (до 60 саж.). Золотоносный пласт доледниковой эпохи слагается частью из массивных кристаллических и осадочных слоистых горных пород, а частью имеет вверху свойства речного наноса песчаного характера с галькою различной крупности. Почвою золотоносных отложений служат неокатанные водою обломки пород; почвою россыпей является не только дно древней долины, но также и русло современной реки и наносы ледниковых образований [2]). Эти россыпи покрываются то растительной землею и тундрою, то галечником и песком, то сплошною глиною. Некогда долины и горы, кроме вершин, были покрыты девственным лесом. Золотопромышленники вырубили миллионы деревьев, лесные пожары докончили истребление и теперь видна лишь молодая поросль хвойного леса. Благодаря этому, а также плохим путям сообщения и дороговизне труда, дрова очень поднялись в цене и прииски пользуются не идущими глубоко в каменистую почву корнями когда то срубленных деревьев.

В конце сентября, начале октября наступает зима. Температура опускается до 40 градусов (по Реомюру) ниже нуля и более. Средняя годовая температура Витимского и Олекминского горных округов не выше минус 4,8 градусов. Характерными чертами местных климатических условий является значительное преобладание количества холодных дней над теплыми и незначительность осадков (сухость). Суровость климата усугубляется сильными ветрами и частыми снежными метелями. Навигационный период на Лене длится всего 130 дней, до конца сентября. Летние дороги окончательно устанавливаются только в первых числах июня. Зимний снежный покров налегает повсюду около 10 октября. При столь низкой годовой температуре оттаивание почвы с поверхности в летнее время весьма незначительно, никогда не более полуаршина. При промысловых работах постоянно попадаются слои вечной мерзлоты и встречаются прослои вечного льда, в некоторых случаях до 3 сажень толщиною. Кроме хвойных деревьев—сосны, ели, лиственницы, пихты и низкорослого кедра, встречаются лишь уродливая полярная береза и кустарники, вытесняемые постепенно, по мере удаления к северу, хвощами, мхами и лишаями. Берега больших рек нередко покрыты заливными лугами, дающими доброкачественное сено. Но короткое лето настолько неблагоприятно для земледелия, что в большинстве случаев даже овес не успевает вызревать. Хлебопашество и огородничество находятся поэтому еще в зачаточном состоянии. Все земледельческие продукты привозятся с верховьев Лены. В связи с бедностью растительного царства тайги скотоводства, как хозяйственного промысла, в районе нет. Кроме акклиматизировавшегося северного оленя, остальные домашние животные требуют дорогого привозного корма. Водив-

---

[1]) Бодайбо, прежняя приисковая резиденция, обращен в 1903 г. в городское поселение. В городе сосредоточены склады товаров и припасов, необходимых для золотопромышленности. Количество жителей в Бодайбо зимой не превышает 4000 чел.; с открытием летней навигации население возрастает на несколько тысяч.

[2]) Подробные сведения о геологическом строении и физических свойствах района — ср.: Геологич. исследования в золотоносных областях Сибири. Ленский золотоносный район. Вып. 1, 2 и 3 (Петербург, 1905 г.). — П. А. Кропоткин. Отчет об Олекминско-Витимской экспедиции (1873 г.). — В. А. Обручев. Известия Восточно-Сибирского Отдела Географического Общества, 1861 г. т. XXII. — В. С. Реутовский. Полезные ископаемые Сибири (1905 г.). — Горбачев. Техническо-экономический очерк Ленского Горного Округа (1905 г., т. I). — И. Ф. Садовников. Систематич. указатель к карте золотопромышленного района Олекминского горного округа. (1909 г.).

шийся в былое время в лесах пушной зверь, вместе с истреблением лесов и с развитием золотого промысла, ушел вглубь тайги. За ним удалились от приисковых мест и тунгусы, немногочисленное, кочевое племя, вымирающее от пьянства, заразных болезней и не могущее приспособиться к условиям оседлой культуры. Из других инородцев, проживающих в приленской тайге, надлежит отметить якутов. Они занимаются преимущественно торговлей и лесорубочным делом. Население Ленского золотопромышленного района вообще весьма редкое. Оно сосредоточивается около приисковых поселений и реже в виде отдельных зимовий и стойбищ.

Лена отличается своею поразительною пустынностью[1]). За линией гребня береговых гор на сотни верст тянется тайга—непроходимый лес с таежными тропами охотников за пушным зверем. Местами река течет каменным ложем, окруженная скалами,—тут, конечно, нет жилья.

Приисковое население противополагает свою тайгу "жилому месту". В представлении рабочих—"жилое место"—Европейская Россия, самое ближнее—Иркутск.

Прииски Олекминского округа—"дальняя тайга"—разбросаны отдельными редкими оазисами среди окружающей таежной пустыни. И в эту суровую, безлюдную и неприютную страну идут люди, гонимые голодом и жаждой золота. Когда в Сибири было мало свободных рук и железная дорога не доходила до Иркутска, золотопромышленники нанимали рабочих артелями на их родине и доставляли за свой счет на промыслы. Положение о найме рабочих на золотые промыслы еще в 1912 г. предусматривало порядок такого найма, причем наниматель мог отобрать у нанимаемых паспорта и выдать им особые "путевые виды" до места работы. В дальнейшие годы такой способ найма стал исчезать. Оскудение центральных губерний России постепенно выкинуло массу рабочих на трудовой рынок Сибири, железная дорога дала дешевое передвижение и тем придвинула к Сибири русский рабочий рынок. Рабочие начали сами являться на далекие ленские прииски и наниматься уже там, на месте. По пути в Бодайбо рабочим приходилось переносить не мало лишений. Часть из них добиралась до приисков, нанявшись ранней весной на сплав судов вниз по Лене до Киренска, Якутска и далее; на этих судах ("паузках", "карбазах") отправляют товары в приленские местности, делая запасы на целый год. Сплавщики судов иногда нанимали рабочих с условием "поставить" рабочих на прииски; это условие заманивало рабочих идти к ним за меньшую плату. Такая доставка рабочих на место особенно удавалась поставщикам Ленского золотопромышленного Товарищества. Другая часть рабочих отправляется или на пароходах от пристани Жигалово или, что чаще, артель в 20—25 человек покупает длинную крытую лодку—"витик"—и спускается сплавом по Лене до р. Витима, проплывая около 1000 верст в 10—12 суток. Вверх по Витиму рабочие едут уже на пароходах, так как Витим имеет очень сильное течение, а крутые берега не позволяют идти бичевой. При хорошей, ясной погоде такое путешествие не особенно затруднительно, но поздней осенью сопряжено с большими лишениями. Обратный же путь даже летом очень тяжел. Так как в осенний ледостав и весенний ледоход прииски отрезаны от остального мира, а в зимнее время дорога идет по льду Лены—до Иркутска 1700 верст слишком приходится делать на лошадях, то рабочий, забравшись на прииски, попадает как бы в ловушку, его уход оттуда крайне затруднен; даже летом надо иметь на дорогу рублей сорок, весной же, осенью и зимой он вынужден жить безвыездно на приисках и быть в полной зависимости от своего нанимателя, потому что местных заработков, кроме работы на приисках, никаких

---

[1]) В русской литературе накопилось не мало описаний приленских „гиблых мест" по личным воспоминаниям подневольных обитателей Якутской тайги былых времен. Напомним, напр. очерки В. Г. Короленко, В. Серошевского. Тана (Богораза), И. И Майнова («На закате народовольчества», «Былое», 1922 г., № 18) и мн. др. разной художественной ценности. Очерки эти дают полное представление о гнетущем влиянии приполярной природы на заброшенного в тайгу человека. Хотя район приисков находится южнее якутских улусов, но общий колорит снежной тайги остается одинаково суровым и безнадежно-мрачным.

не имеется. Золотопромышленники обязаны по договору доставить рабочих по окончании срока найма за свой счет до "жилого места" по указанию Горнозаводского Присутствия. До 1912 г. таким местом был гор. Киренск на Лене, в 1000 верстах от Иркутска; потом рабочим удалось добиться признания таким местом пристани Жигалово (400 в. от Иркутска). Но и Жигалово еще не "жилое место",—рабочий не может достать здесь никакой работы и должен добираться дальше до Иркутска. Особенно было тяжело положение рабочих, уволенных золотопромышленниками до срока найма, благодаря тому, что Ленское Товарищество не было обязано доставлять уволенных за свой счет до жилого места, а лишь выдать паек сухарей за время прохода их до жилого места. В этом крылась одна из главных причин кабалы рабочих на промыслах в дальней тайге: страх остаться без работы и хлеба в пустыне заставлял со всем мириться, всему подчиняться. Расчет рабочих зимой, осенью или весной (особенно зимой и осенью, так как весной рабочие, по их выражению, начинали "оттаивать"), сделался могучим оружием в руках администрации Товарищества с того момента, как большинство приисков района перешло в его руки. Ранее, когда существовала Компания Промышленности, основанная Сибиряковыми, и производились работы на приисках Ратькова-Рожнова, помимо Ленского Товарищества был спрос еще почти на 3000 чел. рабочих, а потому расчет не был страшен рабочему. С переходом же в руки Ленского Товарищества почти всех крупных приисков о рассчитанных рабочих стали даваться сведения во все приисковые конторы Товарищества, как бы далеко они друг от друга ни отстояли, и Товарищество присвоило себе право делать отметку об увольнении на паспортах. При таких условиях рабочему не оставалось иного выхода, как терпеть без конца или превращаться в "копача"—хищника золота,—ему неоткуда было ждать помощи и защиты.

II.

Первое открытие золота в приленской тайге относится еще к 1843 году, когда в верхних притоках р. Олекмы небольшие поисковые партии нескольких ркутских купцов стали разрабатывать прииски, на которых, однако, за три года было ими добыто менее 5 пудов золота. Пионерами, открывшими золото, были, как и повсюду, в Сибири, хищники - копачи, сибирская вольница, состоящая из беглых—каторжан и ссыльно-поселенцев. Купцы, располагавшие капиталами, пошли по их следам и снаряжали приисковые партии. Почти весь штат приисковых служащих в то время вербовался из интеллигентных ссыльных. В течение времени до 1854 г. возникли прииски К. Трапезникова, которого собственно и считают первым открывателем Олекминской тайги, И. Соловьева, М. Сибирякова и других золотопромышленников, успевавших выработать уже десятки пудов золота. Следующий период местной золотопромышленности можно назвать чисто эксплоатационным: Стремление вернуть затраченный на разведки капитал и выработать возможно скорее большую сумму для уплаты процентов по этому капиталу побуждало вести хищническую систему выработки приисков. Для этой цели брали из открытых россыпей полосу, наиболее богатую золотом, оставляя в стороне породу с более бедным содержанием или передавая более бедные россыпи мелким промышленникам.

С шестидесятых годов начинается новая эра в местной приисковой жизни. Открываются системы рек с глубоко залегающими россыпями, требующими подземных, дорого стоющих работ, но за то с более мощными и богатыми по содержанию пластами. Развиваются крупные капиталистические предприятия, повышается выгодность производства. В 1860—63 г.г. было открыто несколько богатейших приисков в Олекминской тайге, по системе р. Ныгри. Но после открытия золота на р. Накатами (в системе р. Бодайбо, в 1863 году) удачная разработка новых приисков привела к отливу капиталов от Олекминской тайги, где лишь частично выработанные прииски были почти заброшены. Главное внимание золотоискателей обращается на обнаружение богатых, глубоколежащих россыпей. Именно в этот период выдвигается ряд крупнейших золотопромышленников. Добыча золота уве-

личивается до небывалых размеров, устраиваются пароходства, строятся дороги. Стоимость предметов первой необходимости понижается. До проведения железнодорожного пути, особенно в 60-х и 70-х годах, составлялись огромные состояния. На выдающихся приисках содержание золота составляло 5—10 золотников на 100 пуд. промытых песков. Золото лилось рекой. Все расходы окупались. Наживались вместе с владельцами приисков как служащие, так и рабочие.

Вслед затем поиски новых золотоносных россыпей прекращаются и одновременно оканчивают свою деятельность большинство первых, разбогатевших столь быстро, предпринимателей из среды коренного, солидного и патриархального сибирского купечества. Золотопромышленным делом заинтересовывается юркий и оборотливый промышленный капитал. Начинается новый процесс быстрой концентрации капитала в этой области, со всеми, как дальше увидим, присущими этой стадии экономического развития особенностями. Возникают и развиваются крупные предприятия золотопромышленных обществ паевого типа, как-то Прибрежно-Витимская Компания и Компания Промышленности, соединившиеся впоследствии воедино, Мало-Патомское Общество.

В 1861 г. народилось Ленское паевое товарищество; оно начало в 1863 г. работы в системе р.р. Ныгри и Атыркана; в 1882 г. часть паев перешла в руки барона Горация Гинцбурга и Торгового Дома "Мейер и К°", образовавших новое "Ленское Золотопромышленное Товарищество". С самого же первого года новое Товарищество начинает систематически скупать одни золотые прииски за другими. В 1893 г. к нему перешли прииски Товарищества Иннокентьевского дела Гинцбурга, в 1896 г.—прииски В. Базилевского на р. Ныгри. Таким образом к 1896 г. в руках Товарищества сосредоточились самые богатые прииски Олекминского округа—"дальней тайги". В том же году Товарищество из паевого превратилось в акционерное с основными акциями по 750 р. каждая. С этого времени Товарищество ("Лензото") становится наиболее крупным предприятием и распространяет свою деятельность на р. Бодайбо в Витимском округе: с 1897 г. начинает разрабатываться Феодосиевский прииск и постепенно в обладании Лензото сосредоточивается все большее и большее количество приисков по р. Бодайбо и его притокам [1]). Затем в течение 1897 г. и 1898 г. Общество дважды получило разрешение на увеличение основного капитала посредством выпуска дополнительных акций (в общем на сумму 4.500.000 р.) для производства новых разведок и приобретения новых золотоносных площадей по р. Бодайбо. Наступает сначала медленный, а затем быстрый рост предприятия: количество добываемого им золота постепенно увеличивается, число разрабатываемых и только занятых приисков ростет и стоимость дела неуклонно повышается. По мере расширения дела, возникает и ростет ряд необходимых для процветания Общества подсобных предприя-

---

[1]) В какой мере это предприятие начинает играть с этого времени сначала выдающуюся роль, а затем занимает доминирующее положение, можно судить хотя бы по следующим цифрам о добыче золота в районе:

	Во всем районе.	В том числе Лензото.	От общего количества.
1897 г.	591 п.	93 п.	15,73%
1899 "	562 "	190 "	33,80%
1905 "	521 "	236 "	45,29%
1906 "	543 "	371 "	68,32%
1907 "	558 "	393 "	70,43%
1908 "	663 "	497 "	74,96%
1909 "	785 "	644 "	82,03%
1910 "	1088 "	783 "	71,95%

(Данные приведены у А. Невского стр. 6).

С. Манухин в своем отчете приводит (прил. №№ 2—4) цифры, несколько отличающиеся по отдельным годам, но в общем сохраняющие ту же тенденцию роста. В виду их неполноты для первого периода (до 1905 г.) считаем их детальное сопоставление для наших целей излишним.

ний, не только влияющих на развитие приленского края, но особенно направленных к увеличению значения и удельного веса Ленского Товарищества среди аналогичных предприятий. Многие из последних оказываются не в состоянии выдержать соперничества и закрываются, или же влачат жалкое существование. Даже столь крупные предприятия, как Бодайбинская Компания и Компания Промышленности, одно за другим поглощаются Ленским Товариществом. К 1911 году в руках последнего концентрируется подавляющее большинство находившихся в разработке приисков и его добыча составляет более 90% всего золота приленского района. Вообще в конце прошлого и начале двадцатого столетия золотое дело не могло быть успешным при отсутствии технически правильной постановки, способствующей уменьшению расходов, и больших оборотных средств. Тем большее значение приобретают указанные условия для развития дела в столь отдаленной местности, как приленский край, с его редким населением, при затруднительности сообщения и зачаточном состоянии сельского хозяйства.

Современная золотопромышленность требует огромных производственных затрат, главным образом—по приобретению механических двигателей, устройству золотоотливных сооружений, грандиозных земляных работ и т. д. Размер затрат увеличивается в частности от того, что в приленских округах необходимо иметь наготове и постоянно пополнять не только огромные запасы материалов, но и припасов, а также многочисленных предметов первой необходимости. Следует еще иметь в виду, что промывка золота происходит только с начала мая и прекращается вместе с замерзанием рек, что бывает уже в сентябре; поэтому предприятие получает доходы лишь в летние месяцы, расходы же несет круглый год. Обстоятельство это вызывает необходимость в обеспечении дела кредитом в долгие зимние месяцы. Те предприятия, которые такого кредита не имеют и не обладают надлежащим запасом оборотного капитала, не могут расчитывать на жизнеспособность. Между тем, в обеспечении себя дешевым кредитом золотопромышленные предприятия того времени встречали значительные затруднения. В золотом деле имеется всегда большой риск, удача играет в нем весьма крупную роль. Непрерывность доходности предприятия зависит от длины золотоносной россыпи. Истощение ее, при отсутствии новой богатой жилы, обрекает дело почти на внезапную смерть. Производство же многочисленных разведок и оборудование новых приисков сопряжены с увеличением затрат при невозможности даже предвидеть то время, когда они окупятся. Все это учитывается кредиторами не в пользу золотопромышленников.

Ленское Товарищество также столкнулось с указанными затруднениями в области частного кредита и неоднократно обращалось за помощью к Государственному Банку, который еще с 1893 года оказывал ему кредит. В этом году последовало высочайшее дозволение на открытие Банком кредитов под будущее золото, в размере 2/3 стоимости ожидаемой по смете на данную операцию добычи.

До операции 1899—1900 г. выдававшиеся Банком ссуды погашались Товариществом исправно. Упомянутая же операция закончилась недомывом золота против преувеличенной сметы, причем долг Банку остался непогашенным, а недостаточность кредита на следующий год потребовала выдачи дополнительной ссуды, и остаток непокрытого золотом долга Банку, ввиду нового недомыва, сразу увеличился до 1:750.000 рублей.

К началу операции 1901—1902 г. предприятие пришло в совершенное расстройство. Тогда, пользуясь тем, что еще гремела слава о неимоверном богатстве промыслов Товарищества, владельцы его составили акционерное общество и продали ему предприятие, получив за него около 6½ миллионов рублей акциями, в расчете с выгодою продать акции. К этому было направлено все дальнейшее ведение дела. Так как золото в оставшихся приисках было неважное и расходы на добывание его не покрывались, то вот, покупаются прииски разных лиц и производятся собственные заявки на приобретаемые путем выпуска новых акций средства. Дело рекламируется всевозможными способами, на промыслах вводятся технические усовершенствования, начали промывать пески зимою. Все это, однако, приносило громадные убытки. Пред Госуд. Банком возник вопрос: закрыть ли Това-

риществу кредит и этим обречь на гибель крупнейшее золотое дело Сибири, или, решив его поддержать, открыть ему почти неограниченную помощь. После долгих колебаний Банк избрал второй путь. Дело было реорганизовано. В состав нового правления вошел, между прочим, представитель Банка.

С этого времени начинается усиленное расширение операций Товарищества, для которого открывшийся источник оборотных средств явился поистине золотым дном. Главное обстоятельство, послужившее для быстрого развития производительности Товарищества, заключалось в возможности усилить разработку богатейшего Феодосийского прииска, требовавшую огромных расходов по водоотливу. Дела Товарищества пришли в блестящее состояние. Воспользовавшись поступлением богатой добычи золота, Товарищество стало расширять круг своей деятельности и укреплять возраставшее свое влияние на промышленную жизнь всего приленского края. Товарищество приобрело (1909 г.) от Компании Промышленности железную дорогу, а затем (1910 г.) дело Ленско-Витимского Пароходства Сибирякова и Базанова и 122 прииска "Компании Промышленности в Сибири". К концу 1910 г. Лензото заканчивает концентрацию золотопромышленного дела в Витимско-Олекминском районе и превращается в монопольного владельца.

В его распоряжении сосредоточилось уже 423 прииска, с общей поверхностью свыше 38.600 дес., из которых большинство приисков с 85% земли составляли собственность Лензото и только 54 прииска было им арендовано у Государственного Банка. Но все это не удовлетворяло Лензото. В 1911 г. оно приобретает концессию "Северо-Восточное Сибирское Общество" (Вонлярлярского) и основывает Общество для постройки Ленской жел. дороги, протяжением более 2000 верст, которая должна была соединить г. Бодайбо и золотые прииски со станцией Сибирской ж. д. Все это позволяет Лензото распространить свое влияние далеко за пределы края.

Не все годы Товарищество пользовалось успехом в своих операциях. После периода умеренной прибыли в 1897—9 годах наступил период громадных убытков. Правда, это было вызвано, главным образом, затратами на устройство подземных водоотводных канав (штрейхов), заменивших собою дорого стоющие водоотливные машины и давших возможность работать под руслом реки. Лензото могло бы погибнуть, если бы на помощь к нему не пришел Государственный Банк (кредитование в частных учреждениях стало к 1901 г. невозможным). Но кредит, открытый Государственным Банком, не давал возможности расширить оборотные средства и прибыль, так как все доходы шли на погашение долга Банку. В виду этого Товарищество вошло в соглашение с английскими капиталистами, образовавшими в Лондоне "Lena Goldfields Company limited".

С 1904—5 операционного года начался под'ем прибыльности предприятия По операционным годам прибыль Лензото составляла: 1904/5 г.—86.117 р. 74 к., 1905/6 г.—57.536 р. 87 к., 1906/7 г.—290.168 р. 09 к., 1907/8 г.—1.997.604 р. 03 к., 1908/9 г.—4.908.852 р. 07 к., и 1909/10 год—6.812.925 р. 66 к.

Однако, прежние убытки еще долгие годы угнетали бы Товарищество, если бы не состоялось уменьшение номинальной стоимости акционерного капитала до его фактической стоимости. К октябрю 1909 г. он равнялся номинально 11.100.000 р., фактически же был значительно ниже,—согласно высочайшего повеления он был сокращен на 40%. Благодаря этой чрезвычайной операции Банка, признавшей каждый рубль капитала Товарищества равным 60 коп., номинальная цена акций была сокращена с 750 рублей кредитных до 450 руб. В результате Лензото не только покрыло полностью убытки прежних лет, но и получило возможность играть на повышение и поднимать биржевую цену своих акций,—биржевая игра служила источником быстрого обогащения. Стоимость акций увеличилась в двенадцать раз.

На ряду с этим внешним успехом Товариществу удалось занять господствующее положение в местной экономической жизни, что позволило ему захватить различные побочные источники доходов. Так, являясь единственным крупным покупателем в крае, оно начало диктовать цены своим поставщикам, которые в свою очередь перекладывали бремя на население края. Договоры, заключаемые с поставщиками,

преимущественно якутами, носили кабальный характер. Продавая товары своим рабочим, Лензото стремилось сделаться монополистом и в этой области, препятствуя им покупать у частных торговцев. Закупка в массовом количестве хлебных продуктов, овощей, мяса, леса, дров и т. д. поставила в полную зависимость от Товарищества все приленское как русское, так и якутское население, раскинутое на пространстве радиусом в 1500 верст. В 1911 г. в руках Ленского Товарищества сосредоточилось все местное "земское" хозяйство, т. е. заведывание теми денежными средствами, которые золотопромышленники согласно закона [1]) обязаны были отпускать казне на содержание горно-полицейской стражи, мест заключения, почтового сообщения между Витимом и Бодайбо, на содержание квартир чинов тюремного управления, почтово-телеграфного ведомства и окружных горных инженеров, на добавочное вознаграждение мировых судей и т. д. (в 1910 г.—70.000 р.). Раскладка этих сумм возлагалась на Совет С'ездов золотопромышленников. Фактически Совет С'ездов, кроме этих обязательных расходов, нес еще добровольные довольно значительные расходы на хозяйственные нужды, как-то: содержание и пересылку арестантов и хроников, раз'езды должностных лиц, ремонт приискового тракта, содержание двух больниц и приюта, вознаграждение священникам и т. д. Но так как Совет С'ездов существовал на основании временного закона, действие которого кончилось в 1910 г., то с переходом к Товариществу приисков Компании Промышленности (после чего в крае не осталось других более или менее крупных золотопромышленников), Лензото, принужденное платить почти всю сумму [2]) раскладок, заявило правительству, что берет на себя все обязанности и права Совета. Этим Лензото поставило себя в положение ленного владетельного княжества, платящего "пособие" своему сюзерену—казне и располагающего, благодаря этому, всей полнотой власти в этом далеком крае [3]). Нет нужды особенно подробно раз'яснять, в какую моральную и фактическую зависимость от Лензото попали после этого все органы местной правительственной как административной, так и судебной власти: Товарищество тысячью житейских мелочей (напр., отводом плохих помещений, отказом в ремонте, задержкой лошадей и т. д.) могло производить на них давление.

В своем отчете за 1910 г. окружный горный инженер Витимского округа писал: "Если принять во внимание, что Ленское Товарищество скупило у К-о Промышленности и Прибрежно-Витимской все ее пароходы, рейсировавшие по рекам Лене и Витиму, а в прошлом 1909 г. купило Бодайбинскую жел. дорогу и что, наконец, главнейшие магазины в приисковом районе принадлежат тому же Товариществу, то развертывается вполне ясная картина того, как Ленское Товарищество превратилось здесь в могущественнейшую торгово-промышленную организацию, притом почти на монопольных началах. В какие формы отольется в будущем монополизация Ленским Товариществом всего золотопромышленного дела в округе, в настоящее время еще нельзя сказать что-нибудь определенное, но во всяком случае, по мнению окружного инженера, правительству необходимо теперь же обратить самое серьезное внимание на создавшееся в округе положение, в целях своевременного устранения возможных вредных последствий подобного сосредоточения всех сторон торгово-промышленной жизни в округе в зависимости от одного лишь Ленского Товарищества. Вопрос о борьбе со всеми вредными антиобщественными и антигосударственными стремлениями и поползновениями могущественных торгово-промышленных организаций, с так называемыми трестами, выдвинут жизнью даже в таких промышленно развитых странах, как С.-А. Соединенные Штаты и Англия, и вопрос этот в последние годы все более и более обостряется. В России вообще и в частности в Восточн. Сибири, при малом развитии капитализма, борьба с возникающими трестами лишь намечается, но для Витимского Горного округа и соседнего

---

[1]) „Временные правила об устройстве общих и местных с'ездов золотопромышленников и платинопромышленников" (высочайшее утвержд. 20 декабря 1911 г.).

[2]) Расходы Товарищества на указанного рода надобности составляли: в 1908-9 г.—285 т. р., в 1909-10 г. 310 т. р., в 1910-11—374 т. р. и т. д.

[3]) Эта меткая характеристика принадлежит авторам „Правды о Ленских событиях" (стр. 13).

с ним Олекминского создавшийся трест в лице Ленского Товарищества является уже жгучим вопросом текущего дня. Ленское Товарищество стало теперь единственным вершителем судеб обоих соседних Витимского и Олекминского Горных округов в отношении добычи золота [1]), оно является единственным владельцем местного железнодорожного пути и главным властителем в торговом мире на приисках и в пароходном деле по р. Витиму и частью по реке Лене и, наконец, оно осталось здесь единственным рынком для спроса рабочих рук и служащих лиц. Но не один только Витимо-Олекминский золотопромышленный район вместе с г. Бодайбо стал в полную зависимость от Ленского Товарищества. Почти весь бассейн р. Лены, весь Верхоленский уезд и отчасти Балаганский и Нижнеудинский уезды Иркутской губ. сбывали до сих пор свои сельско-хозяйственные продукты золотопромышленникам Витимско-Олекминского района. Почти все довольно обширное скотоводство Якутской области существовало только благодаря сбыту скота на прииски. И вот, в этом обширном Приленском крае единственным покупателем всех сельско-хозяйственных продуктов осталось теперь одно Ленское Товарищество, могущее отныне диктовать всему этому краю свои цены и правила приемки продуктов и разных материалов. Окружный инженер отлично сознает, что на нем, как главнейшем местном представителе правительственной власти, лежит отныне большая ответственность и сложная задача, оставаясь нелицеприятным, беспристрастным и вполне об'ективным, следить и принимать своевременно законные меры к тому, чтобы монополизированная деятельность Ленского Товарищества не принимала слишком вредного направления в ущерб дальнейшему правильному развитию местной золотопромышленности и чтобы между приисковою администрациею и рабочим людом неизменно устанавливались нормальные, здоровые отношения, основанные на законности, порядке и справедливости".

Имея сильную поддержку в Петербурге, экономически господствуя на месте, Товарищество могло безнаказанно злоупотреблять своей властью. Когда окружный инженер пытался заставить Товарищество соблюдать законы по охране труда, министерство торговли и промышленности (июнь 1911 г.) поставило на вид ему, что "исполняя свои обязанности в той их части, которая касается охранения законных интересов рабочих и останавливаясь при этом на чисто формальной почве требований закона, он в то же время почти совершенно игнорировал интересы предприятия". Поэтому министр предлагал, при осуществлении горного надзора, "наряду с самой стойкой защитой справедливых и законных требований рабочих, не упускать также и интересов предпринимателя", причем указывалось, что лицо, стоящее во главе приисков, известное с лучшей стороны министерству, служит порукой "правильной постановки предприятия". Естественно, что подобные инструкции из Петербурга парализовали надзор со стороны местных правительственных органов [2]).

III.

Первоначальный классический тип "таежного" рабочего, представителя сибирского бродячего люда, постепенно исчезает и сменяется рядовым крестьянином-хлебопашцем.

Несмотря на это, существует еще мнение, будто подавляющее большинство рабочих в Сибири составляют каторжные и ссыльно-поселенцы. Труд ссыльно-каторжных на приисках был введен в 1871 г. циркуляром сибирского генерал-губернатора, но это распоряжение впоследствии было отменено, и если в прежние годы, действительно, ссыльно-поселенцы преобладали на приисках, то уже в конце 90-х годов 19 века они не превышали 25% общего числа рабочих. Для ссыльно-поселенца

[1]) В 1911 на Лензото падало 97,6% всего добытого в районе золота.

[2]) Письмо приводится целиком „Правдою" о Ленских событиях" (прил. №. 90, стр. 103) и цитируется Манухиным („Отчет", стр. 61), корректность которого, очевидно, была задета характером министерского внушения.

прииски являлись желанным местом: здесь не считались с его прошлым, а ценили только его труд. Попавшие на прииски ссыльно-поселенцы проводили там многие годы, пока тяжелый труд не выводил их окончательно из строя. Представление о работе каторжных на приисках отчасти перенеслось и на современных рабочих, на которых и поныне продолжают нередко смотреть, как на совершенно обособленный класс населения Сибири, имеющий свои особые порядки и традиции и носящий особый отпечаток "золотой тайги".

Такой взгляд, однако, не соответствует действительности. Правда, среди немногочисленного населения Ленской тайги можно встретить и ныне людей не только с запятнанным прошлым, но и с темным настоящим. Это, так называемая "шпана" или местные хулиганы. Но среди приисковых рабочих, в особенности же в больших предприятиях, подобных Ленскому Товариществу, таких людей старательно избегают. Не имея крова, люди эти бродят с места на место, снискивая себе пропитание теми способами, которые в то или иное время подвернутся под руку, не брезгая никакими средствами. Бывают случаи, когда и рассчитанный увольнением приисковый рабочий, потеряв возможность зарабатывать себе хлеб честным трудом и не будучи в состоянии возвратиться на родину, вынужден обратиться в бродягу-таежника. В свое время ссыльно-поселенец и бродяга, как приисковый рабочий, ценился золотопромышленными компаниями очень высоко. Так, напр., в отчете Ленского Товарищества за 1896/7 г. значится: "поселенец желательный элемент для тайги, требующей знакомства и навыка в работах. Постоянного населения в тайге нет и контингент жителей в тайге совершает беспрерывный обмен сил. На смену бывшим единицам являются новые, которым нужен известный период времени для того, чтобы приноровиться к работам и стать полезным рабочим в тайге. Крестьяне и лица свободных состояний смотрят на тайгу, как на средство в 1—3 года поднять упавшее на родине хозяйство, и сколотивши известную сумму денег, они уезжают и редко возвращаются обратно. Для поселенца же тайга вторая родина, более желательная, чем места их причисления".

За последние годы ссыльно-поселенцы в Витимском и Олекминском горных округах, как общее правило, не водворялись и не [illegible] пользовались только правом временных отлучек туда для работ на частных золотых и платиновых промыслах. Каково действительное число ссыльных, проживающих в тайге, сказать трудно, так как в виду несовершенства надзора за ссыльными последние нередко самовольно отлучались из мест приписки. Весьма поэтому вероятно, что некоторые из ссыльных нелегально проживали в Витимском и Олекминском округах, куда они стремились из-за неблагоприятных условий жизни в соседних Киренском и Верхоленском уездах и возможности найти ничтожный заработок лишь в волостях по берегу реки Лены[1]). В общем же, ссыльный элемент, как на приисках Товарищества, так и во всей Ленской тайге, в последние годы был представлен в весьма ограниченном количестве. Подавляющее большинство контрактовых рабочих составляли крестьяне, прибывшие из разных мест России.

Когда только еще начиналась разработка золотоносных площадей Витимского и Олекминского горных округов, наем рабочих на прииски представлял для золотопромышленников значительное затруднение. Населения в тайге не было, не было и рабочих рук, а ближайшее от приисков "жилое место", с. Витим, находилось в 300 верстах, и там также нельзя было найти достаточного количества рабочих. Приходилось отправлять служащих для производства найма далее вверх по Лене, в с. Киренское и даже в Иркутск, причем нанятым в этих местах рабочим выдавались более или менее крупные задатки, чтобы они имели возможность добраться до приисков.

[1]) На приисках Ленского Товарищества в июне 1912 г. работало 99 человек ссыльных, и 12 человек было расчитано за операцию 1911-12 г., кроме того состояло 40 служащих из ссыльно-поселенцев; политических ссыльных состояло на службе 6 человек, а 27 были рабочими; проживавших без надлежащего разрешения на приисках Товарищества и его отводах было обнаружено лишь 4 человека.

"В пятидесятых и шестидесятых годах—говорит знаток сибирской жизни [1])—слышатся уже жалобы и плач на истощение золота; оказалось, что приемы нашей разработки золотых руд были такие же хищнические, как и в других отраслях промышленности. Гоняясь за фунтом лишнего содержания, мы снимали золото только сверху, а остальное погребали в отвалах. Самая обстановка труда на золотых приисках была в высшей степени безобразная, действительно каторжная; все предоставлялось простой случайности и произволу эксплоататора, где не было ничего похожего на человеческие отношения к труду и положению рабочего. Таким образом, золотопромышленность прошла каким-то мертвящим ураганом по Томской и Енисейской губерниям и теперь совершает последние подвиги на Олекме, за Байкалом и на Амуре".

С развитием золотопромышленности, Иркутская губерния и Якутская область уже не могли более удовлетворить потребность в рабочих руках и приисковые управления начали посылать своих агентов не только в другие местности Сибири, но весьма часто и в Евр. Россию. Затруднительность найма заставляла компании и отдельных золотопромышленников дорожить рабочими и удерживать их посредством повышенной платы.

В последнее же время рабочие сами, в надежде на хорошие заработки, стали на свои собственные средства добираться из разных мест России до Ленских приисков, рассчитывая попасть на работы в крупные золотопромышленные компании. "Неподвижность обывателя средних губерний России—пишет один из новейших исследователей Ленского золотопромышленного района [2])—была разбита частью русско-японскою войною, частью же начинавшимися переселениями в Сибирь, где они также не нашли желаемого рая и созданное годами предубеждение против тайги, где по старым повериям был "каторжный труд" и "тайга—зверь", поколебалась и в тайгу начался наплыв людей, ищущих работы".

Конечно, золопромышленник перестал дорожить рабочими; он имел возможность делать выбор между ними и принимать к себе более здоровых и сильных физически людей.

Из всего количества рабочих (7638 чел.) на приисках Товарищества в операцию 1911/12 г. Европейская Россия дала около 52%, а Сибирь—48%.

Наибольшее количество рабочих [3]) из губерний Европейской России дали в круглых цифрах (в процентах): Симбирская—12, Нижегородская—10, Вятская—10, Костромская—6, Пермская—4, а из Сибирских: Тобольская—18, Иркутская—10, Енисейская—8, Томская—5.

Однако, другой исследователь [4]) держится того мнения, что общее количество "задолженных" (т. е. занятых) на приисках Товарищества рабочих вообще не поддается точному учету, так как подвергается сильным колебаниям по сезону, в зависимости от наплыва пришлого элемента, случайных рабочих, и от окончивших срок найма. Еще в отчете о своей поездке на прииски один из руководителей дела [5]) писал: "в операцию 1897—98 г. на приисках Ленского Товарищества было затрачено около 3000 годовых рабочих поденщин. Когда я был на приисках, количество рабо-

---

[1]) Н. М. Ядринцев. Сибирь как колония (Спб. 1882 г.), стр. 238—9. См. особенно гл. VII (История эксплоатации богатств на востоке).

Много данных, обрисовывающих жизнь и труд упомянутых групп таежного населения в исторической перспективе, содержатся также в следующих исследованиях:

Н. Флеровский. Положение рабочего класса в России. Наблюдения и исследования. (Спб. 1869 г., ч. III, гл. 1 Работник-прискатель. Стр. 281—306).

В. П. Семевский. Рабочие на Сибирских золотых промыслах. (Спб. 1898 г., т. II, гл. VI. Прииски Олекминского округа с 1870 г. до начала 90-х годов. Стр. 290—505).

[2]) И. Ф. Садовников. Материалы для технико-экономического исследования Витимско-Олекминского промышленного района, стр. 58 (цитируем по „Отчету" С. Манухина, стр. 78).

[3]) Отчет С. Манухина, стр. 79.

[4]) А. Невский, Ленские события и их причины, стр. 11—12.

[5]) Барон Альфред Гинцбург. Отчет поездки на прииски Ленского Золотопромышленного Товарищества. СПБ. 1899 г. (Цитируем по книге А. Невского, стр. 11).

чих было на убыли, как обыкновенно бывает к концу летних работ, и всего команда состояла из 2000 рабочих". В последующие годы такого значительного изменения в численном составе рабочих уже не наблюдается. Сокращение колебания числа рабочих зависит в значительной мере как от постепенного сосредоточения всего золотого дела района в руках Ленского Товарищества, так и от тех мер, которые приняло Товарищество, чтобы обеспечить себя более постоянным кадром рабочего персонала и приучить рабочих к более продолжительной работе на приисках (введение, например, двухгодичного найма).

Устанавливаемое отчетами Товарищества число рабочих далеко не соответствует действительному, так как в отчетах фигурирует теоретическое число, полученное от деления всех поденщин на 365 дней. Между тем на приисках всетаки значителен тот бродячий элемент, который то работает, то уходит с приисков, то числится рабочим, то в тайге промышляет золотом в качестве старателя. Поэтому нельзя без большой погрешности считать, что каждый рабочий находится на приисках в течение круглого года.

По примерному подсчету [1]) число рабочих, так или иначе работавших на приисках Товарищества в течение года, определяется, не считая женщин и подростков, приблизительно в 8 тыс. человек, а все население приискового района Товарищества колеблется в пределах от 25 до 30 тыс. человек, которые и являются заинтересованными в тех или иных событиях приисковой жизни [2]).

В январе 1912 г. у Ленского Товарищества было занято: 5514 чел. в работах и 1141 чел. не в работах. Обследование [3]), предпринятое в том же году и коснувшееся 4383 рабочих, дало следующие результаты:

Возрастный состав: моложе 21 г.—198 чел.; от 21 г. до 30 л.—1928 чел.; от 31 г. до 40 л.—1252 чел.; от 41 г. до 50 л.—253 чел.; старше 50 л.—22 чел.; не дали сведений—730 чел.

Среди 4383 рабочих было 1826 чел. грамотных, 1808 неграмотных и 749 чел. не дали о себе сведений.

По семейному положению делились: холостых—1178 чел.; женатых—3170 чел.; вдовых—26 чел.; не давших сведений 9 чел.

Так как рабочие могли привозить жен и семьи лишь с разрешения Товарищества [4]), то ограничение семейных прав на приисках следует признать широким: из 3170 женатых 1615 чел. имели жен и семью на приисках, а 1440 чел. оставили их на родине.

Женщин на приисках, живущих при мужьях, зарегистрировано было 1615 чел., детей—2383 чел. (в том числе 10 детей при вдовцах). Детей на родине оставалось 2780 чел. Среди семейных главную группу составляли семьи с 1—2 детьми (55,17 проц.), но встречались довольно часто и многодетные семьи (12,57 проц.— по 3 ребенка, 4,52 проц.—по 4 реб., 1,55 проц.—5 детей, 0,55 проц.—по 6—8 детей).

---

[1]) А. Невский, указ. соч.

[2]) В 70-х годах, по данным горного ведомства, на промыслах Олекминского округа в среднем за 10 лет было 6700 рабочих, в 80-х—5808, в 90-х (1890-94 г.г.)—7125. Количество действительных рабочих обоего пола было в 80-х г.г. minimum—10.543 ч. (в 1881 г.), maximum—13.166 (в 1889 г.), а в среднем за 9 лет—11.627 чел.

См. В. И. Семевский, указ. соч. т. II, стр. 323 и 875.

[3]) См. „Правда о Ленских событиях", стр. 16-18.—и таблицы, прил. №№ 22 и 23 (стр. 57-59).

[4]) Вот что гласил п. 12 договора найма рабочих на операцию 1911—12 г. (см. прил. № 18 к „Отчету" сенатора Манухина и прил. № 4 к „Правде о Ленских событиях, где приводится целиком договор): „На прииски мы должны, нанявшись на работу, являться одни, семьи свои можем приводить не иначе, как получив на то письменное разрешение управления. И в последнем случае пришедших с нами женщин и подростков обязуемся по требованию управления посылать на работу, отказываться от которой прибывшие с нами члены семьи не в праве, в противном случае подлежат удалению с приисков. В случае несогласия со стороны мужа (отца или брата) на удаление семьи с прииска, управление в праве расчитать рабочего, как нарушившего контракт.

Большая часть женщин и детей жила в казармах. Но некоторое число семей (200—300), приехавших без разрешения и недопущенных в казармы, проживало в ужасных, не поддающихся описанию условиях.

Считая по числу годовых операций (т. е. с 1 октября по 1 октября), работали из общего числа 4383 рабочих [1]): в течение 1 операции—1530 чел.; 2—3 операций—1762 чел.; 4—5 операций—551 чел.; 6—10 операций—402 чел.; больше 10 операций—132 чел.; не дало сведений—6 чел.

Таким образом, имелась група в 24,75 проц. всего числа рабочих [2]), составлявшая ядро "команды", в смысле опытности, работавших более трех операций.

Проработав две, много три и редко четыре и более операций, рабочие обыкновенно возвращались на родину или в места своих приписок, причем иногда с некоторою суммою заработанных денег, в большинстве случаев весьма незначительною, а чаще в том же состоянии, в каком они вышли из дому, с расстроенным лишь тяжелыми горными работами здоровьем. Правда, попадаются среди них счастливцы, возвращающиеся домой с крупным заработком, но таких очень немного. Иногда рабочий, отдохнув год—другой дома, вновь идет на прииски, работает там одну или две операции, а затем опять уходит. Из имеющихся данных усматривается, что наибольшее количество работают две операции, а работающих первую операцию около одной трети общего числа рабочих, на третью операцию остается уже значительно меньше, а на четвертую и последующие—менее одной седьмой части общего числа рабочих.

Следует заметить, что только очень здоровые физически люди, обладающие большею мускульною силою, в состоянии проработать в шахтах более двух-трех операций под ряд [3]). Люди среднего сложения с трудом могут вынести даже одну операцию; принимать таких людей на работу Товарищество избегало, делая из году в год подбор наиболее сильных рабочих, почему многие из состава рабочих поражали исследователей своим атлетическим телосложением.

Состав рабочих на других приисках Витимского и Олекминского горных округов, в общем, нечем почти не отличался от состава приисковых рабочих Ленского Товарищества. Разницу составляло лишь качество самих рабочих. Ленское Товарищество, как самое богатое, имело возможность и неоспоримое преимущество нанимать более крепких и здоровых рабочих; на долю же других промышленников оставались люди более слабые.

Помимо контрактовых рабочих, составляющих наибольшую часть временного населения Ленской тайги, в которой постоянного населения почти несуществует [4]), в Витимском и Олекминском горных округах проживают еще в значительном числе лица, об'единяющиеся в отдельные группы на почве снискания себе пропитания или в жажде обогатиться путем добычи золота. Это—так называемые золотничники, старатели и хищники или "копачи". Кроме того, возле приисков ютятся и рабочие разного рода подрядчиков, преимущественно по лесным разработкам, так называемые "отрядные"—наиболее жалкий и угнетенный люд в тайге, состоящий, главным образом, из обрусевших инородцев—якутов.

Когда владелец или арендатор прииска отдает весь прииск или отдельные его части артелям рабочих, которые обязаны все вырабатываемое золото сдавать владельцу за плату с золотника добытого золота, то такое предприятие называется "золотничным", а рабочие, производящие добычу за свой страх и риск, "золотничниками". Этот мелко-кустарный способ разработки представляется с точки зрения технической, весьма нежелательным, так как каждый золотничник или артель их

[1]) Данные эти не вполне совпадают с приводимыми сен. Манухиным (стр. 79) для 6216 рабочих, бывших на работах к 1 марта 1912 г., но общий вывод из обоих рядов цифр весьма близок.

[2]) По данным сенатора Манухина эта группа в 14%—15%.

[3]) Д-р Е. Н. Коренев. Очерк санитарно-экономического положения рабочих на золотых промыслах Витимско-Олекминской системы (1903 г.), стр. 168 (цитируем по отчету Манухина, стр. 80).

[4]) Если не считать города Бодайбо с населением в 4000 чел.

смотрит на него, как на временную, стесненную краткосрочностью летнего периода, работу и они вовсе не заинтересованы в сохранении ценности месторождения золота. Вследствие этого месторождение неминуемо портится и дальнейшая рациональная его разработка затрудняется настолько, что позднейшая постановка хозяйских работ на площадях, предварительно разрабатывавшихся золотничниками, представляется в большинстве случаев невозможною. Поэтому для золотничных работ были установлены в 1905 г. особые правила [1]) (разрешение окружного горного начальства, возложение ответственности за ведение и безопасность работ на заведывающего работами или владельца прииска), но они малодействительны. Кроме того, золотничники были подчинены общим правилам о найме рабочих и правилам внутреннего распорядка. В одном только случае золотничные работы представляются отчасти и необходимыми—это по отработке старых приисков, брошенных предпринимателями по невыгодности работ. Здесь золотничники с успехом отрабатывают то полоски золотого пласта, оставленные по недосмотру, то такие пропластки и месторождения, которые крупному промышленнику разрабатывать уже невыгодно. Работы золотничников, в особенности на заброшенных приисках, чрезвычайно опасны: "нужно только иметь представление [2]) о ведущихся золотничниками работ, например, в старых подземных выработках: вход в орты обыкновенно затоплен, отвести воду нет сил, золотничники прокладывают помосты из досок, остается свободного пространства для движения около 1½ аршина, по нему двигается золотничник с тачкою, нагруженной породою. Иногда крепления в шахтах или ортах настолько осели, что, так тесн, человеку пролезть негде, золотничники дальше выбирают породу руками. При надземных работах или пробивают узкий разрез, из него подработывают низ по борту на аршин и больше, при ежеминутной опасности быть задавленными, или же практикуется, если торф толще 5—6 аршин, ямный способ. Выбивается дудка, редко с естественным скатом, обыкновенно почти с отвесными бортами и внизу ее, по золотосодержащему пласту ведется подработка, без крепления, конечно. Несчастные случаи особенно часто бывают при таких работах и даже со смертельными исходами". Изложенное о золотничниках относится и к старателям. Система и способы добычи золота у них одни и те же; они подчинены одним и тем же правилам, разница заключалась лишь в том, что золотничник получал определенную плату за каждый сданный им золотник золота, старатель же допускался к разработке приисков за ежедневную арендную плату, независимо от количества добываемого золота.

Старатели и золотничники большей частью работали в местах, отдаленных от приисковых центров, а потому и были лишены возможности пользоваться теми, хотя и скромными преимуществами, которые соединены с последними. Продукты питания они не всегда могли получать в достаточном количестве; жили они в балаганах, старых зимовьях и других непригодных для жилья постройках, часто без полов, с рамами, затянутыми вместо стекол коленкором. Владелец же прииска не заботился о состоянии жилища старателей и золотничников,—они по контракту обязались иметь свои собственные жилые помещения. Это обратило на себя внимание горного надзора. В 1901 г. было постановлено, чтобы золотопромышленники строили для золотничников дома или казармы, взимая плату по таксе. Но требование это далеко не всегда соблюдалось. Ленским Товариществом золотничные и старательские работы практиковались как в уже отработанных приисках, так и в нетронутых, содержащих золотоносные пласты местах, притом иногда в значительных размерах (например, старательские работы по р. Бульбухте и др.).

В ином положении находились хищники-копачи, законом преследуемые. Хищничеством в Ленской тайге обыкновенно называется всякое уклонение в способе добычи золота от установленных законом правил, с нарушением прав собственности на золото владельца поверхности, и пользование недрами без оплаты подесятинным налогом. Наиболее преследуемый род хищничества, это самовольная добыча золота из

[1]) „Правила производства золотничных и отрядных работ" (Собр. узак. 1905 г., ст. 1579).
[2]) И. Ф. Садовников, указ. соч., стр. 54.

шахт или разрезов, разрабатываемых средствами золотопромышленника. Работая в оставленных уже шахтах, копачи подвергаются постоянно опасности быть раздавленными обвалом от подгнивших крепей; в шахтах же, где еще производятся работы, им грозит опасность от угара, так как в них производятся пожоги—раскладываются костры из углей для того, чтобы оттаять вечную мерзлоту грунта. Постоянно под страхом гибели или быть пойманными охраной шахт, копачи проводят безвыходно под землей 2—3 недели и в случае удачи выносят несколько фунтов золота;—тогда начинается грандиозный кутеж. Этот род хищничества наказывался, как присвоение чужой собственности. Распространенным же родом хищничества являлась самовольная разработка либо старых брошенных приисков, либо чужих заявок, либо свободных казенных земель, без особых заявок. Эти хищники называют себя "вольными приискателями".—их карают как за самовольную добычу полезного ископаемого на чужой земле.

По словам одного исследователя таежной жизни [1]), "хищники являются следствием тяжелых условий трудового [illegible] ежегодного выбрасывания рабочих рук с приисков вследствие каких либо причин—пьянства, кражи, грубости, а также утраты трудоспособности и друг. Немаловажную роль играет, как приманка, обширность района с массою золотоносных речек и ключей, слабость и распущенность [illegible] надзора. [illegible] с приисков, [illegible] поработать на свой риск. [illegible] [2]). [illegible] 90-х годах, они расселились по всей тайгам и как-то [illegible] золотопромышленники, не соблюдая правил о найме, часто [illegible]—хищничать... [illegible] в виде поощрения, [illegible] [illegible]

Хищник [illegible]

[illegible]

Борьба с кражею золота представляет много трудностей не только в виду того, что ценность его является большим соблазном для рабочих, но главным образом в силу той особой психологии приисковых рабочих, которые не признают золото в песке собственностью владельца прииска [1]). Для них это своего рода res nullius, как для русского крестьянина—лес, и они не считают, что, утаивая часть найденного золота, они совершают кражу. На под'емное золото принято смотреть, как на добавочную плату забойщикам. Однако, по существу эта добавочная плата выдавалась как бы премией за неутайку золота, принадлежащего владельцу прииска.

На возможность нажиться от под'емного золота рабочие привыкли смотреть как на свое неот'емлемое священное право. В этих целях чередовали, для соблюдения справедливости, в золотых забоях не только всех горных рабочих, но и всех ра[illegible]чинцев, даже конюхов и плотников. Это, конечно, отзывалось на успешности работ, тем более, что даже хорошие забойщики больше заняты разыскиванием самородков, чем добычей песков.

Способ добычи золота старательскими, золотничными и хищническими работами имеет вредное влияние и на общеконтрактовых рабочих. Под'емное золото развращает рабочих и прямо толкает их на грубый обман и воровство. Так как рабочий, получивший свой пай за сданное в кружку нашурфованное золото, в качестве „проворовавшегося“ золотом должен уступить свое место другому, то забойщики [illegible] чтобы не обнаружить найденное, а продать самородки [illegible]

[illegible]

---

[1]) [illegible]

питания, санитарное положение и медицинская помощь,—словом все те стороны рабочей жизни, совокупность которых определяет большую или меньшую степень материального благополучия, начинает властно формировать сознание среды, постепенно придавая ей черты общего рабочего класса. С каждым годом возрастает самосознание и чувство собственного достоинства рабочей массы. К изучению этих разнообразных сторон жизни промыслового рабочего, осложняемых тем совершенно исключительным положением, которое создалось для Ленского Золотопромышленного Товарищества, мы и перейдём в дальнейших главах.

(Продолжение следует).

Ал. Блок.

Требования рабочих Балтийского и других морских заводов в январские дни 1905 года [1].

Значительное участие в стачечном движении в первые годы нынешнего века приняли новые группы рабочей массы, ранее им мало затронутые (напр., рабочие некоторых казенных заводов и железнодорожных мастерских). Почти везде выставлялись одни и те же требования—сокращения рабочего дня до 8 часов, повышения расценок, отмены штрафов, удаления того или другого ненавистного мастера. Непосредственным завершением этого периода явилась стачка, охватившая летом 1903 года чуть ли не все промышленные центры юга. Всеобщая забастовка, которой суждено было сыграть в октябре 1905 года исключительную роль, уже носилась в воздухе. Кроме общего настроения, державшего рабочие массы в крайнем напряжении, существовали, конечно, повсюду и свои местные поводы, и характерно именно то обстоятельство, что всякий мелкий частный повод поднимал огромную волну, увлекавшую десятки тысяч рабочих.

Чисто профессиональный характер стачечного движения, имевшего своей задачею самооборону рабочего класса на экономической почве, начинает на пороге 20 стол. окрашиваться побуждениями политического свойства. Наиболее активные рабочие вовлекаются в борьбу за общее преобразование страны.

Так подошел 1904-й год, который принес с собою японскую войну и усиление промышленного кризиса, начавшего было уже ослабевать. Раздражение населения против надвинувшейся безработицы и против войны со всеми ее тяжелыми последствиями все более возростало. Протесты, со-

---

1) В основу настоящей статьи положены архивные дела Балтийского судостроительного и механического завода: за № 395 I („Дело по рабочему вопросу“). № 627 I („О забастовке рабочих в январе 1903 г.“) и № 627 II („О забастовке мастеровых в январе и феврале 1905 г.“).

Ср. статью „Условия труда рабочих на петербургских заводах по данным 1901 года“ (Архив истории труда в России, книга вторая, стр. 65—85).

Из обширной литературы особенного внимания заслуживают следующие работы:

1) „Общественное движение в России в начале XX-го века“ (Спб. 1909—1912 гг.) тт. I—IV (гл. обр. ст. Д. Кольцова: „Рабочие в 1890—1904 гг.“, т. I, стр. 183—230).

2) М. Туган-Барановский. Русская фабрика в прошлом и настоящем т. I (Спб. 1907 г.).

3) В. Святловский. Профессиональное движение в России (Спб. 1907 г.).

4) С. Прокопович. К рабочему вопросу в России (Спб. 1905 г.).

5) К. Пажитнов. Рабочее движение в России (Спб. 1906 г.).

6) И. Озеров. Политика по рабочему вопросу в России за последние годы (М. 1906 г.).

7) А. Ельницкий. История рабочего движения в России (Петроград, 1918 г.), ч. I и II.

8) В. Невский. Выборы в комиссию сенатора Шидловского (Архив истории труда в России, книга третья, стр. 78—90).

провождаемые нередко крупными беспорядками, раздавались повсеместно. Рабочий класс стоял в это время уже готовым к борьбе. События 9 января 1905 года с их потрясающей кровавой обстановкой временно передвинули интерес движения в сторону внешнего драматизма. Но обыденная сущность явлений, слагавшаяся из жалоб и требований рабочих масс накануне 9 января, осталась характерною и для ближайшего времени.

В числе факторов, подготовивших общее настроение петербургских рабочих масс в указанный момент, не последнее место занимает недовольство, разроставшееся на крупных заводах морского ведомства—Балтийском, Обуховском, Адмиралтейском, Ижорском, и в мастерских С.-Петербургского порта. На этих заводах, как казенных, предпринимательское своекорыстие отсутствовало, а потому особенно поучительно проследить происхождение и составные элементы этого недовольства и их внутреннюю связь со всем нароставшим движением.

---

7 января 1905 года депутация от мастеровых Балтийского судостроительного и механического завода пред'явила начальнику завода два заявления: за № 1—заключавшее в себе требования общего характера—об улучшении быта рабочих, и за № 2—касавшееся только отдельных цехов Балтийского завода.

Заявление № 1 формулирует, как увидим ниже, общие жалобы и требования, повторявшиеся в одновременных прошениях и заявлениях мастеровых и других С.-Петербургских морских заводов и мастерских—Адмиралтейского (Галерный Островок), Ижорского и С.-Петербургского Порта [1]—с незначительными лишь отличиями друг от друга в отдельных частностях, а потому мы приводим эти требования полностью [2]). С внешней стороны обращает на себя внимание прежде всего тон документа, обнаруживающий в рабочих сознание собственного достоинства, что редко встречается в подобных документах 1901 и 1903 годов. Заявление гласило:

„Имеем честь просить Ваше Превосходительство от числа рабочих через выборную депутацию нижеследующие требования:

1) Рабочие Балтийского завода требуют, чтобы заводская администрация пошла навстречу их нуждам откровенно, не прибегая к уловкам, к обещаниям, которые потом не выполняются, и к содействию полиции.

2) Для выяснения нужд забастовавших—совещания между выборной самими рабочими депутацией и представителями администрации Балтийского завода; при совещании рабочие имеют равное число голосов с представителями завода.

3) Члены депутации должны быть обеспечены в личной неприкосновенности и впоследствии отнюдь не уволены от работ.

4) Общее решение должно считаться обязательным и вывешено по всем мастерским завода за подписями администрации и старшего фабричного инспектора (мы желаем, чтобы Балтийский завод был подчинен преобразованной фабричной инспекции).

---

[1]) Самый большой из заводов морского ведомства — Обуховский сталелитейный, прославившийся в 1901 году выступлением 3000 рабочих в связи с празднованием первого мая, не принял в этот момент участия в мирной подаче прошения непосредственному начальству. Чем бы ни вызывалось такое воздержание обуховцев, это обстоятельство успокоило подозрительность администрации и способствовало с самого начала легкому и несколько презрительному отношению к серьезности заявленных рабочими требований. По крайней мере в первом же журнале (от 15 января) правительственной комиссии г.-м. Любимова, на рассмотрение которой были переданы прошения рабочих, с удовлетворением отмечено: „особое внимание обращено на то, что мастеровыми Обуховского завода никаких требований не пред'явлено".

[2]) Архивное дело за № 627. Текст приводится по новой орфографии, но без всяких исправлений.

1) Никто не должен потерпеть от забастовки.

2) Время в которое не производились работы вследствие забастовки не должно считаться прогульным и администрация обязуется оплатить его по средней расценке заработной платы.

3) 8-ми часовой рабочий день.

4) Расценка новых изделий после испытания должна устанавливаться мастером по добровольному соглашению с выборными рабочими из мастерской и затем должна считаться обязательной. Что касается старых изделий то оне должны быть вновь пересмотрены на том же основании.

5) Отмена обыска дабы не осквернять человеческого достоинства.

6) Должна быть учреждена при Балтийском заводе постоянная комиссия из выборных рабочих, которая совместно с администрацией разбирает все претензии отдельных рабочих. Увольнение рабочего не может состояться иначе как с постановления этой комиссии.

7) Увеличить заработную плату чернорабочих не ниже 1 рубля.

8) Отмена сверхурочных работ; в случае необходимости их плата вдвое и предельное число на каждого рабочего в течение года не более 60-ти часов.

9) За брак независящий от рабочего завод уплачивает.

10) Медицинский персонал обязан принять к сведению что никакая болезнь исключая заразных не должна препятствовать поступлению на завод.

11) Должны быть улучшены санитарные условия мастерских.

12) Возвратить право поступления на завод всех лиц пострадавших от стачки три года тому назад.

13) Мастера, подмастера, указатели и вообще вся администрация должна обязательно обращаться с рабочими как с людьми но не как с вещью и в разговоре лишних слов не употреблять, как это у нас принято.

14) Выдачу заработной платы производить в рабочее время.

15) Удалить Михаила Денисова, заведывающего набором чернорабочих с улицы, за грубое и дерзкое обращение с ними при найме.

16) Каждый рабочий должен занимать не более одного станка".

Начальник завода генерал-майор К. Ратник срочно представил заявление рабочих морскому министру и подробно раз'яснил, что хотя первое заявление (за исключением п. 15, касающегося только Балтийского завода) затрагивает вопросы внутренней общегосударственной политики, но по некоторым из них, при существующих условиях работ и отношений на Балтийском заводе, можно было бы придти с рабочими к миролюбивому соглашению. А именно: 1) восьми часовой рабочий день не вызовет никаких затруднений и, как он уже ранее докладывал, сокращение рабочего дня почти не повлияет на производительность завода и не принесет убытков, так как большая часть работ исполнялась задельно, а не по цеху; 2) увеличение рабочей платы до 1 рубля чернорабочим желательно в виду того, что дороговизна жизни в Петербурге едва только давала возможность одинокого существования на эту плату; 3) против отмены системы обыска возражений нет, тем более, что эта мера не достигает цели и плохо сберегает заводское имущество [1]).

Что касается сверхурочных работ, то по мнению начальника завода предлагаемою рабочими нормою (до 60-ти часов в год таких работ на одного

---

[1]) Указанные положения были обстоятельно мотивированы К. Ратником в докладной записке Правлению Балтийского завода в декабре 1901 года (см. „Архив истории труда в России", книга вторая, стр. 73—85). Обращает на себя внимание в упомянутой записке об'ективный, чисто-технический подход автора к вопросу о 8-ми часовом рабочем дне. К. Ратник доказывал, что безубыточный для завода и мастеровых рабочий день должен быть сокращен до $8^1/_3$ ч.—$8^1/_2$ ч. Относительно дороговизны жизни того времени ср. также данные, приводимые в ст. В. Невского: „Выборы в комиссию сенатора Шидловского" („Архив истории труда в России", книга третья, стр. 79).

человека) при ремонте судов не представлялось возможным ограничиваться, в виду того, что по роду производительности завода иногда требовалось исполнить часть известной работы очень быстро, для того, чтобы дать полное развитие смежной другой работе, чем и вызывается необходимость таких сверхурочных работ. Так как всегда находятся добровольно желающие оставаться на сверхшабашные работы, то принудительных мер к оставлению мастеровых на этих работах на заводе не практикуется и по этому поводу никаких недоразумений быть не может; не желающим предоставлялось на сверхшабашных работах не оставаться, без всяких неприятных для них последствий, кроме уменьшения собственного заработка.

По содержанию второго заявления рабочих, чисто местного характера, касавшегося разнообразных бытовых сторон внутренней жизни Балтийского завода [1]), Ратник полагал, что не трудно будет придти с мастеровыми к соглашению, так как некоторые требования вполне справедливы и имели за собою основания. По признанию начальника завода, после 2-х часового подробного совещания с депутацией, „в общем главный тон жалоб сводился на приниженное человеческое достоинство мастеровых и рабочих даже сравнительно с писарями, утомление работой, недостаточную обеспеченность и разные стеснения при работе, недоверие к ним и злоупотребление старших своей властью в ущерб интересам мастеровых". В виду указанного характера жалоб и претензий мастеровые требовали, кроме удаления 14 наиболее пристрастных, грубых и ненавистных мастеров, подмастеров, контролеров, писарей и указателей, в числе прочих мер—также об'явления строгого выговора 5 агентам администрации (мастерам и подмастерам), причем выставлялось непременное условие, что „все выговоры означенным лицам должны быть сделаны в присутствии рабочих".

Управляющий морским министерством (9-го января) предоставил начальнику завода „принять в пределах присвоенной ему власти меры, которые он признает правильными и целесообразными — по заявлениям частного характера", но не нашел, однако, возможным постановить решения по заявлениям общего характера, ссылаясь на то, что они „требуют обстоятельного соображения с другими подобного же рода просьбами, а также с существующими законами и постановлениями, и разрешение их в значительной части выходит из пределов собственной власти министра". В виду этого срочный доклад начальника завода с заявлениями был передан в особое, под председательством начальника главного управления кораблестроения и снабжения, генерал-лейтенанта Любимова, совещание из представителей подлежащих заводов и портов [2]).

Передача требований рабочих в упомянутое совещание означала, что возбужденные вопросы не скоро получат свое разрешение. И лишь благодаря личному авторитету К. Ратника, главным образом под ошеломляющим впечатлением расстрела Гапоновского шествия, на Балтийском заводе на этот раз обошлось без дальнейших непосредственных осложнений, если не считать прекращения работ, по распоряжению Морского начальства, и

---

[1]) Нося частный, в большинстве даже персональный характер, заявленные рабочими жалобы и требования яркими чертами дорисовывают общую бытовую сторону условий труда на заводе.

[2]) Совещание это возникло в конце 1903 года под громоздким названием „Особого совещания для обсуждения вопросов о применимости в портовых адмиралтействах, мастерских и на заводах морского ведомства закона об учреждении старост в промышленных предприятиях и о проектировании некоторых мероприятий по отношению к рабочим и мастеровым того же ведомства".—После четырех заседаний в его занятиях произошел (с 31 января 1904 г.) перерыв вследствие начала военных действий; ограничившись выработкою проекта правил о старостах для заводов морского ведомства, совещание прервало свои занятия, чтобы выждать окончания работ заседавшей одновременно в военном ведомстве комиссии по улучшению быта рабочих в технических заведениях этого ведомства.

закрытия завода с 7 января по 13 января. Пронесло бурю и на остальных заводах—Адмиралтейском, Ижорском и в Порту.

Чтобы лучше воссоздать общую перспективу и ту атмосферу, в которой особому совещанию Любимова предстояло обсуждать требования балтийцев—„в связи с другими подобного же рода и возбуждаемыми ими вопросами", следует ознакомиться с теми предвзятыми выводами и заключениями, к которым приходили в это же время разные заинтересованные однородные общественные коллективы.

Так, напр., собрание петербургских фабрикантов, в целом ряде своих совещаний по поводу имевшей место в январе забастовки рабочих пришло к следующим общим заключениям [1]).

1) Общие пункты пред'явленных рабочими требований, а именно: о 8-ми час. рабочем дне, об участии рабочих в установлении размера заработной платы, об участии рабочих в регулировании внутреннего распорядка промышленных заведений, об уничтожении штрафов за прогулы и стачки,—признаны не подлежащими обсуждению, причем согласно решению собрания представлено министру финансов, через особую депутацию, письменное заявление о необходимости скорейшего разрешения означенных вопросов в законодательном порядке, при участии фабрикантов и рабочих.

2) Относительно требований рабочих частного значения признано вообще несоответствующим входить в обязывающие соглашения с рабочими впредь до общего восстановления работ, в частности же, в целях успокоения рабочих, фабриканты относительно названных требований вели постоянные переговоры с рабочими.

3) Признавая, что рабочие были вовлечены в настоящее движение причинами внешними и притом не экономического характера, собрание фабрикантов единодушно констатировало отсутствие взаимного озлобления, а потому, идя рабочим навстречу, постановило:

а) не применять к данному случаю правил о штрафовании за прогульное время;

б) не принимать мер к обнаружению зачинщиков и главарей стачки, а равно не применять к ним особых карательных мер;

в) собрать средства для оказания пособия семействам фабрично-заводских рабочих, пострадавших во время беспорядков 9-го января, сделав для сей цели взносы от каждого предприятия в соответствии с числом занятых им рабочих (в размере до 20 коп. на рабочего), причем распределение этих пособий предоставить С.-Петербургскому обществу для содействия улучшению и развитию фабрично-заводской промышленности;

г) не делать различия в отношении означенных мер между рабочими, забастовавшими самостоятельно и присоединившимися к забастовке по принуждению;

4) считая настоящую стачку рабочих народным волнением, нарушающим взаимные правовые отношения, руководствуясь прямым законом о найме рабочих и не желая создать ложного прецедента, собрание фабрикантов постановило не платить рабочим за время забастовки, но идя навстречу возможной крайней нужде, решило оказать рабочим помощь в виде безвозвратных пособий; распространение этой меры на всех рабочих заведения или на часть их предоставлено было усмотрению владельцев промышленных заведений.

Очевидно, предприниматели не уяснили себе, что творилось в тот момент или зрело в области рабочего движения. А между тем угрожающий характер событий был понятен даже чиновникам, пожелавшим добросовестно в него вникнуть, как, напр., неоднократно цитируемому начальнику завода, Ратнику, или другому знатоку в той же области, члену правления Балтий-

[1]) Журналы Совещаний 8, 11, 12, 13, 14, 15, 17 и 18 января 1905 года.

ского завода А. Чиколеву. Говоря о современном ему развитии движения, последний правильно ставит вопрос: „Что же это? революция? когда же она остановится? Куда приведет?—ответить на это не легко: одно можно сказать, что раз революция началась—остановить ее нельзя“ [1]).

Почти одновременно с упомянутыми совещаниями фабрикантов происходили совещания представителей С.-Петербургских машиностроительных и механических заводов, на которых присутствовали, кроме частных заводчиков, представители казенных заводов, путей сообщения, артиллерийского и морского ведомств. Из сообщений, сделанных собранию представителем казенной промышленности, выяснилось, что правила частных заводов не расходились в главных основаниях с правилами казенных заводов, равно как и те уступки рабочим, которые вырабатывались в специальных комиссиях по ведомствам, и потому решения, принятые в этом совещании, могут быть признаны типичными для всей петербургской машиностроительной и механической промышленности того времени.

Вот эти решения, вкратце формулированные по подробным суждениям совещания [2]).

1. О продолжительности рабочего дня. Из сведений, сообщенных представителями 69 петербургских заводов, выяснилось, что на заводах по механическому производству продолжительность рабочего дня колеблется в пределах от 57 до 67 часов в неделю,—ниже 57 часов—единичный случай, по 57 час. работало 13 заводов частных и 6 казенных артиллерийского ведомства, $57^1/_2$ часов—8 заводов, в том числе 2 казенных морского ведомства, свыше $57^1/_2$ часов—23 завода. Недельная продолжительность в 57 часов соответствует 10-ти часовому рабочему дню, считая в субботу 7 часов. При таких условиях общая годовая продолжительность рабочего времени, принимая во внимание большое число праздничных дней в России, составит около 1775 рабочих часов [3]). В Англии, при продолжительности рабочего дня в 9 часов, в механическом производстве число рабочих часов в год составляет около 2700, в Германии, где число праздничных дней также крайне ограничено (а именно—6 праздничных дней, не считая, разумеется, воскресных), только еще ставится на очередь вопрос о 10-ти часовом рабочем дне [4]). Совещание полагало поэтому: а) окончательное установление рабочего дня в механическом производстве следует отложить до общей нормировки рабочего времени в законодательном порядке; б) решение этого вопроса должно быть в связи с вопросом о праздничных днях.

---

[1]) Цитировано в вышеупомянутой статье В. Невского (стр. 80). Докладная записка А. Чиколева „По рабочему вопросу“ напечатана в приложении к статье „Условия труда и рабочих на Петербургских заводах“ („Архив истории труда“ кн. 2. стр. 69—73).

[2]) Журналы совещания 26, 28, и 29 января 1905 года.

[3]) Приведенная в совещании цифра (1775 рабочих часов в году) представляется преуменьшенною. Общая годовая продолжительность рабочего времени может быть определена для России того времени следующим образом. Число праздничных дней составляло: воскресных—52, двунадесятых и церковных, несовпадающих с воскресными—29 неприсутственных (царских)—9, итого 90 дней.

Продолжительность рабочего дня составляла по данным, приведенным („Архив истории труда в России“, кн. 2, стр. 66—68) для 10 металлических заводов, в обыкновенные дни—от 10 ч. до $11^1/_2$ ч., в среднем $10^1/_2$ ч., а в предпраздничный сокращенный шабаш—от $7^1/_2$ ч. до 10 ч., в среднем 8 ч. Считая 52 субботы и 8 дней накануне больших праздников, получаем 60 дней с сокращенным предпраздничным шабашем. Таким образом, общее число рабочих часов в году составляло в среднем: 215 дней по $10^1/_2$ ч. и 60 дней по 8 ч., итого 2737 часов. Это число на некоторых заводах понижалось до $215 \times 10 + 60 \times 7 = 2570$ часов, но за то достигало иногда $215 \times 11 + 60 \times 10 = 2965$ ч. и даже 3072 часов, т. е. в общем не только не уступало, но значительно превосходило затрату времени английскими и германскими рабочими.

[4]) Напоминаем, что указание относится еще к 1905 году. Число праздничных дней (6) тоже несколько преуменьшено, особенно для католических местностей.

и в) не может быть допущено установление рабочего дня в механическом производстве ниже 57 часов в неделю [1].

2. Заработная плата чернорабочих. Из опроса выяснилось, что она для постоянных, но не поденных работ колебалась в пределах от 60 коп. до 1 рубля; большинство заводчиков соглашалось установить норму не ниже 80 коп..

3. Плата ученикам. Требование формальной платы ученикам в 60 коп. совещание признало необоснованным, заявив, что плата ученикам не находится в соответствии с приносимой ими пользой, а превышает ее. устанавливать же норму в 60 коп. из соображений о стоимости жизни нет надобности, так как обыкновенно ученики живут при родителях или родственниках.

4. О сверхурочных работах. Требование об окончательной отмене сверхурочных работ обсуждению, по мнению совещания, не подлежало. Плата за сверхурочные работы на разных заводах выше платы за урочное время; большинство собраний установило полуторную плату, считая час сверхурочной работы за $1^1/_2$ часа.

5. О врачебной помощи рабочим и их семействам и о выдаче пособий семействам во время болезней рабочих. На многих больших заводах введена система выдачи пособий в размере половины поденной (цеховой) платы, на некоторых заводах эта норма для женатых рабочих была доведена до трех четвертей заработка, но не менее 56 коп. и не более одного рубля. Что касается врачебной помощи, то она была организована различно, причем некоторые заводы пользовались услугами общественных больниц за плату, некоторые же частные заводы имели свои отдельные больницы (Путиловский завод) или содержали больницы сообща (больница фабрик Шлиссельбургского тракта). Собрание высказалось, что следует создать общую организацию больничных касс с участием промышленников и рабочих во взносах и управлении, с возложением на больничные кассы и лечения рабочих, причем полагало представить министру финансов о целесообразности включения этого дела в общую систему государственного страхования.

6. Обыск рабочих. Фактически обыск на большинстве механических заводов уже был в это время отменен, за исключением некоторых. обрабатывающих медь, в том числе казенных (Гильзовый, Трубочный). Несмотря на это в необходимых случаях, по мнению собрания. право обыска следовало бы сохранить за заводчиками [2].

7. Выдача платы рабочим во время забастовки. Оставаясь при мнении, высказанном в совещании фабрикантов и заводчиков, что настоящая стачка есть народное волнение и что на основании закона о найме рабочих фабриканты не обязаны платить рабочим за время заба-

---

[1]) Следует отметить, что в среднем продолжительность раб. времени составляет для упомянутых совещанием механических заводов около 59.30 часов в неделю. Эта цифра почти совпадает с средним выводом для 11 больших заводов по данным за 1901 год—именно—59,36 часов. („Условия труда на Петербургских заводах" в Архиве истории труда" кн. 2). Интересно сопоставить эти выводы с данными, приводимыми проф. Озеровым („Политика по рабочему вопросу в России", стр. 295—299) для однородных отраслей труда за границей. У кузнецов в кораблестроении продолжительность рабочего времени составляет, напр., в Соед.-Штатах—58,74 часов в неделю, медленно—без скачков сокращаясь—с 59,60 час. (в 1890 г.) до 58,64 час. (в 1903 г.). Продолжительность работы котельщиков в Соед. Штатах за упомянутые годы составляла 59,2 часа; в Англии—54 ч. и 53,67 час.; в Берлине—64 ч. и 60 ч.; во Франции—63 ч. и 61,5 ч. в Бельгии продолжительность оставалась неизменною—60 часов.—Продолжительность недельной работы маляров: в Соед. Штатах—48,8 ч., в Англии—51 ч., в Германии—56 ч., во Франции—60 ч., в Бельгии—66 часов.

[2]) Выразительную отповедь системе обысков во всех ее видах дает К. Ратник в п. 4 своей докладной записки (цитир. статья, стр. 85, также стр. 72).

стовки, собрание установило, что почти все заводы выдают безвозвратные пособия, в среднем около трехдневной цеховой платы.

8. **Об улучшении санитарных условий.** Это составляло, по утверждению собрания, предмет постоянной заботы заводов и, вероятно, самое требование рабочих имело в виду заведения других отраслей промышленности, так как механическое производство поставлено вообще в лучшие санитарные условия.

9. **Уничтожение штрафов.** Находя, что полное уничтожение штрафов не представляется возможным и что общее положение этого вопроса регулируется законом, собрание установило однообразную нормировку штрафов в сравнительно умеренном размере.

Требования рабочих указанных заводов в большей своей части аналогичны с небольшими отличиями. Больше того. В течение второй половины января рабочие других крупнейших заводов Петербурга—Обуховского, Невского судостроительного (Семянниковского), Путиловского вагоностроительного Речкина и прочих, вели однородную борьбу за 8-ми часовой рабочий день, увеличение заработной платы и за другие более мелкие требования. Рабочие явочным порядком осуществляли свободу сходок и самочинно вводили сокращение рабочего дня.

Сравнение требований, пред'явленных в начале января заводами морского ведомства, с требованиями крупнейших заводов во второй половине и в конце января (напр., Путиловского [1]) завода) свидетельствует не только об общности причин и настроений, но и о некоторой организационной солидарности. Редакционное тождество изложения в некоторых частях этих документов дает основание утверждать, если быть может не всегда о революционном центре, едином для всех этих заводов, то во всяком случае о некоторой связи между собой революционных и руководивших кружков, питавшихся настроениями и организационным литературным материалом из общих источников. Отметим, что приведенное выше заявление рабочих Балтийского завода является, повидимому, одною из первых (если не первою по времени) формулировкою однородных январских рабочих требований.

Особое совещание подвергло требования рабочих морских заводов подробному рассмотрению в целом ряде своих заседаний, занявших всю вторую половину января и начало февраля, и обстоятельно изложило свои суждения [2]). Не вдаваясь в детали, ограничимся изложением его окончательных выводов и решений, поскольку таковые характеризуют собою общую ситуацию момента и связывают его с дальнейшим развитием движения на заводах (решения были эти сообщены начальнику Балтийского завода к руководству).

I. По вопросам [3]): 1) об уменьшении рабочего дня до 8 часов; 2) о повышении платы чернорабочим и женщинам; 3) о повышении цен на новые работы, не прекращая при том уже начатых работ по условиям [4]); 4) об открытии особых совещаний для выяснения нужд забастовавших [5]), и 5) о введении трех-сменной работы (в железоделательном заводе Адмиралтейских Ижорских заводов), не уменьшая одновременно размера заработка,—особое совещание уклонилось применять, по отношению к одним только адмиралтействам и заводам морского ведомства, решения, вне связи с решениями министерства финансов, и поэтому направило эти вопросы в означенное министерство.

---

[1]) См. цитир. статью В. Невского (стр. 81—82).

[2]) Заседания: 15, 17, 19, 21, 24, 25, 27, января и 1 и 4 февраля 1905 года.

[3]) Требования, не оговоренные особо в примечаниях, являются общими для всех морских заводов.

[4]) Требования рабочих Петербургского порта.

[5]) Требования рабочих Балтийского завода.

II. Рассмотрев остальные вопросы, совещание вынесло следующие решения:

1) Касательно увеличения платы за сверхурочные работы—признать определенную за них действующую правилами 1½-ную плату достаточною.

2) Не производить забастовщикам за время забастовок никакой платы [1].

3) Отменить повальный обыск, за исключением заведений, изготовляющих взрывчатые вещества. Взамен обыска поручить сторожам портовой полиции наблюдать за выходящими мастеровыми и рабочими и в случае подозрения в пропаже казенного имущества, отводить в дежурную комнату и подвергать обыску в присутствии надзирателя. На Балтийском и Обуховском заводах та же обязанность должна быть возложена на сторожей внутренней охраны.

4) О выдаче заработной платы в рабочее время: установить в С.-Петербургском порте и на Адмиралтейских и Ижорских заводах, пока в виде опыта, выдачу мастеровым и рабочим платы по мастерским, чрез артельщиков ответственной артели, с тем, чтобы раздача производилась немедленно после работы в те дни, когда работа продолжается до двух часов.

5) Рекомендовать портовому и заводскому начальству внушить кому следует, что необходимо вежливо, не оскорбляя человеческое достоинство, обращаться со всеми мастеровыми и рабочими.

6) О выдаче задельной платы не далее 2-х недель по окончании условий [2]). Установить в виде общего правила выдачу задельной платы за тот же период времени, за который выдается цеховая плата, но при условии, если задельные работы в этот период были уже приняты.

7) Выдавать при увольнении мастеровым расчет по цеховой плате непременно на другой день; выдача же добавочного заработка по сдельной работе может быть произведена только по принятии работы (Порт).

8) Требование о свободном поступлении на завод лиц, уволенных без права поступления, и о предоставлении права поступления на завод всем лицам пострадавшим от стачки три года тому назад [3]), не было принято, так как нельзя заставлять начальство принимать на службу людей, присутствие которых в порту или на заводе представляется опасным или нежелательным, в интересах спокойствия и порядка.

9) По вопросу о личной неприкосновенности членов депутации [4]) признать, что участникам депутации никоим образом нельзя гарантировать безусловное оставление на работах, так как эти лица, совершенно независимо от избрания их депутатами и состояния в этом звании, могут по многим другим причинам оказаться нежелательными.

10) Требование о необязательности участия в сберегательно-вспомогательной кассе—отклонить.

11) Требование отмены сверхурочных работ или ограничения числа часов экстренных работ 60-ю в год для каждого мастерового—отклонить (Балтийский завод).

12) Об уплате мастеровым и рабочим за брак, от рабочего независящий,—никаких новых распоряжений не делать, так как с мастеровых морского ведомства в означенных случаях никакого вычета не делается (Балтийский завод).

13) О производстве каждым рабочим работы не более, чем на одном станке: не предрешать вопроса в решительной форме и лишь избегать, по возможности, случаи занятия одним и тем же мастеровым более чем одного станка. (Балтийский завод).

---

[1]) Требования рабочих етерб. орта и Балтийского завода.
[2]) Требование рабочих орта.
[3]) Требования рабочих Балтийского завода и орта.
[4]) Требование рабочих Балтийского, Ижорского и Адмиралтейского заводов.

Постановления и решения совещания не подлежали об'явлению, так как они вызывали изменения и дополнения статей в кн. V Свода Морск. Пост., а потому нуждались в утверждении высочайшею властью или Адмиралтейств-советом.

Таким образом и на этот раз мастеровых и рабочих морского ведомства постигла неудача: большинство их желаний осталось неудовлетворенными. Приходилось ожидать снова благоприятной политической кон'юнктуры, работать над ее подготовкой.

Судьба не заставила себя долго ждать—бурный октябрь оказался не за горами, он многое из старого смел с пути.

Но частичные изменения, доказывавшие непрочность некоторых бюрократических решений и призрачность позиций, на которых окопалась власть после январского события, были введены ранее, чем можно было ожидать по угнетенному состоянию духа рабочих масс в тот момент. И на первом месте стоял в этом отношении вопрос о сокращении рабочего дня с 10-ти до 8-ми часов. В частности, для морского ведомства вопрос этот, вследствие случайных обстоятельств, разрешился скоро и сравнительно благополучно.

Уже 16 мая 1905 г. морское министерство увидело себя вынужденным войти с всеподданнейшим докладом, в котором излагало, что вопрос этот, имеющий общегосударственное значение, подлежит рассмотрению особой комиссии под председательством министра финансов, и морское министерство не предполагало решать его самостоятельно для своих мастеровых; между тем, [illegible] рабочего дня для мастеровых и рабочих [illegible] [1], а также в технических [illegible] мастеровых и рабочих морского [illegible] Обуховского завода, требовать сокращения рабочих часов до 9 [illegible] работу.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

таком распределении в те предпраздничные дни, когда работы предположено производить на один шабаш и кончать в 2 часа, мастеровые и рабочие Спб. порта и Балтийского завода, начиная работать лишь в $7^1/_2$ часов утра, оставались бы на работе на $^1/_2$ часа менее, чем другие, особое совещание положило в названных двух местах в предпраздничные дни работы производить до $2^1/_2$ часов дня вместо 2 часов дня. Но убежденный сторонник сокращения рабочего времени до 8 часов [1]), начальник Балтийского завода Ратник подал особое мнение, в котором указывал, что по справедливости 10%-ое сокращение рабочего времени в обыкновенные дни должно быть отнесено и к дням укороченным продолжительностью в 0,7 времени нормального дня, так как в эти дни работы производятся без перерыва для отдыха и принятия пищи. „Между тем каждый из нас даже не занимаясь физическим трудом, хорошо чувствует на себе самом физическую тягость от долгого 7-ми часового антракта между принятием пищи в течение занятий, хотя бы и не особенно утомительных, и от запоздания пользования пищей после привычных часов еды. Тем более эта тягость ощутительна человеку рабочему". Имея в виду еще недостаточно полное успокоение в среде мастеровых и опасаясь вызвать недовольство распоряжением об окончании в предпраздничные дни работ позже 2 часов дня, вопреки установившемуся обычаю, Ратник, как он донес морскому министру, не решился привести в действие распоряжение о производстве работ в предпраздничные дни до $2^1/_2$ ч., и министр на это согласился.

Тем временем совещание С.-Петербургских заводчиков и фабрикантов, ознакомившись с предположением состоявшей при московском биржевом комитете комиссии по рабочему вопросу о заключении общей конвенции между фабрикантами и заводчиками по некоторым, возбужденным в связи с забастовками рабочих, вопросам [2]), постановило пригласить всех петербургских фабрикантов и заводчиков на первое время действовать [illegible] в отношении нижеследующих шести положений:

1) Не делать никаких сокращений в продолжительности рабочего времени (ни прямо, ни косвенно) впредь до разрешения этого вопроса в законодательном порядке. [illegible] — не делать отступлений [illegible] без общего согласия соответствующей группы петербургских фабрикантов и заводчиков.

2) [illegible]

3) [illegible]

4) [illegible]

5) [illegible]

6) [illegible]

---

1) [illegible] („[illegible] труда", [illegible]).
2) [illegible] 1905 года.

плата должна подчиняться закону спроса и предложения, и отступление от этого, даже кажущееся чисто формальным, представляется опасным, как вредный прецедент вмешательства рабочих.

Совещание постановило принять эти положения в руководство и придерживаться их неуклонно, впредь до изменения, которое могло быть введено не иначе, как таким же общим соглашением. Из 120 промышленников, участвовавших в собрании, иные немедленно подписали соглашение, но некоторые крупные заводы по выделке и обработке металлов, присоединяясь в принципе к соглашению, все же в виду однородных по производству заводов морского ведомства, как Балтийский, Обуховский и Ижорские, пожелали знать предварительно концессии этих заводов, дабы не попасть в конфликт.

Присутствовавший на совещании в качестве официального представителя морских заводов, А. Чиколев, исходя из общих своих директив, что казенные заводы не должны создавать таких условий работ, которые ставили бы в затруднительное положение частную промышленность, обратился через правление Балтийского завода в министерство за полномочием к подписанию соглашения. Находя, с своей стороны, что выработанные собранием фабрикантов пункты, по своей корректности, определенности и ясности, заслуживают полного сочувствия в целях упорядочения рабочего вопроса, правление завода испросило надлежащего разрешения начальства. И таким образом соглашение было скреплено представителем морского ведомства.

Морские заводы принуждены были притихнуть—до новых очередных волнений, накопляя настроение и силы для широкого осеннего всероссийского движения. Обыденная жизнь труда и лишений вступила в свои права, временно оттеснив на второй план более широкие общие интересы и перспективы будущего. Но затаенное брожение не прекращалось. Рабочие морских заводов продолжали всю весну и все лето глухо волноваться вместе со всем рабочим Петербургом.

Ал. Львович.

Библиография, заметки, описания архивных дел, документы и проч.

Вопросы труда в иностранной литературе [1]).

I. Психотехника.

На заре капитализма рабочий был не что иное как средство для добывания прибыли, как бездушная составная часть хозяйственного аппарата. Он стоял на одном ряду с другими производственными средствами, и применение его сил в рабочем процессе имело своею исключительною целью — увеличение количества ценностей. Для капиталиста дело шло только о том, чтобы применять как можно большее количество рабочей силы, дабы из ея производительности извлечь как можно больше хозяйственной выгоды. Постепенно, по мере развития техники и в связи с углублением общекультурных потребностей, все более и более распространяется убеждение, что рабочий не есть простая составная часть машины, один из винтиков колеса в хозяйственном автомате, а представляет собою живой организм, с чувствующею человеческою душою, с эмоциональными и умственными устремлениями, которые тесно связаны с его рабочей силой, проникают ее и обусловливают степень ее производительности.

Отсюда возникла новая отрасль знания — учение о психологии труда, о связи между техникой и психикой. Это новое учение, получившее название „психотехники", находится в настоящее время еще в зачаточном состоянии, в периоде экспериментальных исканий, но ему, несомненно, предстоит широкое будущее. Чем больше углубляется и распространяется сознание, что человек есть не механизм, а организм, что работа его никогда не бывает чисто-механической деятельностью, а представляет собою также применение умственных и душевных сил, и что, таким образом, на первом плане должна стоять личность трудящегося, а затем уже его рабочая сила, — тем более будет утверждаться новое

---

1) Хотя настоящий журнал посвящен преимущественно истории труда исключительно в пределах России, редакция считает необходимым уделить место обозрениям [illegible] иностранной литературе, касающейся вопросов труда [illegible] положения его в отдельных государствах, так как изучение истории труда в России не должно находиться в изолированности от зарубежной научной мысли. *Ред.*

понимание психологии труда и в особенности квалифицированного труда — техники, основанное на том чисто-хозяйственном положении, что истинно-продуктивным может быть только человек физически здоровый, умственно свежий и душевно удовлетворенный. Если в настоящее время, для восстановления разрушенной экономической жизни, требуется maximum количественного увеличения и качественного улучшения производительных сил, то необходимо прежде всего предпринять тщательное исследование соотношения между человеком и работой и взаимовлияний психических и трудовых сил.

Этим и занимается новое учение о психотехнике. В этом направлении имеется уже не мало трудов теоретического и практического характера. Достаточно указать на работы Вунта „Physiologische Psychologie“, Минстерберга „Psychologie und Wirtschaftsleben“, Тейлора-Реслера „Grundsätze wissenschaftlicher Betriebsführung“ и др. Совсем недавно стали выходить два периодические издания: „Praktische Psychologie“, под редакцией Moede и Piorkowsky, и „Angewandte Psychologie“, под редакцией Stern'a и Lipmann'a, которые посвящены изучению вопросов и данных в области психотехники. Весьма интересные данные и выводы в этой области содержатся в вышедшей недавно в Гамбурге книге Ernest'a Bischoff'a „Die geistigen Kräfte in Wirtschaftsleben und deren Erforschung“.

— —

Первый вопрос, которым занимается психотехника, — это вопрос о продолжительности рабочего времени. Как долго может и должна продолжаться работа и какими промежутками она должна прерываться — для того, чтобы была достигаема цель наибольшей производительности работы и вместе с тем наибольшего сбережения сил работника? До сих пор этот вопрос в значительной степени являлся вопросом политической борьбы — борьбы между капиталом и трудом, отражающей их противоположные интересы. Если в этой борьбе и играли какую-нибудь роль моменты морально-культурные и здравоохранительные, то во всяком случае они отодвигались на последний план и фактически вопрос о рабочем дне разрешался обыкновенно исключительно в зависимости от наличного соотношения сил между работодателями и работниками: когда это соотношение давало силу профессиональному союзу или другой рабочей организации, борьба кончалась сокращением рабочего времени; в противном случае продолжительность рабочего времени удерживалась или даже удлинялась, несмотря на все указания, которые выставлялись против этого с точки зрения этических, культурных и здравоохранительных требований.

Такое положение вещей в общем продолжается поныне; на нем базируется и им направляется современное профессиональное движение, которое исходит из твердо установленной предпосылки, что борьба за сокращение рабочего времени зависит исключительно от мощности профессиональных организаций, противопоставляемой силе предпринимательских организаций... Однако, в этом грубом механически-материалистическом понимании рабочего времени уже давно пробиваются бреши, а в новейшее время, благодаря наблюдениям и изысканиям психотехники, замечается весьма значительная перемена в прежних представлениях по этому предмету.

Еще в 1842 г. Тома Маколей в своей знаменитой речи в английском парламенте в защиту биля о 10-ти часовом рабочем дне указал на вредное влияние чрезмерного рабочего дня на здоровье и нравственность работников и работниц и в зависимости от этого — на степень трудоспособности и продуктивности рабочих, и на этом основании высказал убеждение, что укорочение рабочего дня влечет за собою благоприятные последствия не

только для работников, но и для предпринимателей, которые должны не забывать, что в рабочем процессе человек является „наиболее сложной и искусной из всех машин". Этой темы касался также германский проф. Брентано в исследовании „Ueber das Verhältnis zwischen Arbeitszeit und Arbeitsleistung", в котором развиваются те же мысли в защиту 8-ми часового дня. Но особенно ценными являются наблюдения и практические выводы, делаемые представителями промышленных предприятий. Так, директор известной фабрики Цейса, в Iene, Ernst Abbe в своей книге (1906 г.) „Die volkswirfschaftliche Bedeutung der Verkürzung des Arbeitstags" доказывает, на основании своих непосредственных наблюдений, что 8-ми часовой рабочий день не только отвечает требованиям охраны здоровья и нравственно культурным, но в особенности имеет преимущество пред более удлиненным рабочим временем с точки зрения интересов народного хозяйства. Те же наблюдения сообщает и к тем же выводам приходит директор бельгийского цинко-серного завода инженер Tromont в книге, (1906 г.) „Une expérience industrielle de réduction de la journée de travail". Заслуживает внимания книга, вышедшая в Лондоне в 1921 г., „The speed of Adaption of Ousput to Altered Hours of Work". Автор этой работы, H. M. Bernon, излагает свои наблюдения над результатами производительности труда в зависимости от сокращения рабочего времени. Он подчеркивает тот факт, что первое время после сокращения рабочего времени не замечается никаких изменений в производительности; лишь по истечении нескольких недель обнаруживается постепенное увеличение производительности, которое продолжается некоторое время, затем опять падает, после чего вновь начинается правильное равномерное нарастание. В некоторых предприятиях наблюдается еще то замечательное явление, что сокращение рабочего времени влечет за собою нарастание продуктивности лишь спустя некоторое время, между тем, как возврат к удлинению продолжительности рабочего времени дает немедленное падение продуктивности. Автор об'ясняет это тем, что рабочие при переходе к удлиненному времени продолжают по инерции работать с тою же быстротою, которой они достигли при сокращенном (6-ти часовом) рабочем дне, вследствие чего они вскоре утомляются и в результате получается уменьшение интенсивности труда. С другой стороны, — когда рабочие, привыкшие к более длинному рабочему дню, сразу переходят к сокращенному, то требуется известное время, пока они приучаются излишек неиспользованной во времени рабочей силы использовать для увеличения интенсивности своего труда. В книге приводятся многие другие наблюдения в этом отношении, психологического и технического свойства, в связи с родом и характером работы в различных предприятиях, представляющие большой интерес и имеющие весьма важное значение для изучения технических и психологических условий труда.

В этом же направлении идут другие работы в области психотехники, которые стремятся экспериментально установить понятие труда, как физиологический и психологический феномен. Из многочисленных наблюдений обнаруживается, что степень интенсивности и продуктивности определяется различными внутренними и внешними условиями, при которых работа производится. Человек, который имеет склонность к данному роду труда, вкус к этой работе и достаточный опыт в ней и кроме того умственно и физически свеж и находится в состоянии душевного равновесия и удовлетворенности, работает легко, бодро, планомерно и достигает высшей степени производительности. Но если работа продолжается слишком долго без необходимых перерывов, то она становится для него неприятной и утомительной, и вместо радости труда ощущается тягость труда, и одновременно все более и более понижается уровень продуктивности его, часто падая до нуля. Но если прервать работу, на некоторое

время, то развивается новая сила и хотение, влекущие за собою усиление интенсивности труда и под'ем продуктивности работы.

Проблема психотехники, таким образом, заключается в том, чтобы исследовать и выяснить в отношении различных отраслей труда, какова должна быть нормальная продолжительность работы, как часто должны быть применяемы перерывы и как долго они должны продолжаться и, наконец, как эти перерывы должны быть использованы работниками. Наблюдениями в этом отношении уже установлено, что все зависит от рода работы, именно от того, насколько работа легка или тяжела, интересна, или скучно-однообразна, производится ли она в условиях здоровых и приятных или нездоровых и неприятных. Также обнаруживается, что использование перерывов для отдыха отнюдь не во всех случаях (за исключением, конечно, случаев, когда организм нуждается в ночном сне) должно состоять в абсолютном покое ничегонеделанья. Умственные работники для отдыха и освежения своих сил нуждаются в физической работе, физические работники—напротив, в умственной работе; молодые люди—в гимнастике и спорте, молодые женщины—в танцах и играх и т. д.

Рядом и в связи с вопросом о продолжительности рабочего времени стоит вопрос об интенсивности труда, который играет не менее важную роль. Влияние работы на личность работающего зависит не только от того, как **долго** производится работа, но также от того, **как**, с какою степенью напряженности она производится. Работа работе рознь. Рабочая интенсивность — явление новейшего времени, неизвестное примитивной промышленности и патриархальному укладу жизни в докапиталистические эпохи. Она впервые появляется в условиях капиталистического производства, в эпоху господства машины, которая втягивает рабочего в свой механизм, превращая его в своего раба и его труд в свое производственное средство. Капитализм заинтересован в удлинении рабочего времени и в интенсификации рабочего труда, дабы из того и из другого извлечь наибольшую хозяйственную выгоду. Рабочее время, в отношении его продолжительности, величина об'ективно измеримая, поддающаяся учету. Поэтому в борьбе между трудом и капиталом может быть установлено мерило, точно определяющее предмет конфликта и условия соглашения между борющимися. Интенсивность же труда в отношении ее степени,—величина вполне неопределенная, никакими об'ективными признаками не определяемая. Поэтому капитал, принужденный, в случае конфликта с трудом, уступить ему и примириться с сокращением рабочего времени, может очень легко вознаградить себя увеличением интенсивности рабочего труда, прибегая для этого к различным поощрительным системам оплаты труда, которые вызывают со стороны рабочих погоню за увеличенным заработком и соблазняют их, в ущерб здоровью и моральному состоянию, предаваться чрезмерно напряженной и перегруженной работе.

Психотехнике предстоит тут обширное поле для наблюдений и исследований, необходимых для накопления материала, пока еще недостаточного, для разрешения проблемы о нормальной, не преходящей пределы физической и духовной выносливости среднего человека, степени интенсивности труда. Разрешение этой проблемы требуется интересами народного хозяйства, ибо чрезмерная интенсификация рабочего труда означает [illegible] повреждение народных сил, а через это — уменьшение экономических и культурных достижений.

Весьма важное значение придается психотехникой вопросу о выборе профессии и о профессиональном призвании. [illegible]

ную роль играет в жизни отдельного человека и в социально-экономической и культурной жизни всего общества правильный выбор каждым профессии, которой он посвящает свою деятельность. Правильный выбор профессии не только служит верным средством для успешной борьбы за существование и является необходимым условием личного удовлетворения и радости труда, но и весьма существенным образом определяет и обусловливает качество работы и пользу, приносимую обществу членами его, удовлетворяя весьма важному социальному требованию—чтобы „надлежащий человек был на надлежащем месте".

Выбор профессии имеет не только личное, но и общественное значение. Между тем распределение между людьми профессий происходит обыкновенно не в зависимости от призвания человека к той или другой определенной профессии или от внутренней склонности и соответствующих способностей, а преимущественно от принадлежности к тому или другому классу или от социального положения и профессиональной идеологии родителей и окружающей среды, или просто от случая. Большею частью истинное призвание человека остается скрытым или неосуществимым для него в течение всей его активной жизни и только в конце его трудовой карьеры обнаруживается для него, что он прожил и работал в чуждой ему области труда, не соответствующей ни его способностям, ни его склонностям. Поэтому наблюдается такое множество неудачников, людей, недовольных своею деятельностью, лишенных интереса к своему труду и радости труда, чувствующих себя рабами своей работы. Этим также об'ясняется факт, отмечаемый в статистических анкетах, чрезвычайно частых и многочисленных переходов от одной профессии к другой,—факт, указывающий на то, что люди часто мечутся в поисках своего призвания.

Этой весьма важной проблеме уделяется в литературе психотехники много внимания и имеется уже не мало исследований в этом отношении. Достаточно указать на следующее: Ruthman, „Berufswahl, Begabung und Arbeitsleistung"; Piorkowsky, „Beiträge zur methodologischen Psychologie der wirtschaftlichen Berufseignung"; Litmann „Psychische Geschlechtsunferschiede" и его же „Psychologische Berufsberatung"; Dück. „Wirtschaftspsychologisches im Baufach" и др.

Kurt Levin, автор исследования по этому вопросу („Die Sozialisirung des Taylorsystems", Berlin, 1921), составляющего четвертый выпуск издаваемого Карлом Коршем сборника „Практического социализма" („Praktischer Sozialismus"), предлагает ряд мер для устранения указанного ненормального явления нашей социальной жизни. Он считает необходимым, чтобы выбору профессии предшествовало психологическое исследование каждого человека в отношении его профессионального призвания с точки зрения общехозяйственных и психотехнических требований и соображений. Для этого необходимо, по его мнению, чтобы предварительно было произведено тщательное психологическое и техническое исследование различных профессий—методов, посредством которых они осуществляются на практике, и профессиональных сил, которых они требуют. Необходимо—говорит автор—более, чем это до сих пор делалось, обращать внимание на психологическую сторону профессиональной деятельности—на „хозяйственную психологию", необходимо искать и находить равнодействующую между законными интересами общества, нуждающегося в наиболее квалифицированных и наиболее ценных услугах своих членов, и справедливыми притязаниями отдельных работающих индивидумов на материальное и духовное удовлетворение за свою работу. Несомненно, общество имеет право требовать улучшения методов работы, увеличивающего производительность работы, но это увеличение производительности не должно итти за счет физического и духовного благополучия работающего.

Едва ли, однако, эта проблема может быть разрешена схематическим путем. Дело в том, что призвания в чистом, определенно-выраженном виде очень редко встречаются в жизни. Большею частью, можно сказать, в преобладающем числе случаев, призвание, в смысле соответствующих данной профессии определенных склонностей и специальных способностей, или вовсе не обнаруживается, или проявляется в очень слабой степени, мало обещающей и недостаточно определяющей подходящую профессию, или, наконец, выясняется постепенно на жизненном пути, по мере приобретения опыта по работе в разных специальностях и расширения умственного горизонта от общений с окружающей средой и после того, как человек переменил много профессий и именно вследствие того, что, меняя различные профессии и пробуя свои силы в разных областях деятельности, он мог узнать свои силы и определить и приспособить себя к данной профессии. Таким образом, заранее, на основании психотехнического исследования каждого отдельного человека, определить его призвание и предуказать ему его будущую деятельность, как это предлагает автор вышеупомянутой книжки,—представляется вполне иллюзорным планом, мало пригодным в действительной жизни. Тут главным образом возможны и необходимы меры чисто педагогического свойства, именно, со стороны семьи и школы, которые должны стремиться к тому, чтобы выявлять и развивать в детях все заложенные в них способности и склонности и тем помочь молодым людям, вступающим в жизнь, самоопределиться и сознательно относиться к выбору своей будущей профессиональной деятельности.

Этим, конечно, не исключается важная роль психотехники, как науки, имеющей целью собирать и изучать данные и факты в области психологии труда и техники профессии и на основании этого материала, путем анализа и обобщения его, давать руководящие выводы относительно тех требований, которые профессия может предявлять к личности и личность к профессии. Всякий труд, в общем и по существу своему, носит в себе, в большей или меньшей степени, элемент тягостности для человека, и таким он всегда останется, при каком бы социальном строе ни жило общество. Для преодоления или нейтрализации этого элемента требуются известные психологические предпосылки и соответственные социальные условия для применения труда. Найти или по крайней мере приблизиться к тому, чтобы найти ту равнодействующую линию, по которой может устанавливаться некоторая гармония между трудом и личностью, между социальным долгом каждого члена общества трудиться и свойственным психологической и физической природе человека устремлением к покою бездеятельности, уменьшить тягость трудового напряжения и увеличить радость трудового удовлетворения—в этом великая проблема будущего.

II. Новое рабочее право в Германии.

Рядом с новым правом в области финансов и хозяйства революция выдвинула в Германии на первый план вопросы рабочего законодательства. Причины лежали отчасти в хозяйственном положении страны, которое после катастрофы мировой войны угрожало безработицей и разрухой, отчасти в изменившемся положении рабочего класса в политической жизни германского государства, в связи с новой конституцией его и с усилившимся в Германии рабочим движением.

В настоящее время германское рабочее право находится еще в переходном состоянии, так как многие вопросы лишь намечены в законодательных проектах и временных законах и еще не получили окончательного разрешения ни с юридической, ни с социальной стороны. Современное материальное и процессуальное право, которое, как всем казалось достигло возможного совершенства, оказывается, содержит в себе огромный из'ян:

в нем отсутствует весьма существенный чрезвычайной важности правовой материал, касающийся многих миллионов людей—рабочего класса. Приходится строить новое здание права, в разных отношениях дополняющее и изменяющее старое односторонне-буржуазное право.

Первым шагом в этом направлении является закон о Промышленных Советах или „Советах предприятий" (Betriebsrätegesetz), за ним следуют правила о примирительных камерах и закон о трудовом суде и, наконец, общие положения о коллективном (тарифном) договоре, на основе которых выработан подробный законопроект, подлежащий в скором времени внесению в рейхстаг. Дополнением к ним служат некоторые специальные законы, как, напр., закон о домашней прислуге. В области страхования намечены страхование от безработицы и организация на новых началах системы социального страхования. Такой частичный порядок издания отдельных законов, конечно, очень затрудняет практическое применение и теоретическое обозрение действующего права и, кроме того, приводит при каждом издании нового закона к необходимости производить изменения в прежних законах, к новеллам и к изданию сложных переходных правил.

Из обозрения нового германского рабочего законодательства обнаруживается, что все сильнее выступает тенденция применять публично-правовые начала к взаимоотношениям между работодателями и рабочими которые до сих пор регулировались почти исключительно на основе свободного договорного соглашения. Также замечается стремление к углублению вопросов профессиональных организаций и к развитию законодательства о профессиональных советах в духе общегосударственном. В частности, знаменательными являются нововведения в области коллективного (тарифного) договора, выходящие далеко за пределы действующего частного права.

Новое германское рабочее право вызвало богатую литературу теоретического и практического характера.

На первом месте должно быть поставлено обширное исследование Herkner'а: Die Arbeiterfrage. Eine Einführung. 1 Band: Arbeiterfrage und Sozialreform. 2 Band: Soziale Theorien und Parteien (Berlin-Leipzig, 1921). Этот капитальный труд, обнимающий около 1400 страниц, содержит в себе обстоятельное исследование всей совокупности проблем, связанных с так называемым рабочим вопросом, как со стороны исторического хода развития их, так и в догматически-систематической трактовке „рабочего права", в котором кристализовались идеи рабочего движения и стремления рабочего класса. Автор дает подробный очерк социально-экономических условий, которые вызвали возникновение рабочего класса, явившегося продуктом развития фабричной промышленности, и дальнейшего затем постепенного расширения производительных сил и производственных отношений, создавших профессиональное состояние рабочих, как обособленного социального класса. Обособленность этого класса автор об'ясняет тем, что с самого начала его возникновения он был лишен надлежащего места в хозяйственной жизни, вследствие чего членам этого класса всегда угрожала имущественная и личная необеспеченность. В этом, по мнению автора, лежат корни возникшего рабочего движения, которое, безпрерывно все более усиливаясь, достигло в настоящее время колоссальных размеров в масштабе мировом. Одним из последствий этого движения явилось рабочее или социальное право, которое начинает занимать первенствующее место во всех культурных государствах. Автор останавливается на рассмотрении отдельных институтов и норм рабочего законодательства, главным образом германского и, в особенности, послевоенного и послереволюционного периода, причем он не ограничивается задачей систематизации их, но попутно высказывает мысли и соображения, характеризующие идеалы будущего социального строя.

Книга Karl'a Zwing'a „Gewerkschaftliche Probleme. Beiträge zu den neuen Aufgaben der Gewerkschaften“ (Stuttgart, 1921) ставит себе целью— дать краткие очерки наиболее важных проблем, служащих в настоящее время движущей силой профессионального движения. Центральное место в современном профессиональном движении занимает вопрос о производственной основе профессиональных союзов, в связи с которым получила развитие идея, заложенная в германском новом законе о промышленных советах. Другая весьма важная новая проблема, еще пока недостаточно выяснившаяся, — это проблема о преимуществах политического или хозяйственного парламентаризма. Далее следуют вопросы о заработной плате, об охране труда, о мерах против безработицы, о формах профессиональных организаций и др. Все эти вопросы, имеющие огромное значение для профессионального движения, составляют предмет детального рассмотрения в работе Цвинга. В заключении автор делает попытку очертить будущий тип рабочего, который должно создать профессиональное движение для достижения великой цели: превратить капиталистическое хозяйство в социалистическое.

Работа Walter'a Kaskel'я „Des neue Arbeitsrecht“ (Berlin, 1921) содержит в себе систематическое изложение действующего ныне в Германии рабочего законодательства и имеет в виду дать пособие для теоретического и практического изучения этого пока еще в хаотическом состоянии находящегося права. Автор задается целью—„из отдельных законодательных постановлений извлечь содержащиеся в них правовые идеи и привести их в одну систему“, также „путем сопоставления отдельных положений осветить правильное применение нового права на практике“ и, наконец, „подготовить систематически обработанный материал для научной трактовки рабочего права и выработки в будущем кодекса труда“.

Такую же цель преследует автор книги—„Arbeiterschutz und Arbeitsrecht“ (Berlin, 1921), Adolf Günther. Систематически излагая и разъясняя последовавшие в Германии, начиная с 9 ноября 1918 г. (день переворота), многочисленные новые законы и постановления, касающиеся охраны труда, автор, между прочим, отмечает, что все эти новые законоположения проникнуты тенденцией в сторону регламентации индивидуального рабочего договора в смысле сужения области свободного соглашения. Автор полагает, что эта тенденция германского законодательства сделается основой социального права в будущем для всех индустриальных стран.

Заслуживает внимания, что ноябрьская революция в Германии вызвала весьма сильное развитие сельскохозяйственного рабочего движения, которое до революции проявлялось весьма слабо и стояло в стороне от общерабочего движения. Союз сельскохозяйственных рабочих, в котором к концу 1918 г. числилось только 25470 членов, в июле 1920 г. имел уже около 700,000 членов. Тарифный (коллективный) договор, который раньше считался в области сельского хозяйства, в виду особенностей последнего, неприменимым, получил ныне широкое распространение среди сельскохозяйственных рабочих и осуществляется на практике с постоянством системы. Договор личного найма сельскохозяйственных рабочих освободился, согласно Положения Совета Народных уполномоченных от 12 ноября 1918 г., от всех исключительных специальных постановлений, регулировавших его раньше, и в настоящее время подлежит действию общих норм гражданского кодекса о договорах личного найма (трудового договора). На сельскохозяйственных рабочих также распространяется действие нового закона о промышленных советах и правила о рабочих судах. Систематическому изложению действующего ныне в Германии сельскохозяйственного рабочего права посвящена книга Siegfried'a Rosenfeld'a—„Das neue Landarbeitsrechs“ (Berlin—Fichtenam, 1921).

Одним из трудных и болезненных вопросов современной социально-экономической жизни является вопрос о борьбе с безработицей. Автор книги „Die Arbeitslosigkeit und ihre Bekämpfung“ (Tübingen, 1921) Karl Kumpmann, многие годы занимавшийся проблемой безработицы и многократно принимавший оффициальное участие в разработке и применении мероприятий для устранения безработицы, пытается выяснить современное положение этой проблемы и указать программу ее разрешения. Наиболее действительным средством против безработицы он считает централизацию, монополизацию и индивидуализацию мер по распределению рабочей силы. По его мнению, представлялось бы наиболее целесообразным образование единого учреждения труда для всей Германии, которое сосредоточило бы в себе все сведения о рабочих, о промышленных предприятиях и профессиях, данные о безработных, меры распределения рабочей силы, страхование от безработицы и т. д.; в составе этого учреждения могут быть образованы отдельные должности или отделы для различных целей, но они обязательно должны быть об‘единены в общей деятельности, долженствующей выполнить важнейшую задачу—охранять труд, этот величайший хозяйственный рессурс страны.

Другой нелегко разрешаемый вопрос—это вопрос о заработной плате. Ему посвящена книга англичанина Philipp'a Snowden'a „Waages and Prices“ (London, 1921). Автор после исторической и экономической оценки системы заработной платы останавливается на вопросах об источниках заработного дохода, о соотношении между заработной платой и государством, между заработной платой, товарами и рыночными ценами, на теории образования цен, на влиянии монополии на цены и т. п. Автор утверждает, что для рабочих выгоднее понижение цен, чем повышение заработной платы, ибо последнее обязательно влечет за собою повышение цен, вследствие чего оно вновь возвращается к своему прежнему относительному уровню, между тем как применять систему постоянных сокращений заработной платы, раз уже установленной, в зависимости от понижающихся цен, весьма затруднительно для предпринимателей. Для достижения цели понижения цен автор, между прочим, рекомендует сокращение оборота денежных знаков, усиление налогового обложения на имущества, огосударствление банкового дела и т. д.

Укажем еще на вышедшую недавно в Лозанне брошюру A. Banmeister'a „Die Gewerkschaften und die internationale Arbeitsorganisation“, которая воспроизводит в дополненном виде содержание доклада, сделанного автором летом 1921 г. в собрании представителей английских профессиональных организаций в Женеве. Брошюра рассматривает вопросы самопомощи, развитие профессиональных организаций и отношение их к проблеме интернализации рабочего законодательства, а также переход от местного профессионального движения к интернациональному. В частности автор рассматривает положение рабочего законодательства до войны и обнаружившиеся стремления рабочего класса во время войны, также учреждение интернациональной рабочей организации, ее деятельность до настоящего времени и меры противодействия, принимаемые работодателями в отношении этой организации.

Как известно, Версальский мирный договор заключает в себе, между прочим, ряд статей, нормирующих международную защиту труда. Эти положения мирного договора составляют предмет исследования, предпринятого проф. Нейшательского университета André de Meday в его книге „La Charte internationale du Travail“ (Paris, 1921). Автор различает три фазы в истории развития интернационального института охраны труда: 1) период идей и попыток, 2) период организационный и 3) период законодательный. Последний период начинается с момента учреждения Лиги наций, которая в число своих задач, направленных к умиротворению человечества,

включила также задачу покровительства труда в международном масштабе, и для этого организовала перманентное международное учреждение покровительства труда. Автор изображает механизм этого учреждения, которое состоит из трех органов: Генеральной Конференции из представителей членов Лиги наций, Бюро Труда, занимающегося собиранием и об'единением материалов по охране труда, и Административного Совета. Пропорция делегатов во всех этих органах одинаковая. Конференция, которая должна собираться не менее одного раза в год, состоит из 4 делегатов от каждого государства, именно 2 делегатов от правительства, 1 от рабочих и 1 от предпринимателей. — Решения, принимаемые Конференциею, могут иметь двоякий характер: или они приобретают форму международной конвенции, текст которой должен быть ритифицирован правительством каждой страны, или они представляют собой предложение, принцип которого рекомендуется государствам принять, как основу своих законодательств.

Я. Канторович.

Из вотчинных архивов.

Шудская вотчина, расположенная в Варнавинском и Кологривском уездах. Костромской губернии, на 1 января 1853 г. состояла из 12 деревень и занимала площадь в тридцать тысяч с лишним десятин, из коих крестьянской земли пахотной и огородной—2140 десятин 1635 саж., луговой—767 дес. 2230 саж. и лесной—5894 дес. 542 саж. Ревизских душ мужских 624, женских 704. Со времени составления в 1850 г. списков по 9 ревизии население увеличилось на 13 мужских и 12 женских душ. Запас хлебов в мирском магазине, в сельских запасных магазинах и по дворам у крестьян достигал, приблизительно, 36 пудов озимого и ярового хлеба на душу. Рогатого скота крупного—1264 голов, мелкого—1250, лошадей рабочих—445, молодых—89, т. е. на каждое тягло: скота рогатого по ¾, мелкого по 4¾, лошадей рабочих по 1⅔ и молодых по ⅓.

Ниже приводятся выдержки из подворной описи, рисующие жизнь целого ряда отдельных семейств, из коих одни пользовались материальным достатком, другие же более слабо и даже вовсе не были обеспечены.

Крестьяне Варнавинского уезда платили чистого оброка в год с 252½ тягл—4341 руб. 42 коп. Они отбывали натурою разные работы в пользу помещика, употребляя на это около шестидесяти дней с тягла в год. Натуральная повинность, по урочному положению, утвержденному губернским присутствием, расчитывалась:

летних мужских дней: при покосе—1250; по экономии—250; при пахоте—534; всего 2034 дня, по 30 коп. за день, 610 руб. 20 коп.;

летних женских дней: при покосе—1000; по экономии—140; при уборке хлеба—80; всего 1220 дней, по 20 коп. за день, 244 руб.;

для работ при доме (мытье полов и друг.)—зимних 140 дней по 10 коп. и для посылок конных—зимних и летних 52 дня по 40 коп.,—34 руб. 80 коп.;

вырубка и доставка в экономию по одной сажени дров с тягла: один летний день (25 коп.) и один конный день (40 коп.)—163 руб. 80 коп.

Таким образом, крестьяне отбывали натуральную повинность всего на 1052 руб. 80 коп., что вместе с денежным оброком составляло в год 5.394 р. 22 к.

В Кологривском уезде, где экономии не было и вся земля находилась в пользовании крестьян, никакой натуральной повинности в пользу помещика ими не отбывалось.

Владелец не жил постоянно в имении и хозяйством заведывал управляющий (по деревням бурмистры и старосты), который подоробно доносил о своих распоряжениях и, повидимому, пользовался большими полномочиями, действуя именем владельца. Мы приводим некоторые извлечения из его докладов, заключающие в себе известный бытовой материал.

С 18 по 20 марта 1853 г. управляющий осматривал крестьянские лесные зимние выработки в Кологривском уезде и по проверке оказалось заготовленного крестьянами леса 3307 бревен 5—6 саж. от 4 до 8 вершков в отрубе и 410 саж. дров. Бревна вывезены к разным пристаням двух небольших речек, по коим с величай-

ным трудом весеннею водою в продолжение 2 недель будут сплавляться малыми плотами в реку Унжу, где составляются большие плоты от 150 до 250 дерев, которые сплавляются к гор. Макарьеву и вырученными от продажи леса деньгами крестьяне будут в состоянии уплатить оброк.

В мае управляющий донес, что с 19 на 20 в полночь пожаром в деревне Прудовке истреблено 19 дворов. Крестьяне лишились всех своих запасов, одежды, сбруи, земледельческих орудий. Сгорел и мирской хлебный магазин, в котором находилось 140 пуд. хлеба. Так-как многие крестьяне лишились даже дневного пропитания, то приказано было выдать им хлеб. Крестьяне, пострадавшие от пожара, не в состоянии будут не только платить оброк, но даже и податей. Для постановки новых изб указано место, где предполагается выстроить деревню в две линии, оставив в середине довольно большой и глубокий пруд; расстояние между двумя линиями оставляется в 110 саж., а между каждой избой по 15 саж. Хотя крестьянам этот порядок не нравится, но "им приказано и об'явлена на то воля господская". Лес будет возиться другими деревнями с тягла, но большинство крестьян без пособия построиться не могут [1]).

19 ноября контора имения сообщила, что через земскую полицию получено "печатное" об'явление о новом денежном окладе, а именно: с удобных земель при населенных имениях на губернские повинности по одной копейке с десятины; со всех земель на частные повинности дворянских имений по полкопейки с десятины; с души: на государственные повинности по 50 коп., на губернские по $20\frac{1}{2}$ коп. Кроме этого, с каждой ревизской души податей по 35 коп., на содержание пансионов по 10 коп. и на народное продовольствие 3 коп. Поэтому с 1853 г. крестьяне обязаны вносить "разных повинностей в полтора раза больше, чем в прежние годы, а потому причитается взыскивать в год с тягла по 5 р. 20 к. (до этого по 3 р. 33 к.")."

Одновременно управляющий выразил опасение, что прием рекрут в текущем году очень строгий и "слишком разборчивый, да притом моложе 20 лет не принимают, а 34-летних воспрещают вводить в присутствие, поэтому очень трудно будет сдать тех, которые на худом замечании" [2]).

В 1855 году управляющий сообщил, что деревня Ахлябишина пострадала "от посещения тяжких болезней"; которые произошли от частых переходов больших рекрутских партий, и потеряла многих людей; с этих семейств оброка не требовалось, что составляло за год 310 р. ассигнациями с $5\frac{1}{6}$ тягл; вдовам, престарелым и сиротам производится выдача хлеба из мирского магазина, "дабы из имения никто по миру не ходил". По проверке подворной описи убыло рабочих людей за полтора года мужского пола семь душ и женского—шесть. Деревни Кулигина крестьянин Семен Хромушев [3]), 36 лет, зачислен кантонистом, на основании следствия, произведенного на месте 13 лет тому назад. Хромушев потребован на службу в батальон и управляющий опасается, что он будет через начальство просить "всю свою движимость, а по наущению вздумает требовать уплаченного в крестьянстве оброка".

В 1855 г. урожай был следующий: рожь сам семь с половиной, пшеница сам семь, яршща- три, ячмень четыре с половиной. На 1 января 1856 г. площадь имения осталась без изменения, население же со времени 9 ревизии уменьшилось на 14 душ мужского пола и на 12 душ женского, благодаря с одной стороны упомянутой выше эпидемии, а с другой усиленному рекрутскому набору и сбору ополчения [4]). Это

---

[1]) Владельцем сделано было распоряжение об оказании помощи с тем, чтобы до зимы все крестьяне построились и погорельцы были освобождены от платежа оброка на два года.

[2]) С подставными было намечено 11 человек, представлено 7, одного забраковали 6 приняли совершенно годных, среднего роста не старше 28 лет, из коих 4 неблагонадежного поведения.

[3]) Найдя, что показанное в метрике время рождения Семена Хромушева 1819 г., после отдачи отца его в 1818 г. в рекруты, подтверждается и рекрутским формулярным списком последнего, сенат определил признать Хромушева принадлежащим по рождению военному ведомству (Указ 5 апреля 1855 г.).

[4]) В 1851 г. были сданы в рекруты три человека, в 1855 г. в рекруты—двенадцать, и в ополчение—четырнадцать.

обстоятельство отразилось и на запасе хлеба у крестьян, уменьшившемся на $5^1/_2$ пудов на каждую душу против 1853 г.

Из уставных грамот, составленных в 1862 г. вследствие освобождения крестьян от крепостной зависимости, видно, что по десятой ревизии по деревням Варнавинского и Кологривского уезда, значилось мужского пола 664 души (с 1853 года увеличилось на 42 души), из них пять душ не участвовало в пользовании землей и как заявившие о желании быть уволенными из мирского общества землею не наделялись. По местности размер надела был определен в высшем размере по шесть десятин на душу [1]). Таким образом, крестьяне по наделу получили 3954 дес. и кроме того владелец безвозмездно уступил им еще 26 дес. 2160 саж. Сопоставляя эти цифры с количеством земли, находившимся в пользовании крестьян до освобождения от крепостной зависимости, получаем уменьшение площади на 1721 дес. 110 саж. Так как крестьяне до освобождения пользовались лесом, то владелец обязывался доставлять им топливо в течение десяти лет по казенной цене. Права рыбной ловли по рекам и озерам, примыкающим к имению, сохранялись за владельцем. За предоставленную в постоянное пользование крестьянам землю на основании местного положения причиталось с каждого душевого надела в Варнавинском уезде по 9 руб. а в Кологривском по 7 р. $46^2/_7$ коп. Из числа оброка с каждого душевого надела считалось за усадьбу 1 р. 50 к., потому, что имение по местному положению, не приносит никаких особых выгод и должно быть отнесено к первому разряду". Следовательно по уставным грамотам оброк временно-обязанных крестьян составлял по деревням Варнавинского уезда с 573 душ по 9 руб.—5157 р. и Кологривском с 86 душ по 7 р. $46^1/_7$ к.—642 р. $85^5/_7$ коп. При совершении выкупной операции по Варнавинскому уезду в 1878 году, а Кологривскому в 1883 г. были разрешены выкупные ссуды по капитализации оброка из 6% годовых за вычетом $^1/_5$ части, под 3438 дес. земли в Варнавинском уезде 68.760 р. и под 516 дес. Кологривского уезда 10.320 руб. Сопоставляя вышеприведенные данные, надо заключить, что положение крестьян деревень Кологривского уезда во всех отношениях было лучше положения крестьян деревень Варнавинского уезда.

А. Путилов.

---

1) Имение, из которого [illegible] ности Великороссийских губерний [illegible] шесть десятин, а низший [illegible]

Выдержки из подворной описи по Шудской вотчине.

Хозяин и члены его семьи.	Лета.	Тягла.	ЧТО ИМЕЕТ ХОЗЯИН. Строения—чем крыты и их состояние.	Скот.	ЗЕРНОВОЙ ХЛЕБ.	В посеве и отсыпано на посев. Четвертей.	Четвериков.	Гарнцев.	Налицо. Четвертей.	Четвериков.	Гарнцев.	Возов сена.	ПРИМЕЧАНИЯ. В каком состоянии находится хозяйство.
Петр Пестов Его жена Их дети: Ненила Елена Александра Петра брат Иван Его жена Ирина Их дети: Иван Пелагея Вдова брата Афимья Ее сын Алексей Его жена Марья Петра мать	39 41 17 14 3 31 38 8 11 49 20 19 66	3	Изба с сенником и хлебный амбар крыты тесом; мякинница, овин и баня - дранью.	Рабочих лошадей 4; жеребят 1; коров 7; подтелков 3; овец 7; молодых 8; свиней 1. Ульев—10.	Ржи Овса Пшеницы Ячменя Гороха Сем. льн. Конопли	4 6 — — — —	— 4 3 3 2 4 	— — — — — — 2	13 20 1 1 2 1 —	— — 6 5 2 6 —	— — — — — —	55 — — — — —	В хорошем. От пожара осталась одна изба на другом конце деревни, а дом его со всеми пристройками сгорел; отстраивает, не требуя денежного пособия. Уволен на год от оброка и податей.
Андрей Ершов Его жена Их сын Андрея брат Мартын Мать Ершовых Ее дочь Мартына жена	23 24 2 20 45 13 22	2	Изба, сенник, амбар—соломой; овин тесом; баня (ветхая).	Рабочих лошадей 2; коров 3; подтелков 2; овец 3; молодых 5.	Ржи Овса Пшеницы Гороха Сем. льн. Конопли	2 3 — — — —	6 4 1 2 2 —	1 — — — — 1	8 8 — 1 — —	 6 3 6 6 —	— — — — — 6	40 — — — — —	В бедном положении. От пожара строений и имущества лишился. При денежном пособии отстроил. Уволен на год от оброка и податей.
Захар Кулев Его жена Дети: Афеноген Ульян Федосья Ирина	44 4 13 5 19 16	1	Изба — соломой; овин - дранью.	Рабочих лошадей 2; коров 3; подтелков 1.	Ржи Овса Пшеницы Гороха Сем. льн.	1 2 — — —	4 7 1 2 2	— — — — —	4 5 — 1 —	6 — 3 2 7	— — — — —	20 — — — —	В бедном положении. От пожара, исключая овина, строения и имущества лишился, на постройку выдается денежное пособие, а также и на обзаведение. Уволен на год от оброка и податей.
Александр Федотов Его дети: Иван Афанасий Ивана жена Их дети: Дементий Пахом Трофим Анна Афанасия жена Их сын 2 нед.	67 41 37 40 18 14 8 12 30 	2	Изба — соломой; овин - дранью; баня.	Рабочих лошадей 3; жеребят 2; коров 2; подтелков 3: [illegible] 1; овец 1; молодых [illegible]	Ржи Овса Пшеницы Гороха Сем. льн.	2 4 — — —	— 4 3 3 2	— — — —	8 8 1 2 —	— 2 2 — 6	— — — — —	40 — — — —	В бедном положении. От пожара по прошествии 3 лет в другой раз всего строения и имущества лишился. При денежном пособии отстраивается. Уволен на год от платежа оброка и податей. Иван отдан в ополчение.
Дмитрий Угланов Его жена После брата дочь Авдотья	51 61 20	—	Изба соломой.	Коров одна.									Бедного состояния. От пожара строений и имущества лишился. Ему выдано денежное пособие.
Никита Алексеев Его дети: Данила Анна Екатерина Данилы жена Их дети: Савелий Самсон Михаил Иван Матрена	55 29 22 15 31 9 6 4 2 10	1½	Изба с сенником и другая избушка (ветхая)—соломой; двор с 3-мя перерубами и накатником наверху, сеновал и амбар - соломой; погреб — дранью (ветхий); овин вместе с братом.	Рабочих лошадей 3; жеребят 1; коров 4; подтелков 4; овец 6; молодых 5; свиней 2. Ульев—5.	Ржи Овса Пшеницы Гороха Сем. льн.	2 5 — — —	6 — 2 2 2	— — — — —	10 15 1 2 1	6 — 2 2 —	— — — — —	32 — — — — —	В хорошем. По приказанию владельца 1 тягла убавлено по болезни Никиты.

ЧТО ИМЕЕТ ХОЗЯИН.

Хозяин и члены его семьи.	Лета.	Тягла.	Строения—чем крыты и их состояние.	Скот.	Зерновой хлеб.	В посеве и отсыпано на посев. Четвертей.	В посеве и отсыпано на посев. Четвериков.	В посеве и отсыпано на посев. Гарнцев.	Налицо. Четвертей.	Налицо. Четвериков.	Налицо. Гарнцев.	Возов сена.	ПРИМЕЧАНИЯ. В каком состоянии находится хозяйство.
Филипп Курбатов Его жена Их дети: Максим Григорий Агафон Федор Бикул Павел Матрена Максима жена Их дочь Григория жена Их сын Агафона жена	54 48 29 26 22 21 18 13 11 31 2 28 2 23	3	Изба с сенником и другая изба—соломой; струбы; двор с 3-мя перерубами и накатником наверху сеновал, амбар, мякинница, овин и погреб—соломой.	Рабочих лошадей 3; жеребят 2; коров 6; подтелков 8; овец 4; молодых 6; свиней 3.	Ржи Овса Пшеницы Ячменя Гороха Сем. льн. Конопли	4 6 — — — — —	4 6 1 1 [illegible] 4 —	— — — — — — 1	18 18 — — 1 1 —	— 4 3 4 7 6 —	— — 4 — — — 6	60 — — — — — —	В посредственном. Федор находится в Москве для обучения кузнечному мастерству.
Михей Никовенок Его 2-я жена Их сын Алексей Его жена Вдова брата Ее дети: Осип Екатерина Матрена Михея второй брат Аким Его жена Их дети: Федор Любовь Марья	56 48 19 19 38 15 14 12 35 38 2 12 7	2	Изба с сенником- тесом; другая изба назади вместо сенника; но внутри не отделана и 3-ья избушка (ветхая) — соломой. Двор с 3-мя перерубами и накатником наверху; сеновал, погреб и баня соломой; амбар и овин—дранью; мякинница—соломой.	Рабочих лошадей 3; жеребят 1; коров 8; подтелков 3; овец 7; молодых 6.	Ржи Овса Пшеницы Гороха Сем. льн. Конопли	3 8 — — — —	3 — 2 1 4 —	— — — — — 4	18 22 1 2 1 —	— 6 2 2 4 —	— — — — — 5	45 — — — — —	В хорошем. Аким Григорьев сменен с должности лесничего, за непозволительные денежные взятки и другие своевольные поступки, в лесной Дичке обнаружившиеся.
Евстигней Люленок Его жена Их дети: Михаила Александр Михайлы жена Их дети: Евдокия Анна Афимья Александра жена Их дочь Татьяна	53 53 27 20 26 4 2 2 20 2	3	Изба с сенником и другая избушка; двор с 3-мя перерубами наверху, сеновал—крыты соломой.	Рабочих лошадей 3; коров 6; подтелков 2; овец 5; молодых 4; свиней 4.	Ржи Овса Ячменя Пшеницы Гороха Сем. льн. Конопли	4 5 — — — — —	— 4 2 3 3 3 —	— — — — — — 2	14 18 1 1 2 1 —	2 4 — 2 4 2 —	— — — — — — 6	60 — — — — — —	В хорошем. Александр Евстигнеев оспопрививатель.
Иван Люленок Его жена Их дети: Ульян Надежда Ее сын Абрам Ульяна жена Ивана дочери Агафьи сын Андрей	48 49 21 23 2 2 5	1	Изба с сенником—соломой; двор с 3-мя перерубами и накатниками наверху; сеновал—соломой; амбар и овин—дранью.	Рабочих лошадей 2; коров 4; подтелков 1; свиней 3.	Ржи Овса Пшеницы Гороха Сем. льн. Конопли	2 3 [illegible] [illegible] [illegible] —	4 1 1 2 2 [illegible]	— [illegible] — [illegible] [illegible] 1	10 [illegible] [illegible] 1 1 [illegible]	[illegible] 6 7 6 — [illegible]	— [illegible] — [illegible] — 4	35 — — — — —	В хорошем. По приказанию владельца тягло по болезни Ивана убавлено.
Тимофея Леонтьева, отданного в рекруты в 1851 г. Дети: Василий Федор Надежда	 4 2 8		Изба с сенником (ветхая) и другая новая соломой, но внутри не отделана. Двор с 3-мя перерубами и накатником наверху; сеновал и погреб соломой; [illegible]	Рабочих лошадей 1; коров 2; овец 3 молодых 2.	Ржи Овса Пшеницы Ячменя Гороха Сем. льн. Конопли	1 1 — — — — —	— 4 1 1 1 1 —	— — — — — — 2	4 1 — — — — —	— — 3 3 5 3 —	— — — — — — 6	16 — — — — — —	В бедном положении. При малолетних находится мать солдатка.

2

Хозяин и члены его семьи.	Лета.	Тягла.	ЧТО ИМЕЕТ ХОЗЯИН.										ПРИМЕЧАНИЯ. В каком состоянии находится хозяйство.
			Строения чем крыты и их состояние.	Скот.	ЗЕРНОВОЙ ХЛЕБ.							Возов сена.	
						В посеве и отсылано на посев.			Налицо.				
						Четвертей.	Четвериков.	Гарнцев.	Четвертей.	Четвериков.	Гарнцев.		
Иван Бобылев	40	1	Изба с сенником, вместо двора два хлева соломой; овин общий с братом.	Рабочих лошадей 1; коров 1; подтелков 1; овец 2; свиней 2.	Ржи . . .	1	—	—	3	2	—	13	В бедном положении.
Его 2-я жена	28				Овса . . .	1	2	—	3	4	—	—	
Их сын Андрей	9				Гороха . .	—	1	—	—	6	—	—	
					Сем. льн. .	—	1	—	—	2	—	—	
Трифон Пометелин	53	4	Изба с сенником и другая избушка зимница — тесом.	Рабочих лошадей 4; коров 10; подтелков 2; овец 6; молодых 5; свиней 7.	Ржи . . .	6	4	—	36	—	—	80	В хорошем. Разрешено владельцем разделиться с тем, дабы при отце был один сын, а другие два должны жить вместе в одном доме.
Его 2-я жена	33				Овса . . .	10		—	35	4	—	—	
Дети от 1-й жены: Никандр	36				Пшеницы .	—	3	—	1	4	—	—	
Тимофей	39				Ячменя . .	—	2	—	1	—	—	—	
Абрам	23				Гороха . .	—	2	—	3	—	—	—	
Ирина	19				Сем. льн. .	—	5	—	1	6	—	—	
Никандра жена	39												
Их дети: Иван	9												
Евдокия	5												
Евдокия 3 недели													
Тимофея 2-я жена	33												
Их дети: Василий	11												
Тимофей	2												
Егор 5 месяц.													
Марья	6												
Екатерина	3												
От 1-й жены: Марфа	12												
Абрама жена	25												
Их дочь Марья 5 месяц.													
Макар Курганов	53	2	Изба с сенником тесом; другая избушка (ветхая) — дранью. Двор с 3-мя перерубами и накатником наверху, сеновал, мякинница — соломой; амбар — дранью и погреб — тесом.	Рабочих лошадей 4; коров 4; подтелков 3; овец 6; молодых 9.	Ржи . . .	3	4	—	16	—	—	38	В хорошем. Дозволено владельцем им разделиться с тем, дабы жили исправно и платили оброк.
Его 2-я жена	38				Овса . . .	5	—	—	15	5	—	—	
Дети: от 1-й жены Фока	18				Пшеницы .	—	2	—	1	2	—	—	
„ 2-й „ Иван	4				Гороха . .	—	1	—	1	2	—	—	
Антонина	13				Сем. льн. .	—	3	—	1	2	—	—	
Макара брат	51				Конопли .	—	—	3	—	—	6	—	
Его жена	49												
Михаил Кляпчинов	26	1	Изба с сенником тесом; другая изба, двор с 3-мя перерубами и накатником наверху, сеновал, мякинница, овин — соломой; амбар и погреб — дранью (ветхий); другой амбар — тесом.	Рабочих лошадей 3; коров 1; подтелков 2; овец 6; молодых 5. Ульев 10.	Ржи . . .	2	4	—	27	—	—	45	В хорошем. Михаил за дурное поведение и нерадение по хозяйству сдан в рекруты 1853 г. ноября 19. Его жена осталась в доме при своих детях.
Его жена	27				Овса . . .	4	—	—	20	—	—	—	
Их дети: Аграфена	6				Пшеницы .	—	3	—	1	4	—	—	
Мария	2				Ячменя . .	—	2	—	1	2	—	—	
Михайлы брат	23				Гороха . .	1	4	—	10	—	—	—	
Его жена	25				Сем. льн. .	—	3	—	1	2	—	—	
Их дети: Ольга 3 мес.													
Любовь	11												
Михайлы мать	62												
Никита Куломзин	40	—	Изба с сенником, двор с 3-мя перерубами и накатником наверху, сеновал, мякинница — соломой; амбар тесом и овин — дранью.	Рабочих лошадей 2; жеребят 1; коров 3; подтелков 1; овец 3; молодых 3; свиней 2.	Ржи . . .	1	4	—	7	—	—	18	В посредственном. По приказанию владельца по болезни Никита [illegible] платежа оброка уволен.
Его 2-я жена	40				Овса . . .	2	2	—	6	—	—	—	
Дети от 1-й жены: Марфа	19				Пшеницы .	—	1	—	—	3	—	—	
Елена	15				Гороха . .	—	1	—	1	—	—	—	
„ „ 2-й „ Евдокия	9				Сем. льн. .	—	2	—	—	6	—	—	
Настасья	6				Конопли .	—	—	1	—	—	3	—	

Хозяин и члены его семьи.	Лета.	Тягла.	ЧТО ИМЕЕТ ХОЗЯИН. Строения—чем крыты и их состояние.	Скот.	ЗЕРНОВОЙ ХЛЕБ	В посеве и отсыпано на посев. Четвертей.	Четвериков.	Гарнцев.	Налицо. Четвертей.	Четвериков.	Гарнцев.	Возов сена.	ПРИМЕЧАНИЯ. В каком состоянии находится хозяйство.
Никита Сорокин Его дети: Арефий Агафон Федот Арефья 2-я жена Его дети: от 1-й жены Федор „ 2-й „ Иван 3 м. Агафона жена Их дети: Михаила Арефий 3 мес. Феона Федота жена Их дети: Василий Фока	59 34 30 26 26 7 26 8 5 23 7 2	2	Изба с сенником и другая изба с сенником, амбар—тесом; другой амбар, овин и погреб—драньем; двор с 3-мя перерубами и накатником наверху, сеновал, мякинница и баня—соломой.	Рабочих лошадей 5; коров 11; подтелков 6; быков 3; овец 8; молодых 5; свиней 3. Ульев 20.	Ржи . . . Овса . . . Пшеницы . Гороха . . Сем. льн. .	7 11 — — —	4 4 2 3 3	— — — — —	32 42 1 4 2	— — — — 6	— — — — —	60 — — — —	В хорошем. Семейство считалось на очереди. Сдан в рекруты Федот 1853 г. ноября 19. Его жена Ирина осталась в доме при детях.
Матвей Васильев Его жена Их дети: Ефим Василий Марфа Матвея брат	37 41 14 5 9 24	1	Изба с сенником и другая изба внутри не отделана, двор с 3-мя перерубами наверху сеновал, мякинница, погреб—соломой; амбар и баня крыты драньем.	Рабочих лошадей 3; жеребят 1; коров 1; подтелков 1; бык 1; овец 2; свиней 1.	Ржи . . . Овса . . . Гороха . . Сем. льн. .	2 2 	4 1 1	— — — —	5 5 —	5 — 7 4	— — — —	20 — — —	В посредственном.
Иван Мухин Его жена Их приемыш Павел Ивана брат Макар Его жена Их дети: Прасковья Анна Елена	52 54 13 41 39 11 8 4	—	Изба с сенником и амбар тесом; другая изба, двор с 3-мя перерубами и накатником наверху сеновал—соломой; овин, мякинница и погреб—драньем.	Рабочих лошадей 3; коров 6; подтелков 2; овец 6; молодых 7; свиней 2. Ульев 2.	Ржи . . Овса . . . Пшеницы . Гороха . Сем. льн. . Конопли .	3 4 — — — —	2 — 2 2 2 —	— — — — — 2	10 8 — 1 — —	— 2 6 5 6 —	— — — — — 6	40 — — — —	В хорошем. Иван по приказанию владельца по причине слепоты брата Макара и малолетних детей в сем семействе уволен от платежа оброка.
Федор Бугров Его 2-я жена От 1-й жены: Осип Григорий Осипа жена Их дети: Арсений Лука Прасковья Григория жена	53 30 27 20 27 4 2 5 23	1½	Изба с сенником—тесом (ветхая); срубы; двор с 3-мя перерубами и накатником наверху сеновал и баня—соломой; амбар и погреб—тесом; мякинница и овин драньем.	Рабочих лошадей 3; жеребят 1; коров 4; подтелков 4; быков 2; овец 7; молодых 10. Ульев 10.	Ржи . . . Овса . . . Ячменя . . Ярицы . . Гороха . . Сем. льн. . Конопли .	4 5 — — — — —	4 2 1 2 2 3 —	— — — — — — 1	10 11 — — 1 1 —	— — 3 6 2 1 —	— — — — — — 3	40 — — — —	В посредственном. По приказанию владельца ½ тягла убавлено.
Михаила Иванов Его жена Михаилы сестры: Матрена Устинья	30 23 43 31	—	Избушка с сенником соломой (ветхая).										В бедном положении. В бегах с 1848 г. и по ревизии отмечен.
Антон [illegible] Его жена Их дети: [illegible] [illegible] Домна [illegible]	45 33 15 2 11 [illegible]	—	Изба с сенником и другая избушка, двор с 3-мя перерубами и накатником наверху сеновал, амбар, овин и баня, общие с братом—соломой.	Рабочих лошадей 3; коров [illegible]; подтелков 2; овец 4; молодых 6; свиней [illegible].	Ржи . . . Овса . . . Гороха . . Сем. льн. Конопли .	2 3 — — —	— 4 2 2 —	— — — 1	5 6 1 — —	— — — 6 —	— — — — 2	18 — — — —	В посредственном. Антон по приказанию владельца уволен по болезни от платежа оброка.

Хозяин и члены его семьи.	Лета.	Тягла.	ЧТО ИМЕЕТ ХОЗЯИН. Строения—чем крыты и их состояние.	Скот.	Зерновой хлеб.	В посеве и отсыпано на посев. Четвертей.	Четвериков.	Гарнцев.	Налицо. Четвертей.	Четвериков.	Гарнцев.	Возов сена.	ПРИМЕЧАНИЯ. В каком состоянии находится хозяйство.
Емельян Смирнов Его жена Их приемыш Григорий Его жена Их дети: Егор Никита 2 нед. Соломонида Марина	49 47 27 30 6 5 3	1 1/2	Изба с сенникои и другая ветхая избушка, двор с 3-мя перерубами и накатником наверху сеновал, амбар и овин -соломой; мякинница—дранью.	Рабочих лошадей 2; коров 4; подтелков 3; овец 3; молодых 4; свиней 4.	Ржи Овса Пшеницы Ячменя Гороха Сем. льн. Конопли	2 3 — — — — —	2 4 1 1 1 2 —	— — — — — — 1	7 9 — — — — —	6 — 3 3 6 6 —	— — — — — — 3	30 — — — — — —	В посредственнсм. По приказанию владельца Емельяну по болезни глазной 1/2 тягла убавлено.
Арефий Шилов Его жена Их дети: Игнатий Иван Анна Олимпиада Арефья брат Сергей Его жена Арефья сестра	34 31 11 7 9 4 25 26 50	2	Изба с сенником и клетью, хлев, хлебный амбар и погреб—соломой.	Рабочих лошадей 2; коров 3; подтелков 1 и бык 1.	Ржи Ячменя Ярицы Овса Сем. льн. Гороха Картоф.	3 — — 5 —	2 2 6 6 1 2 7	— — — — — — —	6 — 1 10 — — 1	4 6 4 4 1 6 3	— — — — 4 —	— — — — — — —	Бедного состояния. Ленивы, оба брата находятся под особым надзором Ахлебишинского Старосты.
Кузьма Кожин Его жена Кузьмы зять Василиск Ионов Его жена Их дети: Егор Максим	54 56 27 27 9 7	1/2	Изба с сенником, амбар, хлев, хлебный амбар соломой, погребница, сенной сарай и овин—дранью.	Рабочих лошадей 1; коров 2; подтелков 1; овец 5.	Ржи Ячменя Овса Сем. льн. Гороха Картоф	1 — 3 — — —	4 1 — 1 1 7	— — — — — —	3 — 6 — — 1	— 4 4 2 4 2	— — — — — —	— — — — — —	В посредственном. Василиск Ионов за дурнсе поведение и буйство отдан в рекруты 1853 г. ноября 19. Его жена осталась в доме при своих детях.
Афанасий Киселев Его жена Его мать Афанасья дедушка Его жена	19 19 51 56 56	—	Изба и сени — соломой (ветхие).	Рабочих лошадей 1; коров 2; подтелков 1; овец 2.	Ржи Овса Гороха Сем. льн. Картоф.	— 1 — — —	6 2 1 — 5	— — — 2 —	1 2 — — —	2 7 2 1	— — 4 6 2	— — — — —	Бедного состояния. Отпускается по билету бить шерсть в зимнее время.
Филат Дорофеев Его жена Их сын Нефодий Его жена Аграфена	44 41 24	2											Находится на фабрике князя Меньшикова с своим семейством.
Григорий Гаврилов Его 3-я жена	75 67		Изба и сени, дворик—соломой.	Коров 1.	Картоф.	—	—	—	—	1	6	—	Бедного состояния. Для прожития хлеб получает из мирского магазина.
Василия Семенова, сосланного на поселение, жена Его незаконнорожден. сын Федор (16 л.); Дочери: Настасья (23 л.); Клавдия (21 г.); Дарья (10 л.); Наталья (8 л.).	41		В Москве.										Находится с семейством в Кинешемском уезде на фабрике госпожи Свечиной.

Значение труда старообрядцев в развитии промыслов.

Начавшиеся в середине 17 в. и продолжавшиеся до последнего времени религиозные движения имели последствием возникновение и развитие промышленности, торговли, земледелия и скотоводства в таких местах, как в центре, так и на окраине, где их раньше не было.

Во второй половине 17 в. на почве недоразумений при исправлении патриархом Никоном богослужебных книг и обрядов вырос раскол старообрядчества. Сопротивление, оказанное старообрядцами духовным, а затем и светским властям при введении этих новшеств, выразившееся в протестах сначала отдельных расколоучителей, а впоследствии в восстании иноков Палеостровского и Соловецкого монастырей, а также участие старообрядцев в стрелецких бунтах придали этому чисто-церковному явлению окраску политическую и побудили Московское правительство, кроме применения вооруженной силы против мятежников, издать ряд законоположений, коими принадлежность к старой вере признавалась государственным преступлением и преследовалась законом. Но, как это наблюдается и в истории других стран, карательные мероприятия возымели обратное действие тому, для чего были изданы: разномыслие не только не прекратилось, но еще более усилилось и укрепилось. Приверженцы старины, преисполненные фанатизма, нередко шли на казнь, подвергались заточению, сжигали себя в срубах. Но на ряду с этим многие, спасаясь от преследователей, искали себе безопасных от них мест жительства. Они направлялись в лесные дебри, расположенные в пределах их оседлости и там завели новые поселки. А если таких лесов вблизи не оказывалось, как то было, например в центре, близь Москвы, то старообрядцы тянулись на окраины Московского государства—на восток—в Приуралье и Сибирь, на юго-восток—через Дикое поле, на Дон и на Яик, на юг—на засечную черту, на запад—на Украину за Польский рубеж, на север—в пределы Олонецкой и Архангельской губерний. Первыми руководителями поселений были иноки, привыкшие по обычаю того времени вести бродячую жизнь, переходя из монастыря в монастырь, ища лучших условий жизни. Им были известны пути, по которым можно было странствовать. Облюбовав безопасное от преследователей и удобное для поселения место, они либо сами возвращались на родину и увлекали за собою своих одноверцев, либо, оставаясь на своем месте, посылали за ними на родину кого-либо из своих спутников.

Но все же большая часть приверженцев, старины оставалась дома, на родине. Это были по преимуществу люди грамотные, по тому времени начитанные. Они сначала скрывали свое вероисповедание, а потом, при Петре, получив возможность исповедать свою веру, об'явили себя раскольниками, записывались в их списки и платили за то установленный двойной оклад. Они принадлежали по преимуществу к торговому классу. Многие из них, впрочем, умея "ладить" с агентами администрации, оставались при своих верованиях, образуя число "тайных" раскольников.

Постепенно отношения правительства к старообрядцам смягчились и к середине 18 в. им уже не приходилось скрывать свою приверженность к старой вере.

Но все же, состоя как бы в опале за свои верования и лишенные за них некоторых общегражданских прав, преимуществ и права поступления на государственную и общественную службу, они обратили свою энергию на развитие промыслов и торговли, подбирая в свои руки различные их отрасли, организуя многие промышленные и торговые предприятия. И можно проследить, как мало-по-малу русская промышленность и в крупных и в кустарных предприятиях в течение 18 и 19 в.в. сосредоточилась в руках старообрядцев и продолжала пребывать у них до того времени, когда на смену единоличного владения промышленными предприятиями явилась форма акционерная. Преследования оказали большое влияние на выработку характера старообрядцев. Люди эти были трезвого поведения; сплоченные между собой тяжелыми условиями существования, они поддерживали друг друга во всех делах. Прочность и широкое развитие их предприятий обусловливались наличием делового кредита. Такая, если можно сказать, круговая, порука отразилась и на организации труда в принадлежавших старообрядцам предприятиях. Они старались привлекать к работе своих единоверцев; административные должности раздавались старообрядцам; во главе предприятий, до появления инженеров, ставились тоже старообрядцы, выделявшиеся природным умом, и выслуживавшиеся благодаря ему нередко из простых рабочих. И вследствие того, что все участники в работе считали себя приверженцами гонимой веры, они составляли единое целое, при чем каждому было известно, что он найдет всегда, в случае бедствий, материальную помощь и поддержку у хозяина. И надо признать, что в течение долгого времени лучшая часть населения и рабочих на фабриках и заводах состояла из старообрядцев.

В Москве большая часть ткацких мануфактур—льняных, хлопчатобумажных, шелковых и шерстяных, басонных и позументных была в руках старообрядцев. Вспомним обширные фабрики Гучковых в Лефортове, где целые слободы заселены рабочими этих фабрик. Морозовские фабрики, начав деятельность свою в Москве, расширились и перекинулись затем в Зуево и Иваново-Вознесенск. Обширные кирпичные заводы были построены основателем старообрядческого Преображенского кладбища Ковылиным в конце 18 в. Фарфор выделывали фабрики Кузнецовых, один из владельцев коих до последнего времени состоял в числе попечителей Рогожского старообрядческого кладбища в Москве. В смежных уездах Московской, Рязанской и Владимирской губерний, а именно Богородском, Бронницком, Егорьевском и Покровском, по течению реки Гуслицы раскинулся ряд сел, состоящих исключительно из старообрядцев: вся эта местность носит наименование Гуслицы. Жители ее издавна вырабатывают кустарным образом всевозможные изделия. Условия и организация труда облечены в разные формы от единоличного хозяина-производителя до товариществ и артелей. В Нижегородской губернии, в северных ее уездах —Семеновском и смежных с ним, сплошь заселенных старообрядцами, переселившимися в 17 в. в эту область, в то время покрытую девственными, непроходимыми лесами, издавна и до последнего времени вся так называемая "горянщина", т. е. точеные и резные изделия из дерева, находится в руках местных кустарей и небольших фабрикантов, имея своеобразную организацию труда. В Приуралье железное дело было также частично в руках старообрядцев. В 18 в. владельцам заводов разрешено было принимать и селить у себя ради привлечения рабочей силы бежавших из России старообрядцев без выдачи их: поэтому многие заводские селения на Урале сплошь, а остальные частично, состояли из старообрядцев. Были и целые округа, принадлежавшие владельцу-старообрядцу. Такой состав поселения отразился и на организации труда, так как местные условия и уменье обходиться с властями давали заводской администрации возможность смягчать и обходить строгости закона по отношению к старообрядцам. Разработка золота в окрестностях Екатеринбурга была впервые начата старообрядцем Марковым, открывшим жильное золото в 1721 г. на Березовских приисках. Впоследствии золотопромысловое дело сосредоточилось также в руках старообрядцев. Во всем Поволжье мукомольное дело было в их же руках: вспомним мельницы Бугрова под Нижним-Новгородом, хлебное село Лысково и др. Самые значительные рыбные промысла на нижнем течении Волги принадлежали Сапожниковым и другим старообрядцам.

Бежавшие в конце 17 и начале 18 в.в. от преследований старообрядцы на Малороссийскую украину и за Польский рубеж селились в пределах уездов Стародубского, Новозыбковского, Городнянского и Суражского уездов нынешней Черниговской губернии, на землях Войска Запорожского и польских панов. Они образовали там обширные селения, обратившиеся потом в города—Вятку, Клинцы, Стародуб, Злынку и др. Водворившись в разных местах, они шли и на разную по качеству почву. Осевшие на черноземе развили хлебопашество; попавшие на менее плодородную почву занялись огородничеством в обширных размерах; а где почва оказалась недоброкачественной, переселенцы обратились к фабричной деятельности. Они завели кожевенное производство, суконные и ткацкие фабрики, которые послужили началом обширной фабричной деятельности в этой местности. Один из ими основанных посад—Клинцы—носит в настоящее время наименование русского Манчестра. В Тверской губернии (Ржев, Кимры) кожевенное дело находилось в руках старообрядцев до последнего времени. В Олонецкой губернии, в Повенецком уезде, возникла в конце 17 в. знаменитая Выгорецкая Поморского толка обитель; в начале 19 в. в ее владении находилось до 400 т. десятин земли; ее насельники развили хлебопашество, скотоводство, завели мастерские: кожевенные, переплетные, литейные, ткацкие, швейные; до 200 писцов занимались перепиской книг для продажи; их суда с хлебом ходили по Белому морю и доходили до Шпицбергена; с моря получали они рыбу и тюленя и вывозили его для продажи [1]). В Архангельской и Вологодской губерниях большие лесные (напр., Громова) и рыбные промыслы были заведены старообрядцами. В селениях Архангельской губернии до последнего времени можно было заметить выдающиеся по размеру и постройке дома сравнительно более мелких рыбопромышленников, которые всегда оказывались старообрядцами [2]).

При рассмотрении этого краткого перечня можно заметить, сколь велико было участие старообрядцев в деле организации заводских, фабричных и иных промышленных предприятий и промыслов. Организация в них труда долго испытывала на себе влияние вероисповедной обособленности их хозяев, почему и заслуживает внимания при исследовании истории труда в России. На эту сторону деятельности старообрядцев до сего времени не обращено надлежащего внимания. Миссионеров она не интересовала—их занимали вероисповедные вопросы; администрация занималась преследованием их за отщепенство от господствующей церкви. Между тем заслуга их в развитии промыслов несомненна.

В. Дружинин.

---

[1]) До нас дошли любопытные наказы, регламентировавшие многие отрасли работы.

[2]) Вспомним людей с личной инициативой: Злобина, обратившего свое родное село в уездный город Вольск, Саратовской губернии, и Кокорева, вышедшего из среды железнодорожных подрядчиков, построившего затем Пермскую железную дорогу и основавшего Волжско-Камский коммерческий банк.

Условия быта промысловых рабочих Российско-Американской Компании.

(В начале 19 века).

В 1798 году для эксплоатации открытых известным путешественником и промышленником Шелеховым и другими русскими людьми острова Кадьяка и некоторых иных островов, находящихся близ берегов Северной Америки, была основана Российско-Американская Компания, участниками которой сделались промышленники, работавшие до того времени разрозненно и самостоятельно [1]). В учредительный акт Компании участники ее внесли обязательство стараться об умножении поселенцев в занятых уже русскими и о заселении необитаемых еще мест, "имея во всегдашнем виду дружеское обращение с американцами и островитянами, поддерживая оное заведением и распространением торговли с ними, основываясь повсеместно на правилах чести, правды, человеколюбия и совести, и сообразуясь с пользою государственною и общественною". На деле Компания выполняла лишь одну из поставленных себе задач, усиленно торгуя с туземцами; в остальных же отношениях руководствовалась исключительно соображениями своей пользы и выгоды. Поэтому туземные жители: коняги, кенейцы, алексинцы и чугачи, зависевшие от Компании и составлявшие кадр промысловых работников ее, были поставлены в очень тяжелые условия: Они должны были—и мужчины, и женщины, и старики,—так или иначе работать на Компанию или за крайне низкую оплату труда или даже безвозмездно. При этом распорядительские должности находились в руках немногочисленных русских людей, а туземцам доставалась вся тяжелая, часто же и опасная, физическая работа, от которой избавлялись лишь семьи таюнов, т. е. старшин туземных селений, освобожденные от всяких повинностей.

Работа туземцев протекала в следующих условиях. Часть американцев-подростков обоего пола попадала в положение заложников или аманатов. Их раздавали в услужение русским и туземным промышленным людям. У своих хозяев они должны были выполнять всякую домашнюю работу. Сверх того всюду на островах, где жил хоть один русский, в его распоряжении были так называемые каюры. В каюры набирали туземных молодых людей с их женами, а также холостых и незамужних и употребляли их для разнообразных работ: рубки леса, сжения угольи, для делания кирпича, для перевозки всех названных материалов в гавани на собственных байдарках, для копания каналов, для расчистки местности, для разрезывания выкидных китов, для службы в гребцах, для ловли лисиц, битья небольших зверей и т. д. Каюры шили также байдары и байдарки, выделывали

---

1) Материалы для этой статьи извлечены из дела Коммерц-Коллегии (связка № 34, архивный № 1243, по Каталогу Кайданова № 672), хранящегося во втором Петроградском Отделении пятой секции Центрархива.

сивучей, шили парки, камлейки (летнее непромокаемое платье) и проч. В каюры набирали не умеющих промышлять рыбу неводами, а также за небольшие проступки и по другим случаям. Каюры служили Компании по многу лет, если родственники не имели возможности их выкупить. Между ними были хромые и безрукие, которые также работали на Компанию: удили в речках рыбу или сгоняли ворон с балаганов, наполненных юкалой.

Главная масса туземцев мужчин работала на Компанию, как "промышленники". Одни из них били бобров, другие китов, третьи котиков и сивучей или сивучей и т. д. Промышленники отправлялись ежегодно с наступлением весны на промыслы, а возвращались лишь осенью. Они делились на партии, каждая из которых была под руководством русского портовщика. У некоторых портовщиков было в распоряжении по одному или несколько русских людей, которые помогали им присматривать за туземцами. Каждая партия имела особую задачу, а потому и состав их был различен: в одну набирались молодые, как более ловкие и выносливые, в другую—старики и малосильные. Первые направлялись на промыслы бобров и китобойный, как наиболее опасные; вторые били мелких зверьков—еврашек и морских птиц: последний промысел также был далеко не безопасен.

Промышленники ездили на промыслы в своих байдарках, которые ежегодно приходилось делать заново. Звероловные орудия им выдавал портовщик лишь по прибытии партии к месту назначения и перед самым началом промыслов. Подобная мера вызвана была недоверием к туземцам. Таким образом промышленники работали на своих судах, но орудиями, данными им Компанией. Зависели они поэтому всецело от распоряжений портовщика. Он прежде всего заботился об удержании с промышленников положенного оброка или ясака. Остальная добыча промышленников тут же на месте покупалась портовщиком для Компании в обмен на товары или на квитанции, по которым указанные в них предметы выдавались по возвращении партии домой.

Точных данных, какую долю добычи брала себе Компания в виде оброка, у нас нет. Однако кое-какие указания найти можно. Они показывают, что доля эта была велика. Вот как обстояло дело у китобойных промышленников. Они должны были с опасностью для жизни (киты часто ломали байдарки и топили промышленников, если к последним не могли придти на помощь другие лодки) добыть в лето от 3 до 10 китов. Из этой добычи Компания брала себе большую часть. Сверх того в пользу Компании шли все жилы, три части кишек и кожа с языком. Правда, Компания давала китобойным промышленникам за убитых ими китов бисеру и табаку, но в очень небольших размерах: кто добывал более трех китов, тот получал бисер и табак. Если же промышленник убивал лишь одного или двух китов, то он получал всего только одну табакерку табаку. Даже выкинутые на землю киты, найденные промышленниками, целиком шли в пользу Компании: только тогда, когда кит был выкинут около самого жилья туземца, Компания брала себе лишь половину, а другую отдавала владельцу этого жилья.

В исключительно неблагоприятные условия были поставлены старики, промышлявшие в виде уплаты оброка ловлей птиц, главным образом бакланов. Каждый из них должен был доставить материала на семь парок, особой одежды, сшиваемой из кожи птиц или мелких зверьков. На каждую парку шло от 30 до 40 птиц. При этом была введена своего рода круговая порука: за невыполнение работы одним отбирались излишки у тех, кто набивал птиц более положенного числа. Самый же промысел был чрезвычайно опасен, особенно для стариков, лишенных былой гибкости и легкости движений. При добывании птиц приходилось лазить по отвесным скалам с помощью шестов и веревок; случалось, что промышленники срывались и разбивались до смерти или получали серьезнейшие увечья.

По окончании птичьего промысла промышленники отправлялись ловить лисиц. Эта добыча шла в пользу ловцов, которые в свою очередь принуждены были покупать у Компании парки, если не имели своих, а это случалось весьма часто. За парку Компания брала пять черных лисиц, или восемь чернобурых.

либо равноценное количество красных и синих бусинок. Вообще же за каждую лысьмакурку Компания платила по шести листов табаку, или же соответственное количество бисеру либо кораллов.

В то время, как мужчины работали на промыслах, женщины и подростки также трудились на пользу Компании. При этом часть их (вдовые) до глубокой осени или до возвращения мужчин с промыслов бралась в Компанию для чистки рыбы. Другие заготовляли для Компании парки из птичьих шкурок. С половины июня они начинали копать для нужд Компании сарану, особый вид корнеплода. При этом жена промышленника, работающего на своей байдарке, обязана была представить в Компанию один пикат, т. е. меру сараны. Жена промышленника, ушедшего в товарищах или без своей байдарки, должна была [illegible] пиката. Наконец вдова, а равно и женщина, муж которой почему-либо не поехал на промыслы, представляла в Компанию четыре пиката сараны. Этот оброк собирался с чрезвычайной строгостью: не делалось никаких исключений. Он особенно тяжел был для беременных и матерей с грудными детьми,—им приходилось часто из-за невозможности выполнить возложенную на них работу покупать сарану у бездетных женщин, платя тем за каждый пикат по сажени [illegible]. Собранную таким образом сарану вялили и заготовляли впрок.

Кроме сараны женщины и подростки собирали также ягоды: шикшу, бруснику, морошку, [illegible] и черемху. Из этих ягод Компания зимой курила вино. В урожайные годы каждая женщина безвозмездно собирала по восемь пикатов ягод, а в неурожайные по четыре. Ягоды собирались до глубокой осени, при чем особенно труден был сбор шикши, которая росла не везде и за которой приходилось отправляться верст за пятьдесят. Сбор ягод продолжался так долго, что промышленники еще до окончания его возвращались обыкновенно домой и принимали в нем посильное участие, стараясь поскорее избавить свои семьи от тяжелой работы.

Выполнение оброка не позволяло промышленникам и их семьям заготовлять себе достаточного количества припасов на зиму, почему обыкновенно с половины ее туземцы страдали от голодовок. В то же время и зимой женщины работали на Компанию: занимались выделкой птичьих кож, из которых потом шили парки, из китовых кишек вырабатывали камлейки; из жил делали нитки, из крапивы — пряжу; они вязали невода и сетки для ловли рыбы. Все эти предметы Компания обменивала впоследствии туземцам на добытое ими, при чем за бобров Компания давала кроме того некоторую часть русскими товарами, главным образом: котлами, ножами, топорами и бисером. Значительная часть указанных вещей выделывалась на месте, т. е. на одном из островов, где для этой цели жили постоянно два русских кузнеца.

Цена предметов, продаваемых туземцам, была высокой. Так, за медный котел вместимостью от трех до четырех ведер Компания брала от 10 до 12-ти бобров, а за деревянную ложку для еды—двух котиков, в редких случаях, в виде особой милости,—одного.

Печальное положение промышленников-туземцев обратило на себя внимание некоторых наблюдателей. Так, в конце 1806 года капитан второго ранга, впоследствии вице-адмирал, Ратманов и коллежский асессор Соболевский подали каждый графу Румянцеву записки одинакового содержания, в которых сообщили это [illegible] о [illegible] туземцев и обрисовали его в мрачных красках. Так как оба они [illegible] и условия жизни туземцев, то их записки [illegible] большое [illegible] для исследователей. [illegible] некоторую цену и в глазах Румянцева. [illegible] на пересмотр капитану второго ранга Лисянскому [illegible]. Лисянский возвратился тогда из кругосветного путешествия, во время которого оказал большие услуги Российско-Американской Компании, за что получил от нее в награду 10.000 рублей. Лисянский, рассмотрев записки Ратманова и Соболевского, сделал на них несколько возражений. Так, он оспаривал сообщение, будто в каюрах заставляют служить [illegible], если некому взятого в каюры выкупить: оспаривал Лисянский также

указания на то, что Компания не позволяла никому из туземцев носить платье, сделанное из материалов высшего качества; но самое существенное возражение Лисянского состояло в том, что туземцы в значительной мере виновны в зимних голодовках, так как они ленивы и непредусмотрительны; возлагая преувеличенные надежды на морские выкидки и раковые отмели, на которые смотрят, как на естественные склады, туземцы чрезвычайно много едят осенью и голодают зимой. Однако Лисянский все же должен был признать справедливость многих сообщений Ратманова и Соболевского. Он привел таблицу расценок по которым Компания продавала свои товары туземцам, промысловым рабочим. Из нее видно, что топор стоил 2 морских бобра, нож охотничий—1 бобр, парка урылья—2 бобра, парка топорковая—2 бобра, парка еврашечья—2 бобра, комлейка кишечная—1 бобр, 3 нерпичьи кожи—1 бобр, комлейка китайчатая—2 бобра, 2 фунта листового табаку—1 бобр, капот байковый—2 бобра, 3 сажени бисеру—1 бобр, небольшой котел—4 бобра, 5 листов табаку—1 лисицу. К этой таблице Лисянский сделал примечание: "прочие малые звери платятся самою безделицею".

Сообщив расценочную ведомость, Лисянский прибавил, что несомненно Компания продает свои товары слишком дорого "тем, кои столь много спомоществуют в наших важных промыслах и так чистосердечно нам работают". Закончил Лисянский свою записку указанием некоторых необходимых, по его мнению, мероприятий: понижение цен на продаваемые Компанией товары, изготовление и подвоз большего количества с'естных припасов, отправка в далекие промыслы не на хрупких байдарках, а на парусных судах.

Все эти меры должны были бы, по мнению автора записки, в конечном результате принести выгоды самой Компании, так как сберегли бы много жизней промысловых рабочих, обреченных на вымирание, которое шло быстрыми шагами. В течение двадцати лет со времени открытия Шелеховым острова Кадьяка население там уменьшилось, по свидетельству Лисянского, на половину.

П. Г. Васенко.

Сельская школа накануне крестьянской реформы.

I.

С именем "сельская школа", обыкновенно, связывается представление об устроенном и приспособленном для учебных занятий заведении, снабженном необходимыми для классных упражнений пособиями, руководимом опытными и получившими специальное образование учителями и учительницами и посещаемом достаточным количеством крестьянских детей.

Но далеко не такое впечатление получается, когда заглянешь во времена, предшествовавшие пореформенной школе, и познакомишься со "старою, жестокою и бесплодною школою" до-реформенного времени. Гражданский порядок крепостной эпохи, "ограждаемый народным невежеством", положил свой мрачный отпечаток на все школьное дело и в особенности на начальную народную школу. Государство прилагало слишком мало стараний к поднятию уровня умственного и нравственного развития народа: оно ставило школе определенные практические задачи "приготовлять для гражданской службы способных и грамотных людей", а заботы об индивидуальных запросах учащих и учащихся, если и проявлялись, то в очень слабой степени. В массе населения держались взгляды на обучение детей, как на нечто бесполезное. Лица привилегированных сословий не шли на педагогические должности. Помещикам было предоставлено "употреблять крепостных людей для обучения юношества". Создавалась самая безотрадная атмосфера для развития школьного дела и один из историков нашего просвещения прямо говорит об этом периоде: "Учителями народа являлось всякое отребье: изгнанные из службы чиновники, недоучки разных учебных заведений, отставные солдаты, писаря, даже и не слыхавшие про существование педагогии" [1]).

Результаты получились самые плачевные: поголовная безграмотность и чисто механического выучивание письма и чтения, смысл какового являлся весьма туманным для проходившего такую школу ученика. Забитая трудом и неволею, крепостная деревня коснела во мраке неведения и разных заблуждений, не могла понимать простых и ясных выражений печатного слова. В виде иллюстрации можно привести рассказ мирового посредника Казанской губернии Крылова о мучительных, но бесплодных усилиях крестьян названной губернии выяснить себе точный смысл присланного в деревню "Указа о воле". Крестьяне всей толпой отправились к дому одного грамотного столяра. Столяр был чтец не бойкий; солдатские письма он еще мог одолевать и даже растолковывал так, что бабы плакали навзрыд, но указ Сената он кончил только к вечеру. Он говорил: "всякое слово для меня понятно, а куда что прикладывается—не могу разобрать; не могу и людям растолковать" [2]).

---

1) С. Золотарев. „Очерки истории учительского об'единения в России" (Сборник статей, издат. „Школа и жизнь", 1916 г.).

2) Джаншиев. „Из эпохи великих реформ".

И такая картина вполне понятна, если заглянуть в страницы школьного просвещения сельских обывателей накануне крестьянской реформы.

Правительственные сельские школы начинают возникать в России с начала 30 годов 19 века. Поэтому в 1828 году министр народного просвещения Шишков имел полное основание сказать, что "народного образования в российской империи почти не существует" [1]). Впервые они появляются в селениях казённых и удельных крестьян и имеют очень определенное назначение: "подготовлять писарей для сельских управлений". Крестьяне весьма несочувственно относились к таким школам, и крестьянских детей приходилось вербовать силой. Развитие школ шло так медленно, что с 1840 года решено было посылать детей "на выучку в писаря" в городские приходские училища. Собственно же сельские школы с 1842 года, по докладу министра государственных имуществ Киселева, получили новое назначение: "распространять между государственными крестьянами религиозно-нравственное образование и первоначальные для каждого сословия более или менее нужные сведения" [2]). С этих пор число школ в ведомстве государственных имуществ стало расти и к 1853 году насчитывалось 2.795 с 153.117 учащимися. В удельных имениях число сельских школ в это время тоже значительно поднялось: в 1835 году было в них всего 44 школы с 750 учащимися; в 1853 году школ числилось уже 204, учащихся 7.477. Содержались те и другие школы на счет самих крестьян, обложенных для этой цели особым общественным сбором. В 1850 году общественных денег на школы было истрачено 324 тысячи рублей серебром. В среднем содержание школы обходилось в 110-120 рублей [3]).

Наставники для сельских училищ государственных крестьян определялись местною палатою государственных имуществ, по избранию епархиальных архиереев: из местных священников, диаконов и причетников, и из "достойнейших учеников", уволенных из семинарий, но не получивших еще мест. В сельские учителя удельных крестьян определялись всякого свободного и даже податного состояния люди, но преимущество отдавалось священникам, если приходское дело не служило к тому препятствием. Учителя подготовлялись, между прочим, из крестьянских мальчиков, которые для усовершенствования в знаниях посылались в одно из уездных училищ [4]).

Преподавались в сельских школах: Закон Божий — священная история ветхого и нового завета, изъяснение истории и краткий катехизис; русская грамота, т. е. чтение книг гражданской и церковной печати, чистописание и скоропись; первые четыре арифметические действия с простыми и именованными числами, с подробным объяснением российских мер, весов, монет и показанием употребления счетов [5]). Конечно, вся эта с виду стройная система постановки школьного дела в поселениях государственных и удельных крестьян в до-реформенное время красовалась только на бумаге. Главный контингент учителей — священники, не имевшие расположения к школьному учительству, занятые приходскими делами и обремененные своими личными заботами, или совершенно уклонялись от дела учительства или несли его неохотно, с большою тяготою и крайнею небрежностью, что равносильно было почти их полному непосещению школы. Диаконы и причетники, в большинстве, сами "разумели скудно всякую науку", и читая еще с трудом церковно-славянское письмо, являлись совершенно не пригодными для обучения в школах. И фактически школы пополнялись такими учителями, о которых уже говорилось выше: "дьячками, начетчиками, отставными солдатами, богомолками и тому подобным сбродом" [6]). А потому вполне понятно, что подобную школу "министра Киселева", в спорах 60 годов о лучшей постановке школьного дела

---

[1]) Каптерев. „История русской педагогии" (1915 г.).

[2]) П. Милюков. „Очерки по истории русской культуры" (Часть II. 1897 г.).

[3]) Там же.

[4]) С[illegible] заимствованы из дела архива Госуд. Совета [illegible] года „По проекту положения о начальных народных училищах".

[5]) Там же. „Краткий истор. очерк народн. школ".

[6]) Каптерев. „История русской педагогии".

[illegible] единодушно приводили в пример того, как не следует вести школьное дело" [1]).

II.

Но если правительством хоть сколько-нибудь серьезные мероприятия принимались в пользу сельских школ в поселениях государственных и удельных крестьян, то начальное образование в помещичьих имениях находилось в самом безотрадном состоянии. Сельские училища в этих имениях оставались благим пожеланием, так как учреждение их возлагалось уставом на обязанность помещиков, но они не обнаруживали никакого интереса к насаждению образования. Масса [illegible] продолжала оставаться без училищ. В 1836 году считалось всего 661 училище, из них 36 сохранилось от екатерининского времени, 6 от времени Павла, 342 Александра и 243 учреждены при Николае I. в течение 11 лет царствования [2]).

Озабоченное необходимостью принять меры к распространению грамотности между увольняемыми от крепостной зависимости помещичьими крестьянами, министерство внутренних дел накануне крестьянской реформы "признало полезным иметь в виду некоторые данные по вопросу об устройстве сельских школ". С этою целью оно поручало разным лицам, "отличающимся особенною опытностью в деле первоначального образования", собирать по губерниям таковые сведения и доставлять в министерство. В 1860 году министр внутренних дел Ланской возложил на полковника Философова поручение собрать подобные сведения по Московской, Тульской, Пензенской и другим губерниям [3]). На основании доставленных Философовым сведений можно составить представление о положении сельского образования накануне крестьянской реформы.

В Московской губернии в помещичьих имениях находилось всего около 20 школ для крестьянских детей обоего пола и, кроме того, во многих селах священники и причты обучали детей у себя на дому, а также за плату брались учить [illegible], иногда отставные солдаты. Порою крестьяне, в особенности в окрестностях Москвы, сами заботились об обучении детей грамоте, охотно платя за выучку от шести до десяти рублей серебром. Выучка, в зависимости от способностей ученика, продолжалась от двух до трех и даже до четырех лет. Детей посылали крестьяне учиться за две и даже за три версты.

По отзывам Философова, обучение в школах и на дому у священников велось далеко неудовлетворительно. Он посетил три школы и пять сел, в которых духовенство учило у себя на дому, и нашел, что "учение ведется чисто механическим способом и нисколько не влияет на умственное развитие. Мальчики читают бойко, хотя худо понимают прочитанное; пишут довольно чисто. По Закону Божию отвечают твердо, слово в слово. Считают кое-как и делают ошибки в счете". Что касается отношения к школьному делу помещиков, то, по мнению Философова, немногие сочувствовали этому делу, однако некоторые просили его помочь [illegible] и изъявили желание немедленно приступить к устройству школ. В Тульской губернии Философов нашел несколько училищ, учрежденных помещиками. Священники тоже во многих селах обучали детей. Помещики этой губернии, хотя Философов встречался с немногими, все без исключения понимали важность распространения среди крестьян просвещения и готовы были содействовать [illegible] [illegible]: духовенство при малейшем поощрении принялось бы за [illegible] крестьян. "Если до сих пор, говорит Философов, дело это не [illegible] более, то сколько мог я заметить, причиною тому боязнь, чтобы не [illegible] [illegible] от местных властей Министерства Народного Просвещения". [illegible] крестьян Тульской губернии желания отдавать своих [illegible]

[1]) Милюков. „Очерки по истории русской культуры".
[2]) Фармаковский. „Начальная школа".
[3]) В изложении пользуемся делом [illegible] 1860 г. „По вопросу об устройстве сельских [illegible]".

[illegible]

шею частью приходилось прибегать к принуждению. По другим, смежным губерниям, дело обстояло одинаково с вышесказанным.

О том, как происходило обучение детей, видно из следующих строк доклада Философова: "главным двигателем при обучении—плетка наставника, и общее мнение, что без нее успех не возможен. Естественно, что при таком способе обучения дети учатся неохотно, любопытство их ничем не возбуждается, охоты к чтению они не приобретают, единственное приложение их знания то, что они записывают и считают на постоялых дворах,—книг же для чтения, если бы и была охота, достать негде; многие из крестьянских мальчиков, выучившись читать и писать, по большей части забывают то, чему их научили, по совершенному недостатку приложения грамотности в настоящее время в деревнях".

А между тем в той же Тульской губернии в указанное время личною энергией и любовью одного человека было поставлено школьное дело в некоторых селах образцово. В своей статье "Живая душа в школе" [1]) известный педагог Евг. Марков, вспоминая о своей встрече с Л. Н. Толстым, говорит, что в конце 50 и начале 60 годов Л. Н. Толстой, будучи мировым посредником, увлекался народным воспитанием, открывал много школ для крестьян в селениях своего мирового участка, а в имении своем Ясная Поляна сам вел образцовую школу при содействии помощников. "Мы,—продолжает Евг. Марков,—особенно же я лично, из Тулы часто навещали графа в Ясной Поляне и следили за изумительными успехами его лапотных школьников, среди которых иные бойкие мальчуганы, оторванные прямо от бороны или от стада овец, всего через несколько месяцев учения уже могли свободно писать довольно грамотные сочинения. Этими почти невероятными результатами яснополянская школа была обязана, разумеется, не тем часто менявшимся учителям, которые появлялись на короткое время в Ясной Поляне и в числе которых были, между прочим, и такие способные люди, как Николай Успенский, когда то известный автор народных рассказов, а исключительно обаятельному таланту преподавания и внутреннему жизненному огню Льва Николаевича".

Интересные соображения по вопросу об образовании крестьян высказал Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор граф А. Г. Строганов в своем всеподданнейшем отчете о состоянии края с 1857 по 1861 год. Со времени Петра I, т. е. с начала 18 столетия,—говорит он,—Россия имела Академию, потом университеты, кадетские корпуса, гимназии, но все эти заведения имели целью образование высших слоев общества, между тем как крестьяне коснели в невежестве. "Крестьяне нынешнего века в сравнении с крестьянами времен Годуновских не подвинулись ни на шаг". Вот причины неравномерного распределения в России просвещения. "Говоря откровенно, государь, нельзя согласиться с мнением тех, кои не находят возможности немедленно приступить к учреждению правильно организованных сельских школ, которыми по справедливости может гордиться Западная Европа, якобы по неимению достаточных средств. Облагайте смело народ свой какими бы то ни было сборами для его образования, подобная издержка всегда будет производительна и принята с благодарностью. Колонисты, живущие под сенью русских законов, обложены с этой целью значительными сборами и школы у них в народном почете, наравне со святынею церковною. Правительство обязано принуждать народ к образованию и в доказательство справедливости слов моих ссылаюсь на соседственную нам Пруссию, где дети по достижению известного возраста, в силу закона обязаны посещать школы" [2]).

Такими простыми словами была выражена в решительной форме мысль о насущной необходимости просветить сельское население. И мы видели уже в примерах, как косность и нерасположение к делу губительно отзывались на школе, и наоборот, искренняя преданность школьному учительству [illegible] и поднимала с собою в высоту и [illegible] ум самого [illegible]

[1]) „Вестник Европы" 1900 г., февраль.

[2]) Дело мин. внутр. дел. 3 деп. хозяйств. отдел. № 100, 1861 г.: „О мерах к распространению образования в сельском населении".

сердце. Мы имеем в виду Л. Н. Толстого. Другой великий его современник И. С. Тургенев вел подобную же "тихую" работу среди своих спасских крестьян. "Для предстоящей общественной деятельности,—говорил он,—не нужно ни особенных талантов, ни даже особенного ума, ничего крупного, выдающегося, слишком индивидуального, нужно трудолюбие, терпение, нужно уметь жертвовать собою без всякого блеску, нужно уметь смиряться и не гнушаться мелкой и темной и даже низменной работы... Что может быть, например, жизненнее учить мужика грамоте, помогать ему? На что тут таланты и даже ученость? Нужно одно сердце, способное жертвовать своим эгоизмом—тут даже о призвании говорить нельзя... Чувство долга, главное, чувство патриотизма в истинном смысле этого слова—вот все, что нужно" [1]).

В. Колпенский.

---

1) [illegible]. «Тургенев в заботах о народном образовании» (Тургеневский сборник).

Из жизни приходских учителей.

В начале девятнадцатого столетия с учреждением министерств и с увеличением [illegible] числа лиц, стоящих на государственной службе, возникла мысль об обеспечении [illegible] чиновников, достигших преклонного возраста на службе. В министерстве народного просвещения было приступлено к составлению отдельных пенсионных капиталов при учебных заведениях, куда для этой цели поступали пожертвования частных лиц, сбор за право учения, плата за дипломы, аттестаты на ученое звание [illegible]. Другие суммы поступали прямо в министерство. Так, напр., в 1805 г. для пенсий директорам, учителям и смотрителям гимназий и уездных училищ было повелено отпускать из казны по 50,000 р. в год в продолжение 20 лет. О капитале для пенсий приходским учителям вспомнили много позже. В 1817 г. при изыскании средств для этого капитала было постановлено взимать плату с учащихся: приходских училищ по 5 р., уездных училищ по 10 р. и гимназий по 15 р. в год. Но затем сбор с учеников приходских и уездных училищ был отменен (в 1828 г.) и [illegible] хоть сколько-нибудь значительного капитала для приходских учителей достигнуто не было. В то же время вычет из жалованья приходских учителей, установленный для этой цели, остался в силе. Благодаря ничтожному жалованью и [illegible] отчислениям приходские учителя оказались в менее неблагоприятном положении сравнительно с остальными учащими: их пенсионный капитал накапливался крайне медленно, а права пользования им были совершенно не ясны. В то время, как многие, прослужившие всю почти жизнь в каком-нибудь другом ведомстве и перешедшие лишь под конец на службу в министерство народного просвещения в качестве приходских учителей, получали пенсии по последней службе с зачетом прежней [illegible], последние, переходя на какую-нибудь другую службу, теряли свои права на пенсию, выслуженную ими в качестве приходских учителей. На это обстоятельство обратил внимание министр народного просвещения граф Уваров и в 1834 г. вошел в государственный совет с проектом положения о пенсиях приходским учителям и их семействам. Он предложил считать при назначении пенсии оклад 300 р. в год, соответственно с уставом 1828 г., где такая сумма присваивалась низшему разряду чиновников, и эту сумму назначать тем учителям, которые пользуются высшим или равным этому содержанием; учителям, прослужившим от 20 и до 25 лет, выдавать половинную пенсию, а прослужившим 25 л. и более — полную.

Но государственный совет не согласился с этим проектом, заявив, что [illegible] назначения приходских училищ это распространение одних первоначальных сведений преимущественно между низшими состояниями, не требующее от преподающих [illegible] знаний, какие необходимы для наставников в средних и высших училищах, [illegible] усилий и особенных трудов, которые сопряжены с преподаванием высших учебных предметов, а определение учителей в приходские училища не требует той [illegible] разборчивости, какая нужна при назначении наставников в прочие учебные учреждения; [illegible] должности приходских учителей, кроме церковно- и священно-служителей и лиц, [illegible] из этого звания, занимают преимущественно "люди податных состояний, [illegible] вольноотпущенные и даже крепостные"; этому "классу преподавателей" [illegible] возможные выгоды в служебном отношении [illegible] преимущество считаться в действительной службе [illegible]

приходские учителя, хоть училища учреждены уже несколько десятилетий, "никогда не получали пенсий от правительства наравне с другими званиями государственной службы" [1]).

Эти соображения, основанные на сословных ограничениях и обособлении лиц, трудящихся над народным образованием, в отдельный мир "с мало важными и ограниченными обязанностями", надолго оставили приходских учителей в тяжелом материальном положении, лишив в то же время министерство народного просвещения многих полезных работников. Государственный совет предоставил министерству самостоятельно накапливать и дальше необходимые ему средства, несмотря на то, что за 17 л. особый пенсионный капитал приходских учителей составлял 120 тыс. р. ассигнациями при наличности 582 приходских и начальных школ.

В 1844 году Уваров возобновил свое представление перед государственным советом. В этот раз он указывал на то, что при увольнении из должности чиновника, начавшего службу на городском жаловании и окончившего ее на правительственной должности, ему назначается пенсия от казны соответственно общему счету всей его службы, значит справедливо было бы распространить эту же меру и на приходских учителей при переходе их на другую должность, т. е. зачесть им службу в других местах до определения по учебной части, как постановлено в отношении к остальным училищным чиновникам.

Государственный совет соглашался с этим предположением в общем его виде, усмотрев, что пенсии и единовременные пособия учителям приходских и начальных училищ предполагается производить из упомянутого выше особого капитала приходских учителей без обременения государственного казначейства, но он остановился на вопросе: можно ли время нахождения в звании приходского учителя при переходе в другую, гражданскую или военную службу, зачислить в установленные для этой службы сроки, уплачивая пенсию не из особого капитала, а из государственных доходов? Ссылаясь на мнение государств. совета, вынесенное десять лет назад, государств. совет вновь нашел невозможным службу в звании приходского учителя поставить наравне с общею военною или гражданскою службою, присовокупив, что всякое привлечение людей из специальных служб на другое служебное поприще, менее знакомое, лишает ведомство людей, необходимых ему по опытности, и редко доставляет новому месту служения полезных чиновников,—а потому не следует поощрять приходских учителей "к оставлению их звания, в котором они наиболее, если даже не вообще, исключительно представляются для правительства нужными". Вследствие этого в положение 1845 г. о пенсиях приходским учителям и их семействам вошла 542-я статья, гласившая, что "служба учителей приходских и начальных училищ министерства народного просвещения в срок для получения пенсий по всякой другой службе не зачитается" [2]).

Таким путем приходские учителя были как бы прикреплены к раз избранному ими роду деятельности в низшей школе без возможности искать себе работу на каком-нибудь другом учебном поприще.

Мы приведем иллюстрацию [3]) того, как отразилась на приходских учителях и на интересах самого министерства вся невыгодная для учебного дела сторона этой 542-й статьи. В 1859 г. учитель и смотритель Белевского уездного училища Тульской губернии А. Плахов подал заявление министру народного просвещения Е. Ковалевскому о том, что год назад он отчислен от должности за выслугою лет и с назначением пенсии за 25 л., тогда как он прослужил более 30 л. народным учителем, причем $5\frac{1}{2}$ л. его первоначальной службы приходским учителем ему в пенсию не зачтены. Он три раза обращался за раз'яснениями к директору, но в ответ получал указание на статьи закона, по его мнению несправедливо к нему

---

[1]) Архив Госуд. Совета 1834 г., № 60 и 126. Дело о пенсиях учителям приходских училищ и их семействам.

[2]) Свод Законов, изд. 1857 г., т. 3, ст. 542-ая.

[3]) Архив министерства народного просвещения 1860 г., № 137666/965 „О зачете службы приходских учителей, перешедших в учебную службу других заведений в пенсионный срок по сей последней".

примененные. Желая воспользоваться заслуженной им пенсией и пятьюдесятью
рублями серебром в год за выслугу пятилетия сверх 25 л., он обращался к попе-
чителю Московского учебного округа, который ответил ему ссылкою на упомяну-
тое выше постановление. "Прослужа 31 год в одной дирекции и принеся на службу
молодые силы и лучшие мои способности", с огорчением пишет он в своем про-
шении, "я имел в виду одну только утешительную гарантию в заслуженной мною
пенсии. И в настоящее время мне было бы особенно горько видеть себя лишенным
лестного внимания и справедливого ходатайства моего начальства.—Я осмели-
ваюсь всепокорнейше просить великой милости—представления моего прошения
благоусмотрению Государственного Совета, где сомнительный вопрос дела, получив
надлежащую ясность, положит навсегда конец томительному недоумению, под
влиянием которого весьма многие остаются".

Этому делу дан был ход с присовокуплением нескольких представлений попе-
чителей учебных округов, поставленных в затруднительное положение злосчастной
542-й статьей. Выходило, что наиболее достойные преподаватели, имевшие и
лучшее образование, чем требовалось от приходских учителей, и право на высшее
место по своему званию, чем то, которое они занимали, теряли свое право на пенсию
за всю предыдущую службу приходскими учителями как только в награду за усерд-
ную службу их переводили на должность учителей уездных или дворянских училищ.

В 1861 г. министр народного просвещения граф Путятин, обмениваясь мне-
ниями с министром финансов по поводу представления попечителя виленского
учебного округа о приходских учителях, пишет по поводу статьи 542, что она
вынуждает лучших и опытнейших из приходских учителей оставаться в этих
училищах; между тем, эти лица, сознавая, что они могут перейти в высшее учи-
лище и приобрести тем большую пенсию, заботились бы "об усовершенствовании
самих себя, а тем самым и учеников своих"; прикрепление приходских учителей
к низшей школе вредно и для уездных училищ и для гимназий; не подлежит сом-
нению, что "только тот вполне опытный наставник, кто изучил ребенка на всех
ступенях его развития, т. к. низшие училища служат приготовительными к
высшим не для одних только учеников, но в смысле практическом и для учите-
лей"; такой опытностью преподавателей министерство не пользуется, ибо не
может в пенсионных выгодах приходских учителей переводить их на соответствую-
щие места в др. учебные заведения.

Намерение гр. Путятина ходатайствовать в законодательном порядке об изме-
нении 542 статьи закона вызвало детальное рассмотрение вопроса. Дух времени
сказался и на новых мотивах, приведенных в пользу уравнения прав приходских
учителей: для лиц податного состояния учебная служба открыта не в одних на-
чальных, но и во всех других учебных заведениях, лишь бы познания учителя
соответствовали требованиям того учебного заведения, куда он поступает; переход
же учителя из приходского в другое, высшее училище не отвлекает его от спе-
циальности, т. к. он остается тем же учителем, только способности и познания
его приобретают больший круг деятельности.

Мысль гр. Путятина о необходимости изменения 542 статьи устава о пен-
сиях не встретила препятствий со стороны министра финансов и дело было пере-
дано в главное правление училищ, за которым оставалось последнее слово. Согла-
шаясь с основным соображением о необходимости улучшить служебное положение
приходских учителей, главное правление училищ нашло, однако, обсуждение этого
вопроса преждевременным, в виду предстоящих общих преобразований по ве-
домству. С одной стороны принимая во внимание, что вопрос этот был дважды в
рассмотрении государственного совета и оба раза разрешен не в пользу приход-
ских учителей, а с другой стороны, что в новый устав о народных училищах
войдут и постановления о служебных правах и преимуществах учителей началь-
ных училищ, главное правление признало необходимым отложить разрешение этого
дела до издания нового устава о народных училищах.

Ю. Михайлова.

Рабочие из „шатающихся" людей на Шлиссельбургской ситцевой фабрике

(в конце XVIII и начале XIX в.).

Указ 7 января 1736 г., которым все мастеровые, находившиеся на фабриках к тому времени и не бывшие простыми чернорабочими, прикреплялись к своим фабрикам, а фабриканты обязывались уплатить за них вознаграждение их прежним владельцам или сельским обществам, создал особую категорию фабричных рабочих из числа отданных на фабрики на срок. "Ежели из купечества и из разночинцев подлые неимущие пропитания и промыслов мужеска пола кроме дворовых, Синодальных и Архиерейских и монастырских и помещиковых людей и крестьян, а женску пола, хотя б чьи они ни были, скудные без призрения по городам и по слободам и по уездам между двор будут праздно шататься и просить милостыни, таких брать в Губернские и Воеводские Канцелярии, записывая по силе прежних указов отдавать на мануфактуры и фабрики, кого те фабриканты принять похотят, и давать им фабрикантам на них письма, дабы там за работу или за учение пропитание получали и напрасно не шатались... и том отданным на мануфактурах и фабриках быть мужеска пола до 5 лет, а по прошествии 5 лет отпускать их с пашпортами, чтоб посадские явились в Ратушах тех городов, которых они были, а прочим разночинцам, где которым надлежит, и больше тех урочных лет не держать, и о тех отпусках об'являть в Губернских и Воеводских канцеляриях, а женска пола по прошествии пяти лет, буде больше быть не похотят, или помещики долее оставить их не желают, тех отпускать на прежние жилища с пашпортами-ж" [1]).

Как видно, указ создавал из бродячих людей разного звания категорию временных фабричных рабочих с точным указанием срока их пребывания на фабрике — 5 лет. По этому поводу В. И. Семевский заметил, что, хотя эти рабочие, как временные, не могут считаться неот'емлемой принадлежностью фабрик, но "нужно думать, что большинство из них навсегда оставалось там по той или другой причине, и таким образом увеличивало контингент, так называемых, вечно отданных" [2]). И действительно, в последующих указах срок пребывания бродячих элементов на фабриках уже не обозначается. Напр., указом 29 марта 1753 года "шатающихся и бродящих по миру" мужчин, годных в военную службу, велено отдавать в солдаты, а негодных на фабрики, без указания срока их пребывания там [3]). Если, однако, судить по тому, что на фабрики они отдаются, как негодные в солдаты, надо полагать, что срок их работы аналогичен сроку солдатской службы.

---

[1]) Полное Собрание Законов, т. IX, № 6858.

[2]) В. И. Семевский. Крестьяне в царствование Екатерины II (СПБ. 1881 г.), стр. 404.

[3]) Полное Собрание Законов, т. XIII, № 10095.

и прежние "пять лет" указом отменяются. Но так как указ вообще ничего не говорит о сроке, то этим самым он открывал широкую возможность проявления хозяйского произвола. Указ сената 5 августа 1762 года предписывал "ходящих за неимением пропитания по миру в Риге, яко в пограничном месте", солдатских жен отсылать в Москву в сенатскую контору, которая обязана, удостоверившись в их трудоспособности, отсылать в Мануфактур-Коллегию для распределения их по фабрикам. Срок их пребывания там опять-таки не указан, и лишь оговорено, что, в случае возвращения мужей из похода и командировки, по их требованию жены должны им возвращаться немедленно [1]).

В 1763 г. бывший мастер ситцевой фабрики, находившейся близ села Красного в Копорском уезде [2]), Христиан Лиман возбудил следующее ходатайство: дозволить ему, и его компаньону, маклеру высочайшего двора Иогану Спрингпусу, открыть ситцевую и выбойчатую фабрику в 8-10 верстах от Петербурга; предоставить ему привилегию, передать в его распоряжение двадцать казенных крестьян, которых "за погрешности и продерзости надлежаще наказывать мог"; двоих из них он обязывался в течение двенадцати лет настолько выучить мастерству, чтобы они были в состоянии устроить собственные фабрики; при этом Лиман требовал, чтобы его будущие рабочие были грамотны.

Рассмотрев это заявление, Мануфактур-Коллегия постановила: разрешить Лиману открыть ситцевую и выбойчатую фабрику и "производить позволить и на оной фабрике всяких званиев ситцы и выбойки на бумажных и льняных Российских и иностранных полотнах и шелковых материях разными цветами делать самым искусным мастерством против делающихся во Франции, Голландии, Англии и Германии и употребить ему, Лиману, всевозможное свое усердие, чтоб на той фабрике ситцы и выбойки деланы были не токмо такие, каковы до ныне продавались фабриками вышеописанного Козенса, но и таковые, каковых в России в заведении и делании не было, а китайку пред тою, какова доныне в Россию в вывозе была, на Российском полотне делать лучше добротою и крепче красками"; дать Лиману 20 казенных крестьян на вышеуказанных условиях, с правом наказывать их за проступки, а также разрешить ему приглашать мастеров из-за границы и нанимать русских для обучения. Сих людей с фабрики судом и расправою, кроме государственных и уголовных дел, ведать Мануфактур-Коллегии; не наряжать этих людей ни на какие службы; хотя открытие фабрики и не может последовать

---

[1]) Архив департамента полиции исполнительный (министерства вн. дел), 1822 г., № 32 „По указу правит. сената о жестоком наказании людей, находящихся на Шлиссельбургской ситцевой фабрике".

[2]) Красносельская фабрика была учреждена в 1753 г. англичанином Ричардом Козенсом и Василием Чемберлином (капитал в двадцать тысяч рублей), обязавшимися „делать помянутые ситцы самым хорошим мастерством против об'являемых от них в Коллегию рисунков и те ситцы печатать на тонких Российских полотнах и на бумажных, которые делаются из хлопчатой бумаги, и на шелковых материях". С своей стороны Мануфактур-Коллегия „для заведения и вкоренения показанного художества в России, коего до того времени в заведении не было, да и для того, дабы и впредь выезжающие из других Государств мастера к выезду в Россию и к заведению фабрик, коих в России еще нет, охоту и тщание имели, чрез что могла бы и России слава быть другим в заведении таковых же ситцовых и выбойчатых фабрик", и чтобы новые фабриканты за понесенные ими труды не могли „неудовольствия показать и остановки сделать", дала им монополию на 10 лет. В 1756 году по ходатайству Козенса и Чемберлина, обязавшихся своими выбойками и полотнами „всю Россию удовольствовать без недостатку" по цене не свыше 70 коп. за аршин, на заграничные выбойки и полотна указом сената „для вящшаго той фабрики размножения" наложена была пошлина в „три трети капитала", а с вывозных выбоек и полотен ценою выше 70 коп. пошлина установлена в положенном для ситцев размере. В 1756 году упомянутым англичанам была выдана ссуда в 30 тыс. рублей с погашением ее в 10 лет. Указом 31 июня 1762 года сенат, подтверждая привилегию, ограничивал, однако, ее действие временем, оставшимся до истечения 10-ти летнего срока, разрешая в дальнейшем основывать такие фабрики всем „ктоб не пожелал из крестьянства и прочих оным пользоваться", с сохранением в силе всех вывозных и ввозных пошлин (Полное собрание законов, № 11633)

ранее истечения 10-летнего срока со дня основания Красносельской фабрики, подготовительные работы для этого разрешить производить теперь же; дать Лиману для охраны фабрики унтер-офицера и 5 солдат.

В силу этого постановления 11 февраля 1763 года и был дан соответствующий указ. Наконец, указом 11 августа того же года в распоряжение Лимана и Сприциуса был дан островок около Шлиссельбурга, после чего и было положено начало Шлиссельбургской ситцевой фабрике.

Как вытекает из сказанного, при обсуждении вопроса о рабочих руках для фабрики Лимана имелось в виду откомандирование казенных крестьян, привлечение мастеров из-за границы и наем русских рабочих. Не было и намека на возможность насильственного привлечения на фабрику какого-либо бродячего элемента. Наоборот, самим Лиманом вопрос о качестве рабочего труда, повидимому, очень сильно принимался в расчет, так как, ходатайствуя об откомандировании в его распоряжение 20 человек казенных крестьян, он просит непременно грамотных, выражая при этом надежду на возможность замены через год оказавшихся неспособными более способными.

Однако, те же условия крепостной действительности в дворянской России, которые и прежде обостряли до крайности вопрос о рабочих руках, очень скоро оказались и тут. Можно было при заведении фабрики мечтать сколько угодно; но и здесь уже мечты окрашивались крепостнической психологией. Право воздействия— разумеется не морального—не было забыто предусмотрительным фабрикантом. О качестве труда заботы много, но понимания, что для производительности труда надо, чтобы он был свободным, нет и следа. Далее вопрос о рабочих руках, повидимому, обострился, и качество труда уже перестало играть прежнюю роль.

1 августа 1766 года Лиман подал в Мануфактур-Коллегию следующее заявление: "Потребно ныне на оную фабрику для подведения на ситцах и набойках красками цветов к работе женки, которых и отыскать не можно. А как не безызвестно, что из главной полицеймейстерской канцелярии на определение на фабрики присылаются в Мануфактур-контору, прошу дабы повелено было присылаемых из полиции женок и девок отсылать для работы на показанную фабрику". Здесь уже о качестве труда заботы нет, а просто давайте "женок и девок". И это было только началом. Как раз за несколько дней до заявления Лимана, 28 июля в Мануфактур-контору из главной полицеймейстерской канцелярии была доставлена вдова вологодского купца, Ульяна Михайловна Племянникова. По словам указа полицеймейстерской канцелярии, Племянникова, поселившись недавно в Петербурге у родственников, "пропитание имеет от покупки на собственные ее деньги всякого мелочного товара и продажи в имеющихся около С.-Петербурга деревнях". 23 июля, возвращаясь из одной деревни, она была ограблена на Крестовском острове, после чего с горя напилась на оставшийся у нее гривенник, в пьяном виде была подобрана и доставлена в полицию, при чем обнаружилось, что еще до этого на пасхальной неделе она была "в приводе в главной полиции за пьянство". За такой двукратный "привод" она и была отослана в Мануфактур-контору "для употребления на фабрику в работу". В виду получения в это время заявления Лимана, 2 августа в журнале Мануфактур-конторы было записано: "помянутую женку Ульяну Михайлову для работы отослать на Шлиссельбургскую ситцевую фабрику".

Повидимому, эта "женка" была только первой ласточкой в числе привлекавшегося на Шлиссельбургскую ситцевую фабрику случайного элемента. При этом, очевидно, никакого срока для пребывания такого элемента на фабрике не указывалось, и для лиц, подобных несчастной купчихе Племянниковой, эта отдача была равносильна бессрочной каторге.

Спустя более полувека после основания Шлиссельбургской ситцевой фабрики поднялся вопрос о составе ее рабочих в связи с другим делом. В 1821 году Правительствующему сенату пришлось разбирать донос майора Лимана (неизвестно, однофамилец или родственник основателя фабрики) на жестокое наказание людей

на той же фабрике, принадлежавшей в то время купцу Веберу, управляющим ее Дитре и городничим Радингом. Рассмотрев донос, сенат вынес заключение: 1) что "служившая у самого Дитре девка так жестоко была наказана, что после того сделавшись больною, и будучи отвезена в больницу в Санктпетербург, там умерла, отчасти подтвердили четырнадцать человек служившие при фабрике", а что от наказания, произведенного, по требованию Дитре, городничим, умер рабочий фабрики Никита Константинов, показала только его жена, утверждавшая, что муж ее после наказания пролежал 2 недели, а потом с трудом стал ходить, и через шесть недель умер. Посему сенат полагал, что об'яснять даже и в первом случае смерть побоями нельзя, так как "медицинские чиновники" показали, что "девка" умерла от простудной лихорадки, но что и Лимана обвинять в неправильном доносе нельзя, так как донос его был частью подтвержден другими людьми; 2) что следствие было произведено не правильно "с послаблением подсудимым и с упущениями", так как а) городничий был приглашен на следствие и допросы снимались при нем, хотя донос и был именно на него, б) не были допрошены люди, отвезшие "девку" Дитре в больницу, больничные сиделки и те, кто обмывал ее тело; в) не расследовали, был ли кто-нибудь у Константинова во время болезни, не видел ли знаков побоев на его теле и не слышал ли от него жалоб; г) 55 человек рабочих были спрошены только о том, не были ли они наказаны Дитре, и после отрицательного ответа более не допрашивались; 3) ни Дитре, ни городничий не опровергли ничем своей жестокости в наказаниях и наконец, 4) за от'ездом Дитре за границу следствие не может продолжаться, но на него падает подозрение в жестокости.

В силу всего этого сенат постановил: в случае возвращения Дитре, не допускать его к управлению людьми; городничего Радинга, как не изобличенного, от суда и следствия освободить; следователей за отмеченные упущения оштрафовать на 50 рублей; майору Лиману за произнесение на следствии по адресу городничего выражений "убийца" и т. п. сделать строгое внушение; членов Шлиссельбургского Уездного Суда за приведение в исполнение своего решения, без представления в палату, оштрафовать 50 рублями. Наконец, из дела сенат усмотрел, что на фабрике *"несколько человек свободного состояния, высланных туда управою благочиния на временную работу за разные пороки, остаются и удерживаются там более 20 лет"* против своей воли, что и было решено довести до сведения министра внутренних дел.

Таким образом, дело об убийстве людей было фактически погашено, но из этого дела возникало новое о насильственном удерживании на фабрике людей, подобных уже известной нам купчихе Племянниковой, свыше всякого срока.

Заключение сената было рассмотрено и одобрено государственным советом, а 5 декабря утверждено императором. При этом государь выразил свою волю, чтобы не только об упомянутых "людях свободного состояния", но и о всех рабочих данной фабрики был поднят вопрос, с затребованием списка рабочих, с тем, чтобы "впредь наблюдать, дабы отдаваемые на фабрику люди были там содержаны столько определенное время".

Министр юстиции сообщил о царской воле сенату, а последний 18 января 1822 года дал соответствующий указ министру внутренних дел графу В. П. Кочубею.

Министр внутренних дел предписал петербургскому гражданскому губернатору "истребовать немедленно именные списки всех находящихся на означенной фабрике людей с точным и верным об'яснением, к какому каждый из людей сих принадлежит состоянию, когда, по чьему распоряжению, или повелению и на какое время прислан на фабрику". Вскоре был доставлен список, повидимому, однако, не всех рабочих фабрики, а лишь "присланных на оную для усмирения". Таких рабочих оказывалось на фабрике 121 человек, из них—78 женщин и 43 мужчины: свободных—2 мужчины (Александр Пал. петербургский мещанин, и Семен Щекин, шелковой красильщик) и 14 женщин (большею частью солдатские жены и дочери); крепостных—105 (41 мужч. и 64 женщ.); трое присланы в 1815 году, остальные в 1816 и последующих годах. Относительно срока отбывания наказания на фабрике

в списке только около Степаниды Ермолаевой "крепостной девки коллежской советницы Загорской", присланной на фабрику самой владелицей, указано—"навсегда". Против остальных лиц, отмечено: "бессрочно", что конечно, по существу означает то же самое.

Список в таком виде поступил в департамент полиции исполнительной, и он (24 марта) запросил управу благочиния, на основании какого постановления на Шлиссельбургскую ситцевую фабрику посылаются люди для усмирения. На это последовал ответ, что такого постановления нет, а делается это на основании просьбы владельца фабрики Вебера, поданной обер-полицеймейстеру Горголи в мае 1815 г., и распоряжения последнего посылать туда доставляемых в управу свободных, но бесприютных людей "с тем при том, чтоб они довольствовались безнужным содержанием и платьем на его, Вебера, счет". Тогда департамент полиции обратился уже в департамент мануфактур и торговли министерства финансов с запросом, какую привилегию имеет названная фабрика по приему отдаваемых в наказание людей. И департамент мануфактур прислал в ответ копии указов 7 января 1736 года, 1753 и 1762 годов об отправке на фабрики людей "подлых неимущих пропитания", указа сената об учреждении Шлиссельбургской ситцевой фабрики и всей приведенной выше переписки по поводу привлечения на эту фабрику бесприютного элемента. Ко всему этому была приложена копия заявления самого купца Вебера, что на приемку людей привилегии он не имеет, а "отсылаются на оную фабрику люди чрез полицию, и отдаются помещиками по добровольному их желанию не в виде наказания, но для исправления их в работу, которая состоит: вымывать миткаль, полоскать ситцы, развешивать оные для сушки, и впротчих случающихся на фабрике занятиях на равне с вольнонанятыми людьми, на содержание их выдается приличное зимнее и летнее платье и обувь, равно пища достаточная и хорошая, денежной же платы им от фабрики не производится".

18 октября министр вн. дел внес в комитет министров подробный доклад, в котором, изложив всю переписку по делу, отмечал, что, хотя фабрика Вебера не имеет никакой привилегии, но общими указами такая отдача людей предусматривается. Однако, во избежание злоупотреблений, могущих быть вследствие неопределенности срока такой отдачи, граф Кочубей считал необходимым сделать следующие распоряжения: 1) свободных людей, присланных на фабрику без обозначения срока и пробывших там более трех лет, освободить; 2) крепостных, находящихся в таком же положении, возвратить их владельцам; 3) впредь отсылку на фабрики людей для исправления производить не иначе, как чрез управу благочиния; 4) хотя, по общему смыслу законодательства, управа благочиния должна бы производить такую отсылку не иначе, как по приговору судебных мест, но "как распорядок сей, в продолжение многих уже лет существующий, был дольше необходим по полицейскому начальству, обязанному искоренять праздность и бродяжество, столько в общежитии вредные, и при определении срока полезен самим посылаемым на фабрики людям", получавшим пристанище и пропитание, то предоставить это право и впредь управе благочиния, с определением срока пребывания на фабрике—не более трех лет; 5) по окончании срока возвращать в то ведомство, откуда они присланы; 6) отправляемые на Шлиссельбургскую фабрику должны быть впредь "довольствуемы безнужным содержанием и одеждою от владельца фабрики"; 7) "местному полицейскому начальству иметь под строгою ответственностию наблюдение, чтоб присылаемые на фабрику для исправления люди не были обременены сверх сил их работами, а тем наче не были бы утесняемы незаслуженными наказаниями"; 8) все выше изложенные постановления не касаются "до господских людей, отдаваемых на фабрику для обучения мастерству на урочные годы, так как право таковой отдачи узаконениями у помещиков не отъемлется, и сопряжено с общественною пользою". Седьмой пункт, вменявший в обязанность полиции ограждать таких рабочих от произвола хозяев, при окончательном рассмотрении министром доклада был исключен. Тем самым всякая, самая скромная, охрана несчастных исправляемых была признана излишней, и трехлетнее пребывание на фабрике превращалось в каторжные работы.

В заседании 24 октября 1822 года комитет министров утвердил положения доклада министра внутренних дел, а 27 января 1823 г. комитету министров было доложено, что положения утверждены государем с тем "1) чтобы, не ограничивая 3-х годичным временем пребывания отсылаемых на фабрику людей, чему и закон не противится, вменено было токмо в обязанность помещикам, или ведомствам, от коих люди отсылаются, при отправлении их на фабрику назначать на какой именно срок они их отсылают, и 2) касательно же немедленного освобождения ныне находящихся на фабрике людей, то положение сие привести в действо таким образом, чтоб фабрика Вебера чрез внезапное лишение значительного числа работников не могла потерпеть разстройства".

Такова печальная судьба неудавшейся попытки ограничить в законодательном порядке срок наказания фабричными работами. Срок остался не установленным по закону, и определение его всецело зависело от усмотрения помещика или ведомства. Рабочие из числа "шатающихся" людей и после этой длинной переписки остались совершенно не защищенными.

А. Шебунин.

К вопросу о рекрутском наборе дворовых и деловых людей 1703 г.

К началу эпохи преобразований Петра Великого зависимая холопская и крестьянская массы уже в значительной степени слились между собою в бытовом отношении; в этом процессе, подготовлявшемся издавна в Московском государстве, дворовый челядинец приближался к крестьянину через „задворного человека“, несшего тягло, но юридически еще остававшегося рабом своего господина, а крестьянин, охудав, и задолжав своему землевладельцу, переходил с пашни во двор, превращаясь в человека „делового“ или дворового.

Власть сама неясно давала себе отчет в этом смешении и колебании реальных условий, то так, то иначе понимая юридическое положение отдельных слоев зависимых людей. Петровское время еще более спутало все разряды подчиненного населения благодаря той бесконечно трудной внешней борьбе, каковую пришлось нести государству; необходимость иметь постоянную и большую армию принуждала изыскивать средства для ее пропитания—а отсюда своеобразный план Петра территориального расположения и содержания полков, вызвавший введение подушной подати и отменивший фактически холопство на Руси слиянием его в податном вопросе с крестьянством. Последнее историческое явление в общем хорошо изучено в русской исторической литературе в трудах В. О. Ключевского, А. С. Лаппо-Данилевского, М. А. Дьяконова и др. Некоторые отдельные черточки подготовки этой ликвидации старых порядков можно уловить в массе архивных документов того времени; одним из таких и является печатаемый ниже [1]). Касается он какого то рекрутского набора начала 18-го века, по всей видимости—набора деловых и дворовых людей 1 окт. 1703 г. [2])— и представляет

[1]) Рукописи Археографической Комиссии при Российской Академии Наук, Вологодские и Белозерские акты, кор. 9, без года. Тетрадка в 16-ую долю листа, без заглавия, писана почерком начала 18-го века, на 4 листах, об. 3 и 4 чистые. На обложке, в которую вложен документ, позднейшая надпись архивного происхождения: „Статьи о дворовыхъ и разныхъ людяхъ“.

[2]) Все статьи касаются того, кого „имать“ или „не имать“ в солдаты, причем интересуются почти исключительно дворовыми и деловыми людьми, так что нужно считать их составленными для специального рекрутского набора. Более точные хронологические рамки документа можно определить на основании двух указаний его текста: упоминания Приказа Военных дел, образованного по указу 23 июля 1701 г. (Полное собрание законов, № 1859), и указания на дворовых и деловых людей царя имеретинского Арчила Вахтанговича (ст. 8), умершего в 1713 году. (П. С. Бутков. «О духовном завещании царя Арчила Вахтанговича». —«Северн. Арх.» 182[illegible] г. [illegible]). За данное время (1701—1713 г.г.) специальный набор деловых и дворовых был произведен только один раз, в 1703 г. (указ 1 октября: Пол. собрание зак., № 1944), сдача людей должна была состояться к 1 Декабря 1703 г. С последней датой согласуется и указание [illegible] документа; после 1 Декабря 1703 г. начинался учет добровольцев. [illegible] льготу для царя Арчила, на людей которого набор [illegible] [illegible] пропуск его вотчин в перечислении владельцев, с которых должны [illegible] по указу 1 окт. 1703 г. В наборы ближайших [illegible] делались исключения (Полное собр. законов, № 2049 и др.).

собою частную инструкцию сборщика рекрутов одной из центральных местностей тогдашней России [1]). Самая форма его, вопросоответная, указывает на те неясности, которые возникали перед лицом, пользовавшимся инструкцией, в определении юридического положения (в житейски-обычном толковании) того или иного разряда дворовых и деловых людей в отношении их к набору и по соотношению их с другими классами зависимых людей. Такие, можно сказать, психологические намеки нашего документа заставляют несколько сосредоточить на нем внимание [2]).

Указом, определявшим набор, устанавливалось уже количество собираемых с каждого владельца людей: „изъ дворовыхъ—пятаго, а изъ деловыхъ — седьмого“; по статье I-ой нашего документа, лица, имеющие дворовых и деловых людей или если у кого-нибудь окажется людей „в остатке“, „за указным, числом“, т. е. владельцы, напр., 6—9, 11—14 и т. д. дворовых и 8—13-15—20 деловых людей, обязаны сложиться друг с другом, поставить даточного сообща, заключить между собою договор о возмещении того из них, у кого именно будет взят человек в солдаты, и сообщить властям; потерпевший владелец получал вознаграждение по указу — „а без указу не приказу денегъ не давать“.

Владельцы из служилых „начальных людей“ получали большие льготы, нежели остальные: в то время, как их в количестве половины приказывалось отпустить по домам для учета своих „людей“ и подачи о них „сказок“, последние еще должны были дожидаться особенного распоряжения (ст. 2). „Купецкие люди“ оказались еще в худшем положении: только тем из них, которые находились „у дел“, очевидно, государственного порядка и значения, „в Астрахани, в Азове і в Сибири“ разрешалось „дать сроку, до времени свободу“ в немедленном возвращении домой для приноса сказок и привода дворовых и деловых людей; лица же „у своих промыслов“ обязывались представить к смотру (подав сказки) тех „людей“ своих, которые, очевидно случайно, оказались с ними „в городех“, куда их владельцы заехали для торгово-промысловых оборотов. Забранных даточных у купецких людей приказано было присылать к Москве; если дворовые и деловые купецких людей были посланы своими хозяевами туда по своим делам, то такие „люди“ должны были быть забраны на Москве, при наличии, конечно, уже полученных из провинции сказок, и „без них“ (хозяев) „к смотру“, т. е. к рекрутскому освидетельствованию.

Трудные обстоятельства напряженной военной деятельности заставляли правительство искать воинского матерьяла и путем постоянных рекрутских наборов и путем привлечения „охочих“ людей „в вольницу“. Но последний способ пополнения воинских кадров, давая зависимому человеку проблески

---

[1]) Нахождение „статей“ среди актов, составляющих остатки архивов провинциальных установлений (вероятно с'езжих изб 17 в. и сменивших их Петровских учреждений), говорит уже за их местное происхождение, за принадлежность к провинциальному делопроизводству. Раз'яснению чисто местных, частных, недоуменных случаев в технике производства набора посвящены статьи 2, 6, 8. Во второй упоминаются служилые люди, находящиеся на службе в Новгороде и Пскове, а также люди купецкие „у делъ в Астрахани, в Азове і в Сибири“, по шестой статье грамоты „о взятье людей“ приказывалось посылать в Киев, Астрахань, Сибирь и Поморские города; таким образом, область к которой может относиться инструкция, должна находиться, путем исключения перечисленных, в центре государства. Можно предполагать, что это Московский или Нижегородский уезды, т. к. ц. Арчил имел земли в названных уездах (Полное собр. зак., №№ 1990 и 2069).—То, что „статьи“ инструкция не оффициальная, а частная, показывает ее вопросоответная форма; но составлена она, очевидно, в известной мере на оффициальных указаниях—ср. ст. 2 и 4; в последней ответ написан иным почерком —может быть лицом, корректировавшим статьи.

[2]) О рекрутских наборах при Петре Великом см.: М. В. Клочковъ, „Населеніе Россіи при Петрѣ Великомъ по переписямъ того времени“, т. I (СПБ. 1911 г.), стр. 85 и гл. 2; Мрочекъ-Дроздовскій, „Областное управленіе Россіи 18 в. до учрежд. о губерніяхъ 1775 г.“, ч. 1 (М. 1876), стр. 145 и сл.

надежды превратиться из „раба“ в „государева служилого человека“, грозил государству подрывом регулярной концентрации сил для вооруженной обороны: тяжелая солдатская лямка иногда, вероятно, казалось слаще пребывания в дворовом или деловом „чине“. В виду этого наши статьи (ст. 9) и приказывают записывать в вольницу лишь после 1-го декабря 1703 г., по окончании набора. В этом отношении органы власти как бы обязывались соблюдать строгий порядок, чтобы и добровольных охотников в государеву службу принять и их владельцев не разорить и не обидеть: добровольцы должны были быть зачтены их хозяевам в „указное число“ и таким образом интересы господ не страдали [1]).

Аналогичными соображениями следует, думается, объяснять и то указание нашего документа, что в солдаты попадал не всякий из дворовых и деловых людей, не только по физической его годности или негодности к несению военной службы, но и по его положению среди господской дворни. Высший слой дворовых людей — „стряпчие“, „дворецкие“ и „казначеи“ — не подлежат набору, но они идут в „указное число“, то основание, с которого исчислялся процент даточных рекрутов, следуемых с каждого владельца (ст. 4); низший разряд, „поваренные“ и „конюхи“, — не пользовался такими льготами (ст. 5) [2]).

„Статьи“ категорически запрещают „имать“ крестьян как взамен вышеозначенных разрядов дворовых людей, (ст. 4), так и вообще вместо людей из господской челяди, если кто-нибудь из владельцев станет о том бить челом, хотя бы эти крестьяне и оказались „человечны“ и „молоды“ (ст. 10). Набор касался только дворовых и деловых людей и крестьяне еще не слились с ними окончательно в понятии власти в одно целое „подданных“ своих государей, хотя владельцу иногда и казалось более выгодным сдать крестьянина, а не близкого дворового холопа. Но время это — эпоха „слияния холопства с крестьянством“, как принято называть его в научной литературе, — вело к тому, что фактически смешивались такие разряды зависимых людей, которые еще различались в законодательстве официально. Так, одновременно приказывалось брать в солдаты (ст. 3) у „купецких и у всяких чиновъ людей у иноземцевъ“ людей, которые живут у них „по записямъ в урочныхъ годехъ в наймахъ и которые отданы за иски вражиевъ головою, в урочные годы“ [3]). В

---

[1]) Это как будто противоречит первоначальной тенденции Петровского законодательства открыть широкий доступ „всех чинов людей“ в вольницу, даже беглых холопов (М. В. Клочковъ, назв. сочинение, стр. 86; А. С. Лаппо-Данилевскій, „Очеркъ исторіи образованія главнѣйшихъ разрядовъ крестьянскаго населенія въ Россіи“ въ сборнике „Крестьянскій строй“, т. 1, (СПБ. 1905), стр. 81).

[2]) Подобное различение слоев господской челяди соблазнительно сопоставить с позднейшими указами Петра: так в 1711 г., когда в набор брались лишь дворовые, а деловых, „которые платятъ всякіе подати“, брать запрещалось, мы имеем как бы обратный случай нашим статьям: согласно их стряпчие, дворецкие и казначеи владельца, это ближняя дворня, на земле безусловно не сидевшая и пашни не пахавшая, оставалась при нем, а „деловые“ конюхи и повара, может быть в бытовом отношении близкие к „задворным“ людям, пашенным холопам, попадали в набор (Полн. собр. зак., № 2704, А. С. Лаппо-Данилевскій, назв. соч.). С этим напрашивается на сопоставление и ст. 7, по которой крестьяне, перешедшие во двор господина, попадают в рекруты: перед составителем „статей“ возникал, очевидно, недоуменный вопрос к какому разряду относить их, если они, войдя в состав дворни, все же сохраняли и собственную запашку, сближаясь в таком случае опять-таки с „задворными“ людьми (характерно, что последний термин не встречается в нашем документе — или он в быту уже не отмечается?).

[3]) О сближении иногда в юридическом отношении слуг по найму и лиц отданных до искупу вражие с холопами — см.: И. Н. Бѣляевъ, „Договоръ найма в древне-русскомъ правѣ“ (Русск. историч. журналъ, кн. V, 1919 г., стр. 3—32); его же „Холопство и долговыя отношения въ древнемъ русскомъ правѣ“ (Юридическій Вѣстникъ, 1915 г. кн. IX). Специально о наймитах иноземцев и отданных им вражие головою обширный очерк у А. С. Мулюкина, „Очерки по исторіи юридическаго положенія иностранныхъ купцовъ въ Московскомъ государствѣ“, (Одесса, 1912), очерки II, гл. IV, и III. В данном случае наймиты и несостоятельные должники иноземцев заменили очевидно (для набора) деловых и дворовых людей, т. к. по старой [illegible] иноземцам-иноверцам [illegible]

этой статье об'единены лица, хотя и зависимые, но совершенно на иных основаниях: добровольный слуга по наемной записи и временный холоп по долговому обязательству в представлении исполнителя инструкции, лица, знакомого, очевидно, непосредственно с бытовым положением означенных категорий населения, являются в качестве господского дворового человека уже безразлично.

Подобного же характера сомнения высказаны в статье 7, когда встал вопрос, как рассматривать тех крестьян, бобылей и крестьянских и бобыльских детей, которые по переписным книгам (очевидно 1677—78 г.г.) значились „особыми дворами", а к 1703 г. успели отбиться от тягла и оказались „во дворовыхъ і в деловых людехъ у помѣщиковъ во дворехъ": рассматривать ли их все же как крестьян или в качестве уже членов боярской челяди—и в последнем случае брать в солдаты?

Так наши „статьи" отразили в себе житейские недоумения, каковые возникали при проведении указа о наборе 1703 г.; думается, что они еще раз показывают ту любопытную смѣсь юридических положений и взаимоотношений между отдельными разрядами зависимого трудового населения, которая началась вслед за переписью 1677—78 г., введшей новую окладную единицу „двор", и вместе с тем привлекшей большое количество новых тяглецов, и кончилась указами о первой ревизии при Петре Великом и полным слиянием всех категорий зависимых людей в одну—„крепостных", „подданных".

„Статьи о дворовыхъ и разныхъ людяхъ".

1.

У кого, у всяких чиновъ людей, дворовыхъ і деловыхъ людей будет за указнымъ числом в остатке 1 или 2 или 3 человѣка іли у кого указного числа людей не будет сполна, а по скаскамъ ихъ явятца толко по 1-му человѣку і по 2 и по 3 и по 4 і темъ людем складоватца, і от кого взят будет человѣкъ і тому с техъ складчиков по чему с человѣка давать?[1]—Складыватца і по чему имат за человѣка: і о томъ имъ, договоряс самимъ, и приносит скаски о том своемъ договоре, а без указу ис приказу денегъ не давать.

2.

Которые служилые люди нынѣ на службѣ в Нове-городе і во Пскове і в иных указных местехъ, а купецкие люди в отъездехъ, і о техъ людехъ безъ нихъ у кого скаски імат и, естьли імат скаски, на которой срокъ имъ ставит?—Іс тех: началныхъ людей отпустит половину і велет имъ скаски приносит і людей приводит; а которые, опричь началных людей, на службах і в посылкахъ, і о тех справят с розрядом: выписат в докладъ. А которые купецкие люди для своихъ промыслов—и у техъ скаски имат в городехъ и людей, которые с ними, высылат к Москве; а которые на Москве—и техъ і безъ них к смотру имат по скаскамъ; а которые купецкие люди у делъ в Астрахани, в Азове і в Сибири—и темъ дат сроку, до времени свободу.

3.

У кого живут, у купецких і у всяких чиновъ людей, у иноземцевъ, по записям і урочныхъ годехъ в наймехъ и которые отданы за иски вжаживъ головою, в урочные годы, и ихъ в то указное число имат ли?—Имать.

лось владеть православными холопами (А. С. Мулюкинъ, назв. сочин., ч. III, гл. I).—Отдача вжажив головою до искупу была запрещена несколько лет спустя указом 26 мая 1714 г. (А. Н. Филипповъ. „Учебникъ исторіи русскаго права", ч. I (изд. 4 Юрьевъ. 1912 г.) стр. 726).

4.

Стряпчих i дворецких и казначѣевъ з дворовыми людми писат ли? I будет опричь техъ иные в салдаты не годятца, i ихъ в салдады (sic) имат ли, iли вмѣсто ихъ крестьянъ имать?

Стряпчих i дворецких i казначѣевъ не имат и з дворовыми людми в число писат.

5.

Поваренныхъ и конюховъ з дворовыми или з деловыми людми в число ставит ли и iз нихъ имат ли?—Имат и в число писат.

6.

В Киевъ, в Астрахань, в Сибир i в Поморские городы о взятье людей государевы грамоты посылат ли?—Посылать.

7.

Крестьяне i бобыли i крестьянские i бобылские дети в переписныхъ книгахъ написаны особыми дворами, а нынѣ живутъ во дворовыхъ i в деловых людехъ у помѣщиковъ во дворехъ, имат ли?—Имать.

8.

У царя Арчила Вахтанѣевича дворовыхъ i деловыхъ людей имат ли?—Не имат.

9.

Которые людей своихъ в скаскахъ напишутъ к смотру i те скаски в приказе Военныхъ делъ поданы будут, и те ж люди учнут записыватца в саладаты въ вольницу записыват ли? I естьли записыват, в указное число зачитат ли?—Зачитат декабря с 1-г(о) числа.

10.

Которые станут бит челом, чтобъ вместо дворовых iли деловых людей взять ис крестьянъ человѣчныхъ i молодых, и iс крестьянъ имат ли?—Не имать.

П. Садиков.

Златоустовская забастовка в 1903 г.[1]).

1903 год ознаменовался целым рядом рабочих забастовок, прокатившихся широкой волной по многим местностям России. Среди этих забастовок видное место занимает Златоустовская, кровавое подавление которой послужило ближайшим поводом к последовавшему вскоре убийству уфимского губернатора Н. Богдановича.

Кроме железнодорожных мастерских, на которых работало несколько сот человек, в Златоусте (Уфимской губ.) имелся большой казенный оружейный завод, насчитывавший до 5.000 рабочих.

Рабочие этого завода были недовольны все более ухудшавшимися условиями труда. В виде остатка поссессионного права заводоуправление было обязано содержать в течение года рабочего, если он терял работу по вине завода. За последний год правительство путем введения различных новшеств незаметно уничтожило указанный порядок. При найме рабочих управление обычно руководствовалось правилами, редактированными в соответствии с манифестом 1861 г., предоставлявшим рабочим некоторые преимущества: они имели право на земельный надел; им разрешались сходки в помещении завода для обсуждения текущих дел; в случае предстоявшего изменения условий найма, рабочие должны были быть извещены за три месяца. Но вот, в конце января 1903 г., администрация завода об'явила, что в силу изданного 11 марта 1902 г. закона условия найма будут впредь согласованы с "Уставом промышленности", и разослала для ознакомления рабочих в цеха по несколько экземпляров соответствующих расчетных книжек. Эти книжки определяли денежные взыскания за поломку инструментов, станков, машин; вводили крупные штрафы за опоздание; угрожали тюремным заключением за разные нарушения правил; и в довершение всего—уничтожали упомянутое обеспечение рабочих. Одновременно появились новые правила о продолжительности и распределении рабочего времени, удлинившие в некоторых цехах восьмичасовой рабочий день до 10½ часов.

Рабочие заявили управителю, что не согласны принять новые условия. Он предложил им избрать депутатов для обсуждения совместно с администрацией завода условий найма, но рабочие не согласились. С протестом выступили также рабочие тех цехов, где был увеличен рабочий день; управитель об'яснил, что произошла ошибка и, действительно, через несколько дней появились новые правила, восстановившие в некоторых цехах прежний рабочий день, но в других нововведение все же осталось.

Вслед затем рабочие заявили следующие ходатайства:

1) о дополнении расчетной книжки нового образца, согласно закона 11 марта 1902 г., постановлениями закона, определяющими права рабочих по положению 8 марта 1861 г. и закона 8 мая 1901 г.;

---

[1]) Архив б. департамента полиции: особый отдел, № 4, ч. 9, лит. В. 1898 г. „О волнениях и стачках среди рабочих. По Уфимской губернии". „Искра", 1903 г., №№ 37, 38, 39, 50; „Освобождение", 1903 г., № 23; „Революционная Россия", 1903 г., №№ 21, 22, 31.

2) условия найма оставить в прежней редакции, т. е. 1902 г., со старым определением рабочего времени в 180—250 дней;

3) время работ ограничить восемью часами в сутки, согласно правил о продолжительности рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности, утвержденных 20 сентября 1897 г. министром финансов по соглашению с министром внутренних дел на основании ст. 9 отд. I высочайше утвержденного 2 июня 1897 г. мнения государственного совета;

4) производить плату за табельные дни, как за праздничные, в полуторном размере, если в такие дни будут даваться неотложные работы;

5) премии делить между всеми участниками работ данного цеха, а не выдавать их одним мастерам, как практиковалось до сего времени, ибо успех работы зависит постольку же от старания рабочих, поскольку от распорядительности и опытности мастера;

6) дозволить, в мере возможности, пользоваться остающимися свободными и не использованными казенными сенокосными угодьями;

7) лесосеки для заготовки дров, по преимуществу с другими жителями города, отводить ближайшие, с правом заготовки в них бесплатно, если представится возможность, строевого леса в счет положенных пяти куб. саж. дров, а не отдавать это преимущество мещанам и купцам, как было сделано в заготовку 1902 г.;

8) удовлетворять рабочих условной платой когда они являются на работу, в виду строгих требований закона об ответственности за неявку , и не получают таковой по причинам, зависящим от недостаточной заботливости цеховой администрации;

9) иметь право изготовлять бесплатно, имеющим лошадей, один скат подков в течение года, наварить топор и сковать молоток и наковаленку для отбоя кос бесплатно, а также точить и исправлять хозяйственные вещи без употребления металла".

Кроме того рабочие ходатайствовали, чтобы правила внутреннего распорядка вырабатывались совместно цеховой администрацией с рабочими.

По просьбе рабочих было созвано экстренное собрание товарищества, на котором присутствовало, по официальным данным, до 1500 человек рабочих; правда, в порядке дня не было вопроса о новых условиях труда, но рабочие возбудили его; однако прения, возникшие между рабочими и заводоуправителем, ни к чему не привели. Тогда (6 марта) рабочие прокатного цеха в числе 160 человек заявили, что 10 марта на работу не выйдут, в виду понудительных мер со стороны заводоуправления к принятию новых расчетных книжек. В ответ на это последовало предупреждение, что в случае забастовки рабочие будут привлечены к законной ответственности, а поденные уволены. Полиция стала производить обыски, двух арестовала, рабочих десятками водили в полицию, где их убеждали принять новые условия. Но эти меры не поколебали большинства рабочих. Рабочие прокатного цеха заявили, что новых книжек не примут и, если начальство будет настаивать на своем, то они бросят работу.

10 марта рабочие этого цеха, придя на завод, нашли его запертым. Тогда же были прекращены работы в некоторых других цехах. На следующий день рабочие обратились к начальству с прежним ходатайством. Им предложили избрать депутатов для переговоров. Рабочие согласились на это после данного им слова, что выборным не грозит никакая опасность, и избрали рабочих Симонова и Филимошкина, а ночью депутаты были арестованы.

Узнав об аресте депутатов, рабочие заволновались, стали требовать освобождения и отдачи их на поруки. По позднейшему официальному признанию нового уфимского губернатора, чины полиции "из чувства страха обманули толпу, сказав ей, что арестованные увезены в Уфу, тогда как они заведомо находились в тюремном замке в Златоусте. Обнаруженный обман не мог, конечно, способствовать авторитету полиции... Чины полиции сами же направляют толпу от дома ротмистра к дому исправника, а оттуда советуют итти за выяснением дела к дому горного на-

4*

чальника. Мало того, ожидая прибытия губернатора, чины полиции сами же советуют толпе выждать его приезда".

Тем временем уфимский губернатор Богданович прислал войска на завод "для охранения казенного имущества и рабочих, желающих работать, от забастовщиков". По приезде губернатора рабочие передали ему прошение об оставлении в силе закона 1881 г. Губернатор предложил рабочим стать на следующий день на работу, а к нему прислать трех-четырех депутатов для переговоров [1]).

Утром 13 марта к квартире губернатора стала стекаться толпа рабочих; ей было заявлено, что вопрос о новых правилах послан для рассмотрения министру, а пока рабочие могут работать на старых основаниях. Рабочие удовлетворились, однако, продолжали настаивать на освобождении арестованных. Губернатор обещал, что поедет сам в тюрьму и, допросив арестованных, может быть выпустит их. Но рабочие, опасаясь обмана, заявили, что не пустят его, так как для освобождения достаточно послать прибывших с ним прокурора и жандармского ротмистра.

Тогда губернатор вывесил печатное объявление, которым рабочим предлагалось немедленно приступить к работам, под угрозой, что уклонение от работы повлечет за собою закрытие завода и таким образом рабочие сами себя лишат заработка. При этом рабочие предупреждались, что сборища будут рассеиваемы военною силою. К этому времени на площади выстроились войска.

Составленный по предложению губернатора за подписями всех присутствовавших официальных лиц "акт" следующим образом описывает кровавые события: было решено, что прокурор и жандармский полковник поедут в тюрьму допросить арестованных подстрекателей, но при выходе их из подъезда толпа не дала им сесть в сани, требуя сперва, чтобы прокурор шел пешком к тюрьме с толпой, а затем, чтобы арестованных привели к рабочим; губернатор стал убеждать толпу разойтись, предваряя, что иначе придется действовать оружием, а она начала врываться в дом, где остановился губернатор, причем из среды рабочих раздалось несколько револьверных выстрелов; [illegible] исправника и жандармский унтер-офицер получили ранения; вслед затем войска употребили оружие [illegible] толпа очистила площадь, оставив на месте более 50 раненых и 28 убитых. [illegible] них оказались посторонние лица.

Впоследствии преемник Богдановича признал, "что чины [illegible] и [illegible] полиции всех рангов и званий не приняли [illegible] участия в своевременном предупреждении толпы перед действием войск о том, что будут стрелять и о том, что кто не уйдет с площади, [illegible] что было тем более необходимо, что при большом пространстве [illegible] и при шуме — сигнал мог быть не слышен не только на [illegible] толпы, но даже и в центре, не говоря уже о том, что многие [illegible] знают значения сигнала".

Что касается выстрелов из толпы, то по сообщению "Искры" [illegible] — осмотр дверей дома показал, что выстрелы шли внутри дома в толпу, а не наоборот. Согласно другой корреспонденции, [illegible] самим Богдановичем при выходе из дома; [illegible] заставил врача выдать [illegible] свидетельство об огнестрельной ране. [illegible] действие находит себе подтверждение в [illegible].

Губернатор Богданович в донесении начальству писал: "[illegible] действия оружием вынужден был прибегнуть за [illegible] распоряжении какой-либо конной военной части или казаков [illegible] полного неуважения и ослушания, [illegible] толпой начальствующим [illegible] в Златоусте беспорядки начали [illegible] (как о том [illegible]

[1]) По данным архивного дела рабочие депутатов не [illegible]. По сообщениям „Искры" (№ 39) и „Освобождения" (№ 23) рабочие [illegible] были арестованы.

ведения) оказывать пагубное влияние на настроение рабочих соседнего Кусинского завода".

13 марта было вывешено об'явление, что если рабочие с 14 не начнут работать, то завод будет закрыт впредь до распоряжения высших властей. На другой день все стали на работу. Вслед затем была получена телеграмма министра государственных имуществ потребовавшая, чтобы рабочие обязательно брали книжки нового образца, в противном случае завод прекратит свои действия, пока не наберутся новые рабочие.

К суду за беспорядки были привлечены 34 рабочих. Дело слушалось в Казанской судебной палате с 23 по 30 января 1904 г. Пятеро были приговорены к тюремному заключению от 1—3 месяцев; остальные—оправданы.

И. Бендер.

Заметки архивистов.

Таежная трагедия.—Несколько слов о самоедах.—Привилегированное положение охтенских ремесленников.—К истории празднования первого мая.—Справка о частных горных заводах.

Таежная трагедия.

(Из быта рабочих золотых промыслов).

Рабочие золотых приисков в старые годы были в большинстве ссыльно-поселенцы, т. е. юридически ограниченные в правах и всецело зависимые от усмотрения ближайших административных властей. Тяжкий труд по добыче золота сопряжен был с преодолением чисто физических препятствий, создаваемых бездорожьем, отдаленностью приисков от населенных пунктов и суровостью природы и климата золотопромышленных районов, расположенных обычно в дикой гористой местности, покрытой едва проходимыми лесами (“тайга”). Чтобы судить о путях сообщения в старину, достаточно сказать, что, напр., сообщение с известными прежде Бирюсинскими золотыми приисками Асташева и К° от ближайшего населенного пункта Канского округа Енисейской губ. деревни Коростелевой требовало 10—12 дней пешего пути в один конец. Путь этот шел едва заметной тропой, часто пересекаемой то горными речками, то завалами упавшего леса, и требовал крайней осторожности, особой зоркости и уменья ориентироваться в этой пустыне. Малейшее отклонение от лесной тропы, потери ее, грозили сбившемуся гибелью от голода, холода и нападения медведей.

Одна из таких трагических историй разыгралась в Енисейской тайге в 1841 году [1]).

К концу августа работы на Бирюсинских приисках “Асташевской компании” были закончены, и с первого сентября рабочие, исключительно из числа ссыльно-поселенцев, были об'явлены свободными от контракта. Но выдача заработанных денег производилась не на месте работ, а в вышеупомянутой деревне Коростелевой, где находилась контора предприятия, носившая на языке золотопромышленников название “резиденции”. Впрочем, резиденция эта была не простой конторой; тут же компания держала для рабочих лавки с платьем и другими товарами. В этой резиденции рабочие сбывали законно или незаконно добытое ими золото, здесь же находили спиртные напитки, веселое женское общество и т. п. приманки и здесь оставляли большую часть заработанных денег. Но резиденция отстояла от места работ на 10-12 дней пешего пути по таежным тропам. Притом с этой экспедицией надо было торопиться, потому что в половине сентября (ст. стиля) в тех местах часто выпадает глубокий снег, тропы, равно и опасные места заносятся снегом, и тайга становится непроходимой и непроезжей вплоть до замерзания рек, по которым и устанавливается сообщение с приисками. У рабочих

---

[1]) Архив минист. внутр. дел, департамент полиции исполн., 1841 г., дело № 456.

заброшенных с ранней весны на приисковые работы, оторванных от семей, страдавших часто и цынгой и другими профессиональными болезнями сибирских приисковых рабочих, было и без того достаточно оснований к стремлению как можно скорее вырваться из тайги. Вот почему, повидимому, асташевские рабочие отнеслись с доверием к предложению одного своего товарища, служившего на приисках караульщиком, провести их к резиденции ближайшим путем, причем за эту услугу проводник назначил плату всего по 10 коп. с души. Рабочих набралась большая партия—в 1500 чел., которые вскоре и покинули прииски. В резиденции их ждали к 10-12 сентября, но напрасно. К 17 сентября явилась небольшая часть рабочих и принесла первые вести о неудачных поисках кратчайшего пути. Оказалось, что первые три дня пути рабочие, проходя по пустыне, заблудились. Ища дороги, партия разбилась на отдельные группы, и каждая действовала самостоятельно. Одни предпочли вернуться на прииск, чтобы оттуда пойти "оффициальным" путем; другие начали строить планы, чтобы спуститься по течению рек и достигнуть каких нибудь жилых мест; третьи блуждали в тайге, ища троп. Тем временем выпал глубокий снег, и в резиденции началась тревога, сообщили властям. В тайгу навстречу заблудившимся рабочим отправлена была экспедиция крестьян с 10 лошадьми, навьюченными продовольствием. По донесению енисейского губернатора, ей удалось спасти многих из заблудившихся, которые "находились несколько дней без пищи, боролись в изнеможении с глубокими снегами и ожидали только смерти". Вскоре получилось сообщение, что группа рабочих на плотах явилась в город Нижнеудинск Иркутской губ., в Тинскую и Рыбенскую волости. Через месяц, к 19 октября, в резиденции перебывала большая часть рабочих, но не явилось 150 чел. Резиденция не считала их погибшими, полагая, что они вернулись на прииски и там ожидают установления зимнего пути по рекам. Прошла зима, наступил новый сезон приисковых работ и опять окончился, но возвращения прошлогодних, отставших от партии рабочих уже не ждали... И енисейский губернатор донес министру вн. дел от 17 сентября 1842 г., т. е. равно через год, что "из числа рабочих, заблудившихся в лесах, до сего времени не явилось в контору 122 человека, из чего выводится заключение, что все эти люди погибли...".

По докладу графа Бенкендорфа, Николай I повелел: подвергнуть строгому наказанию рабочего, взявшегося быть вожатым, принять строгие меры "к удержанию рабочих в надлежащем повиновении властям, управляющим промыслами". "Неповиновение властям" было усмотрено в отказе рабочих идти одной таежной тропой и в желании найти другую.

Пав. Аргунов.

Несколько слов о самоедах.

Прибывшие в Петербург в конце 1866 года помощник главного самоедского старшины Тобольской губ., Обдорского ведомства, Уральского хребта, Холодной тундры, Березовского округа, Лакурей Худин с товарищем Николаем Нагоричем подали министру внутренних дел[1]) жалобу на несоответствие платимой ими денежной подати с взимавшимся с них прежде ясаком и на неправильные и притязательные действия Березовского окружного начальства относительно избранного самоедами писарем крестьянина Архангельской губ. Кирилла Терентьева. Они, вместе с тем, просили обратить внимание правительства на бедственное положение самоедов вследствие падежа у них оленей и позаботиться об устройстве в тундрах, в местах их промыслов, хлебных магазинов, так как за хлебом им приходится ездить в ближайшее село Обдорск, находящееся в расстоянии несколько сот верст от их кочевья.

[1]) Архив министерства вн. дел, канцелярия министра, 1866 г., дело № 27 „По жалобе прибывших в Петербург из Тобольской губернии самоедов".

Означенные жалобы и просьбы были переданы тобольскому губернатору для представления своего заключения.

Из сообщенных губернатором сведений видно, что самоеды платят всех сборов с ясаком 3 руб. 17 коп. с души, из каковых 1 руб. 42 коп. уплачиваются на обывательскую гоньбу, потому что в числе ревизских душ самоедов есть малолетки и увечные, за которых трудоспособные вносят плату по особому приговору с добровольного согласия; по росписанию же о земской гоньбе каждая ревизская душа обложена по $67\frac{1}{2}$ коп., и собираемая сумма обращается в пособие тем из отбывающих натурою гоньбу, которые по местным промыслам не имеют достаточных средств как к оплате податей и повинностей, так и к пропитанию своих семейств. В начале 60-х годов и в особенности в зиму 1865—1866 г. пало от повальных болезней несколько тысяч оленей, составляющих все богатство инородцев. Падеж этот является великим бедствием для них, но принятие каких-либо предохранительных мер не представляется возможным, так как дикие олени обитают на необозримом пространстве в местах, не всегда доступных, да и сами владельцы управляют стадами посредством особых сабак, называемых "оленными". При таких условиях нет возможности проверить действительное количество павших оленей. Что же касается постройки хлебного запасного магазина на Хаманельском мысе, о котором ходатайствует Худин, то мыс этот находится от Обдорска в расстоянии нескольких сот верст, представляя тундристую, безлесную площадь, омываемую Обскою губою. В этой местности остяки и самоеды, отдавая рыбные ловли русским промышленникам, получают за то от них все необходимое, как-то: холст, мережу, табак, хлеб и муку, доставляемые сюда в достаточном количестве и по ценам, довольно умеренным, так что все обитатели этой местности имеют полную возможность заготовить запас на целый год. Река же Пур, где также Худин просит выстроить магазин, хотя и изобильна лесом, а самоеды, населяющие берега ее и Таза, действительно нуждаются в заготовлении для них муки, но трудность единственного водяного сообщения с Пуром и Тазом, чрез Обскую и Тазовскую губы, едва ли вызовет желающих на сплав муки к реке Пур, да если бы и состоялась эта доставка, то судя по цене, в какую может обойтись мука, она едва ли может служить пособием для бедных инородцев. Наконец, за отдаленностью реки Пур от Обдорска нельзя иметь наблюдения за правильным выпуском муки. Все эти жалобы и просьбы со стороны Худина возникли, главным образом, от неизбрания его старшиною. В конце декабря 1864 г. самоедам было об'явлено распоряжение правительства об отделении их от Остятского управления с предоставлением выбора особого самоедского старшины. Распоряжение это послужило к образованию нескольких партий, имевших каждая своего претендента на звание старшины, и, несмотря на все старания Худина, старшиною был избран Галымбады. Одновременно с выбором старшины, самоеды должны были избрать и писаря из людей, известных своими нравственными качествами и бескорыстием. На должность эту мезенские зыряне, давно желавшие приобрести некоторые принадлежавшие самоедам богатые пушным зверем места по реке Пур, снискав разными происками расположение самоедов, представили зырянина Кирилла Терентьева, усердно поддерживая его в надежде чрез влияние его в случае определения самоедским писарем, достигнуть осуществления своих давнишних желаний и вообще иметь в лице Терентьева сильного пособника к достижению их своекорыстных целей. Но местное начальство, сознавая необходимость иметь на этом месте вполне честного и бескорыстного человека, который бы не мог, воспользовавшись доверием безграмотных старшин этого полудикого народа, вести их в заблуждение и ответетственность, не решилось утвердить самоедским писарем Терентьева, предложив самоедам избрать писарем кого-либо из обучившихся в Березове грамоте самоедов, известных начальству, и на которых, как на лиц, связанных с самоедами общими интересами, оно могло бы более положиться. Недовольные неудавшимися попытками, Худин и Терентьев сошлись, преследуя одне и те же цели и взаимно поддерживая друг друга. Результатом этого сближения было ложное истолкование Терентьевым Худину и другим самоедам его партии распоряжения об учреждении особого самоедского управления и вследствие того открытое неповиновение Худина

с товарищами местным властям, которые были вынуждены, во избежание еще больших беспорядков, допустить Терентьева, на время внесения ясака, к исправлению обязанностей писаря, что продолжалось несколько дней. Но и в это короткое время Терентьев и Худин успели произвести с самоедов неутвержденный начальством побор и наделать несколько других беспорядков. Для поддержания же влияния своего на самоедов Худин, по наущению Терентьева, открыто заявлял, что ему стоит с'ездить в Петербург и все березовские власти по его желанию будут смещены. В виду этого губернатор предписал выслать Терентьева за конвоем в место его жительства и просил распоряжения архангельского губернатора о воспрещении Терентьеву в'езда в Березовский округ.

Благодаря этому донесению министр вн. дел не дал, как видно, хода прошению Худина, и остается неизвестным, насколько были основательны его жалобы.

Сообщ. Г. Лапо.

Привилегированное положение охтенских (в Петербурге) ремесленников.

Старшина "Российского столярного цеха" Сафонов обратился в 1845 г. к министру внутренних дел с прошением, в котором указывал, что петербургский генерал-губернатор предписал полиции не допускать к производству работ без свидетельств ремесленных управ, а ремесленной управе—подвергать взысканию тех, кто не исполняет ремесленных постановлений, между тем "охтенские поселяне и вообще проживающие в Охтенской части ремесленники производят столярное, резное по дереву и позолотное ремесло, держат при заведениях своих от десяти до шестидесяти человек и более подмастерьев и учеников без записи их в цех и платежа повинностей"; при проверке было обнаружено, что в Охтенской части имеются 118 заведений и при них: подмастерьев или работников 346, учеников 131; на требование записаться в цех и платить повинности охтенские столяры ответили отказом, так как живут в местности, неподлежащей ведению ремесленной управы, и не обязаны платить повинности, и это побудило старшину столярного цеха обратиться за помощью к министру внутренних дел; доказывая, что охтенским ремесленникам не предоставлено таковых льгот, старшина присовокупил, что охтенские ремесленники не только причиняют вред цеховым мастерам в производстве работ, но сверх того в рабочее летнее время принимают к себе от этих мастеров подмастерьев, которые остаются должными прежнему хозяину, что вызывает частые жалобы, не могущие быть удовлетворенными, так как охтенские ремесленники не состоят в ведении ремесленной управы.

Но по раз'яснению петербургского генерал-губернатора оказалось, что охтенские ремесленники действительно находятся на особом положении. Согласно 490 статье ремесленных постановлений уездным жителям позволяется свободно производить ремесла в селениях, а по силе устава о податях (2 пункт 9-й статьи) адмиралтейские поселяне охтенские (и черноморские) были из'яты из подушного оклада; по закону же 16 декабря 1828 г. (полное собрание законов № 2520) о присоединении селений Большой и Малой Охты к Петербургу местные поселяне "остались при коренных повинностях Адмиралтейству, платя городу только сумму, исчисленную на содержание полиции". На основании этих постановлений охтенские поселяне, по мнению генерал-губернатора, пользовались правом производить ремесла без записи в цех и платежа казенных податей.

Министерство внутренних дел согласилось с этим толкованием и потому просьба старшины столярного цеха была отклонена [1]).

Сообщ. Ю. Ф.

[1]) Архив министерства внутр. дел, департамент хозяйственный, 1-й стол 2-го гор. отделения, 1845 г. дело № 443 „По прошению старшины спб. столярного цеха Сафонова о воспрещении ремесленникам Охтенской части" и т. д.

К истории празднования первого мая [1]).

16 апреля 1907 г. был послан морским министерством по главному управлению кораблестроения и снабжений нижеследующий секретный циркуляр [2]) на имя начальника Балтийского судостроительного и механического завода:

"Вследствие ходатайства Совещания для установления однообразных мер отношения к мастеровым и рабочим в портах и на заводах морского ведомства, товарищ морского министра, на основании 4-го примечания к росписанию праздничных дней (приказ по морскому ведомству от 12 февраля с. г. за № 28) разрешил, в случае, *если мастеровые и рабочие обратятся с просьбою* о сокращении рабочего времени первого наступающего мая, производить работы в этот день на один шабаш; *если же* мастеровые и рабочие *вовсе не явятся* в этот день на работы, *то их не штрафовать*".

Сообщ. А. Б.

Справка о частных горных заводах.

Частные горные заводы, по правилам и обязанностям, разделялись на посессионные и владельческие.

К разряду поссессионных принадлежали все те, которые имели вещественное пособие от казны или в людях, или в землях, или в лесах, или в рудниках. До 1852 года считались поссессионными и те заводы, кои владельцы получили позволение владеть заводом и при нем крепостными людьми, не имея прав дворянства,—но мнением государственного совета 24 мая 1852 г. [3]) раз'яснено, что дозволение не дворянам владеть крепостными заводскими людьми не считается вещественным пособием; однако те дворянские заводы, которые до 1852 г. платили полуторную подать, наравне с поссессионными, были оставлены при этой подати. В позднейшее время разряд поссессионных заводов подразделялся на несколько видов, а именно: одни из них (напр., Тагильские Демидовых) имели от казны все—земли, леса, людей и рудники; другие, владея собственными, на крепостном праве, землями и людьми, получили в пособие от казны только часть людей (напр., Сергиевские Губина); третьи имели все земли свои, но людей всех казенных (напр., Сысертские Соломирского); четвертые пользовались только казенными рудниками, и пятые, у которых люди укреплены не лицу, а заводу и назывались заводскими крепостными. Все эти заводы безразлично платили полуторную подать и потому назывались поссессионными. Независимо от такого значения поссессии заводов, народонаселение их имело свои категории, по праву приобретения людей; таких категорий три: 1) люди, данные от казны, или казенные, 2) люди, укрепленные к заводам и с ними приобретенные, или крепостные заводские, и 3) люди, поселенные при заводах на праве дворянском, или владельческие.

Казенные люди находились только на некоторых Уральских частных заводах (Яковлева, Соломирского, Турчанинова, Губина, Татаринова). Всех таких людей по 10 ревизии [4]) считалось 26.754 д. м. п. Казенные люди при частных заводах состояли на том же положении, как и при казенных, т. е. получали жалованье и задельную плату по штатам, не ниже казенных, пользовались даровым провиантом, освобождались лично от всяких государственных повинностей, натуральных и де-

---

[1]) Ср.: В. Колпенский. Первое мая в России (Архив истории труда, книга первая); Запрещение праздновать первое мая (там же, книга третья); В. Святловский. К истории первого мая („Былое", 1921 г. № 16).

[2]) Архив Балтийского завода, 1905 г., дело № 627, т. IV „О забастовках рабочих". Циркуляр за № 3238.

[3]) Архив гос. совета—департамент гос. экономии, 1852 г., дело № 58; Второе Полное собрание законов, № 26505.

[4]) Архив гос. совета, департамент законов, 1857 г., дело № 42; Второе П. С. З., № 31918—Устав о производстве десятой народной переписи.

пежных, которые за всех людей отправлялись на счет заводчика; безвозмездно пользовались землею (не менее двух десятин для сенокоса), лесом и выгоном, и получали от заводчика пенсии, на том же основании, на котором определялись пенсии мастеровым и рабочим на казенных заводах.

Крепостные заводские имелись в заводских округах—Уральском и Замосковном; по 10 ревизии—119.620 душ мужского пола. Они составляли принадлежность тех заводов, к которым куплены, и не могли быть отчуждены от них, хотя бы заводы принадлежали и дворянину. Заводчики не вправе были употреблять их в другие работы, кроме заводских. Рабочие получали жалованье и платы по распоряжению заводчика. Даровая выдача провианта для него была не обязательна. Все подати, как и за казенных, платил заводчик. От земской повинности натурою и деньгами освобождались только те, которые постоянно обращались в рабочих, или так называемые штатные [1]; остальные же, т. е. сверхштатные и незанимающиеся постоянно заводскими работами, отправляли сами земские повинности. Рекрутская повинность заштатных исполнялась взносом денег от заводчика, а за сверхштатных отдавались рекруты, но только в таком случае, если общее на заводе число людей более, чем по штату для действия его положено. Заводчики обязаны были иметь продовольственные запасы и содержать на своем иждивении госпитали, богадельни и школы. Всем заводским рабочим заводчик обязан был выделять потребное количество земли для сенокосов и пашень, что производилось под наблюдением заводского исправника, но сколько именно десятин—не было установлено.

Люди на полном владельческом праве были частию при заводах поссессионных (9574), но преимущественно при помещичьих (115.024); всего их числилось 124.528 душ. Владелец распоряжался этими людьми во всем об'еме прав полной собственности [2]). Рабочие получали поденную или задельную плату, провиант и надел земель совершенно по усмотрению заводчика; обязывался он только иметь попечение об оказании врачебной помощи и призрении рабочих людей. Владельческие люди не пользовались вовсе свободою от исправления повинностей натурою.

Сообщ. А. Шебалов.

---

[1]) Число штатных заводских людей определялось постановлениями 12 марта 1752 г. и 16 марта 1798 г. (Первое П. С. З. №№ 9954 и 18442): на доменную печь 400, кричный молот 126 и медиплавилен. печь 200 чел.

[2]) Владелец завода на помещичьем праве не стеснялся в отношении людей теми ограничениями, которые установлены для людей, данных от казны и укрепленных к заводам, и вследствие того он их отчуждал или переселял, обращал на работы и т. п. по собственному усмотрению. Владелец мог разрабатывать рудники, устраивать заводы, увеличивать их действие, уменьшать и вовсе прекращать также по своему усмотрению, но обязан был доводить об этом до сведения горного правления.

Вступление Ученой Комиссии в состав Об'единенного Совета Научных учреждений и Высших Учебных Заведений.

Отношением от 25 марта 1922 г. за № 689 Правление Об'единенного Совета Научных учреждений и Высших Учебных Заведений уведомило Ученую Комиссию, что она включена в число учреждений, входящих в состав Об'единенного Совета.

Редактор: Юл. Гессен.

Содержание «Архива истории труда в России».

Книга первая.

Книга вторая.

Книга третья.

СОДЕРЖАНИЕ ЧЕТВЕРТОЙ КНИГИ

„Архива истории труда в России".

Часть первая.

Часть вторая.

Часть третья.

Редакция „Архива истории труда в России“ считает необходимым уведомить сотрудников, что благоприятные технические условия позволяют ей выпустить в течение года не менее четырех книг. Следующая (пятая) книга выйдет в конце июля.

Присылаемые в Редакцию статьи должны быть четко написаны на одной стороне бумаги.

Рукописи следует направлять на имя Юлия Исидоровича Гессена по адресу: Петроград, Басков пер. 35.

Часы приема в Редакции (под'езд бывш. сената, против памятника Петра) по *вторникам* и *пятницам* от 12 до 1 ч.

УЧЕНАЯ КОМИССИЯ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ ИСТОРИИ ТРУДА В РОССИИ.

Председатель: **С. Ф. Платонов.**
Заместитель председателя: **Юл. Гессен.**
Члены: **И. М. Кулишер, З. И. Любинский, А. Е. Пресняков, А. С. Путилов, Е. В. Тарле, Г. В. Цыперович.**

Сотрудники „Архива истории труда в России“:

Л. М. Айзенберг, А. И. Андреев, П. Аргунов, И. Бендер, А. Л. Блек, В. В. Бирюкович, А. Большаков, П. Г. Васенко, Андрей Введенский, Влад. Юл. Гессен, Юлий Гессен, В. Г. Дружинин, Р. М. Кантор, Д. Каргин, В. В. Колпенский, Елена Коц, И. М. Кулишер, Г. Ф. Лапо, Ю. Михайлова, Мария Мурзанова, Н. А. Мурзанов, В. И. Невский, К. Пажитнов, С. Ф. Платонов, Наталия Платонова, Нина Платонова, А. Е. Пресняков, А. С. Путилов, С. В. Рождественский, Н. А. Рожков, Б. А. Романов, П. Садиков, В. В. Святловский, П. Столпянский, Е. В. Тарле, С. В. Фарфоровский, М. Цвибак, Т. Шатилова, А. В. Шебалов, А. Шебунин.

АДРЕС УЧЕНОЙ КОМИССИИ:

Петроград, здание Главного управления архивным делом, вход с площади (против памятника Петра I), под'езд б. Сената.

Часы приема: по вторникам и пятницам от 12 до 1 ч.

Журнал «Архив истории труда в России» продается во всех книжных магазинах.

Склад издания: Культурно-просветительный отдел Петроградского совета профессиональных союзов.

Петроград, Бульвар Профессиональных Союзов, Дворец Труда.

Петроград. Р. Ц. № 873. Тираж 5.000.

Типография Культ.-Просв. Отдела Петроградского Совета Союзов.